

Мавры в Испании

Стэнли Лейн-Пул

Электронная книга проекта Гутенберга о маврах в Испании

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, отдать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Мавры в Испании

Автор: Стэнли Лейн-Пул

Автор: Артур Гилман

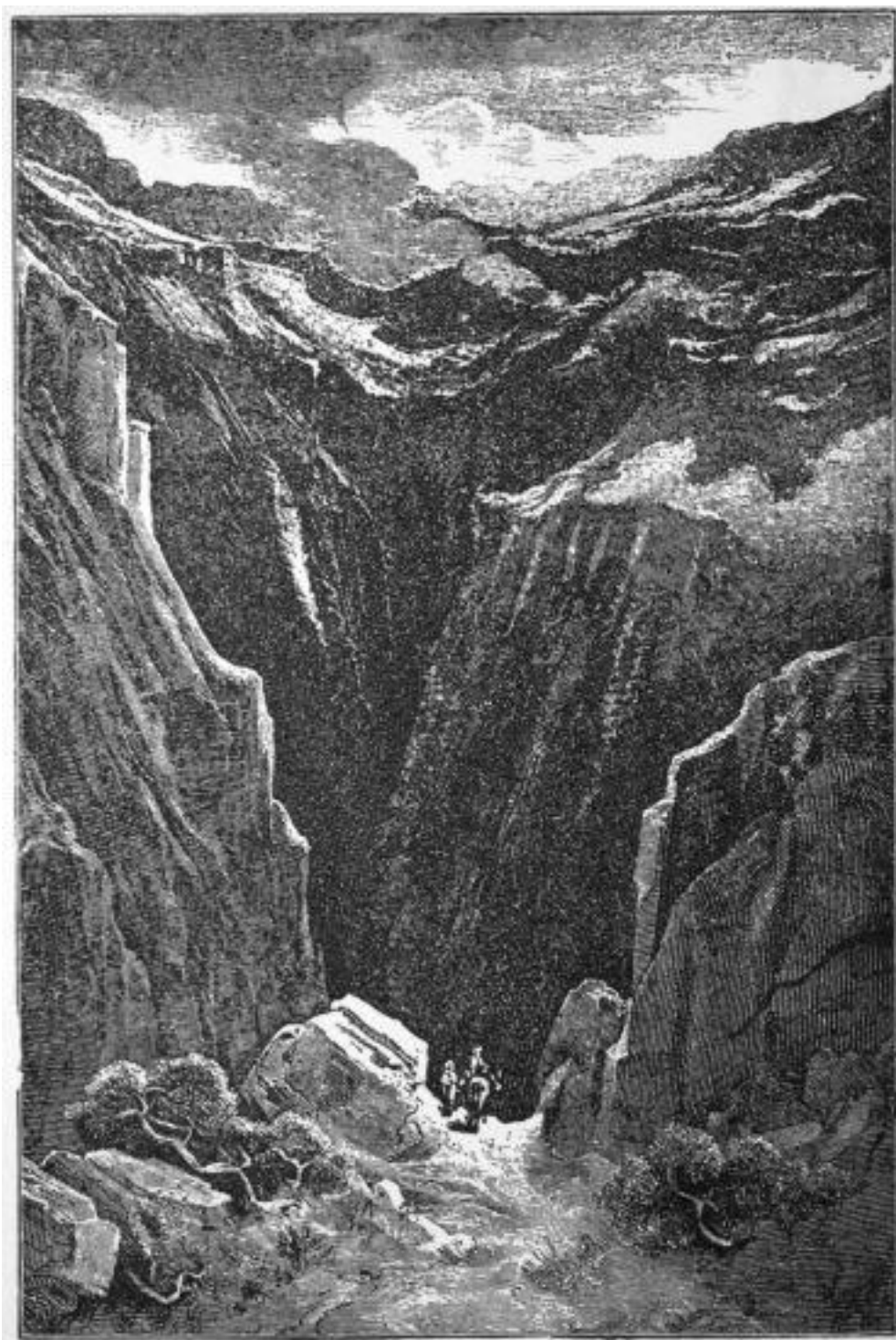
Дата выхода: 27 августа 2011 г. [Электронная книга № 37223]

Последнее обновление: 25 января 2021 г.

Язык: Английский

Втирах: Продюсер - Чак Грайф и команда корректоров, распространяющая в режиме онлайн на <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из интернет-архива.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МАВРЫ В ИСПАНИИ" ***

АЛЬПУХАРРАС.

ИСТОРИЯ НАРОДОВ

МАВРЫ В ИСПАНИИ

АВТОР: СТЭНЛИ ЛЕЙН-ПУЛ, Б.А., М.Р.А.С.

АВТОР КНИГ "БЕРБЕРИЙСКИЕ КОРСАРЫ", "ТУРЦИЯ", "САЛАДИН" И ДР.

В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С АРТУРОМ ГИЛМАНОМ, магистром МЕДИЦИНЫ,

АВТОРОМ КНИГ "ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОГО НАРОДА", "ИСТОРИЯ РИМА", "ИСТОРИЯ САРАЦИН" И ДР.

НЬЮ-ЙОРК
СЫНОВЬЯ Г. П. ПАТНЭМА
ЛОНДОН: Т. ФИШЕР АНВИН
1903

АВТОРСКОЕ ПРАВО Г. П. ПАТНЭМА И СЫНОВЕЙ
1886 г.

Представлено в Stationers' Hall, Лондон Т. ФИШЕРОМ АНВИНОМ

Предисловие.

Содержание.

Список иллюстраций.

Хронологическая таблица.

Указатель к тексту и примечания

Сноски

ПРЕДИСЛОВИЕ.

История Испании представляет собой печальный контраст. Тысячу двести лет назад Тарик Мавр добавил страну вестготов к длинному списку королевств, покоренных мусульманами. На протяжении почти восьми столетий под властью своих мусульманских правителей

Испания подавала всей Европе яркий пример цивилизованного и просвещенного государства. Ее плодородные провинции, ставшие вдвойне плодотворными благодаря промышленности и инженерному мастерству ее завоевателей, приносили стократные плоды. Бесчисленные города возникли в плодородных долинах Гвадалquivира и Гвадианы, названия которых, и только названия, все еще напоминают об исчезнувшей славе их прошлого. Искусство, литература и наука процветали, как больше нигде в Европе. Студенты стекались из Франции, Германии и Англии, чтобы испытать из источника знаний, который был только в городах мавров. Хирурги и доктора Андалусии были в авангарде науки: женщин поощряли посвящать себя серьезным занятиям, и женщина-врач не была неизвестна среди жителей Кордовы. Математикой, астрономией и ботаникой, историей, философией и юриспруденцией следовало овладевать в Испании, и только в Испании. Практическая работа в поле, научные методы орошения, искусство фортификации и кораблестроения, самые совершенные изделия ткацкого станка, гравера и молотка, гончарного круга и мастерок каменщика были доведены испанскими маврами до совершенства. В военной практике они долгое время были превосходны не меньше, чем в искусстве мира. Их флоты оспаривали у фатимитов господство в Средиземном море, в то время как их армии проносили огонь и меч по христианским границам. Сам Сид, национальный герой, долгое время сражался на стороне мавров и во всем, кроме образования, был более чем наполовину мавром. Все, что делает королевство великим и процветающим, все, что стремится к утонченности и цивилизации, было найдено в мусульманской Испании.

В 1492 году последний оплот мавров пал перед крестовым походом Фердинанда и Изабеллы, и вместе с Гранадой пало все величие Испании. Действительно, на короткое время отблеск мавританского великолепия пролил позаимствованный свет на историю земли, которую он когда-то согревал своим солнечным сиянием. Великая эпоха Изабеллы, Карла V и Филиппа II, Колумба, Кортеса и Писарро пролила последний свет на последние минуты существования могущественного государства. Затем последовали мерзость запустения, правление инквизиции и кромешная тьма, в которую с тех пор погрузилась Испания. В стране, где наука когда-то была высшей, испанские врачи стали известны только своим невежеством и неспособностью, а открытия Ньютона и Гарвея были осуждены как пагубные для веры. Там, где когда-то семьдесят публичных библиотек питали умы ученых, а полмиллиона книг было собрано в Кордове на благо мира, впоследствии воцарилось такое безразличие к знаниям, что в восемнадцатом веке в новой столице, Мадриде, не было публичной библиотеки, и даже рукописи Эскуриала были запрещены в наши дни первому ученому историку мавров, хотя сам он был испанцем. Шестнадцать тысяч ткацких станков Севильи вскоре сократились до пятой части от их прежнего числа; искусство и промышленность Толедо и Альмерии пришли в упадок; даже бани — общественные здания, одинаково украшенные и используемые — были разрушены, потому что чистота слишком сильно отдавала низкопробным прелюбодеянием. Земля, лишенная искусного орошения мавров, обнищала и была заброшена; самые богатые и плодородные долины пришли в упадок; большинство густонаселенных городов, заполнявших все районы Андалусии, пришли в страшный упадок; нищие, монахи и бандиты заняли место ученых, купцов и рыцарей. Так низко пала Испания, когда прогнала мавров. Таков меланхолический контраст, предлагаемый ее историей.

К счастью, мы имеем здесь дело только с первым из этих контрастных периодов, с Испанией в ее славе при маврах, а не с Испанией в ее упадке при бурбонах. Мы постарались представить наиболее заметные моменты восьми веков мусульманского правления без предубеждения или смягчений, и, не пренебрегая героическими персонажами и легендами, которые привлекают воображение читателя, мы особенно стремились дать ясную картину борьбы между расами и вероисповеданиями, которая была ведущей причиной

политического движения в средневековой Испании. Студент, желающий продолжить изучение предмета дальше, чем это было возможно в рамках данного тома, должен ознакомиться со следующими авторитетными источниками, которым мы глубоко признательны. Наиболее важными являются *"История мусульман Испании" покойного профессора Дози* (4 тома, Лейден, 1861) и *"Труды того же ученого" "Очерки истории и литературы Испании", посвященная жизни"* (2 тома, 3-е изд., Париж и Лейден, 1881). Эти работы полны ценной информации, представленной в форме, которая, хотя и несколько фрагментарна, одинаково приятна как с литературной, так и с исторической точки зрения. Профессор Дози был не только востоковедом, но и историком, и его книги одновременно рассудительны и глубоки. Очень полезен также перевод дона Паскуаля де Гаянгоса *"Истории мусульманских династий в Испании" Эль-Маккари* (2 тома, Лондон, 1843), который подвергся излишне резкой критике со стороны профессора Дози и других за некоторые незначительные неточности, но который, тем не менее, заслуживает благодарности всех студентов, которые предпочли бы съесть полбуханки, чем остаться без хлеба, и рады возможности читать арабского писателя, пусть и несовершенно, на европейском языке. Более того, заметки дона Паскуаля содержат массу ценного материала, который больше нигде нельзя получить. Помимо этих двух авторитетных специалистов, есть много арабских историков, к работам которых обращались при составлении настоящего тома, но которых вряд ли можно рекомендовать широкому кругу читателей, поскольку очень немногие из них нашли переводчиков. Небольшой, но очень читаемый и поучительный очерк арабской цивилизации с оглядкой на развитие Испании содержится в книге Августа Бебеля *"Мусульманско-арабский культурный период"* (Штутгарт, 1884). Что касается последних дней мавританского владычества, то живописное *"Завоевание Гранады" Вашингтона Ирвинга* и восхитительный *"Дон Джон Австрийский" сэра У. Стирлинга Максвелла*, в значительной степени взятые за основу в этом томе, заслуживают отдельного прочтения..... Следует старательно избегать всех историй мавров, написанных до работ Гаянгоса и Дози, поскольку они в основном основаны на *"Доминионе арабов в Испании" Конде*, книге значительных литературных достоинств, но очень незначительной исторической ценности, и источнике большинства ошибок, которые встречаются в более поздних работах. Послужила ли она в какой-либо степени основой для книги мисс Йонг *"Христиане и мавры в Испании"* (единственная популярная история того периода на английском языке, о которой я слышал), я определить не могу: один взгляд на ее страницы, хотя и вызвавший мое восхищение, показал мне, что ее книга написана в такой степени по тем линиям, которые я начертил для своей собственной работы, что я не мог читать ее без риска невольного подражания.

Помимо того, что я в долгу перед работами Дози и Гаянгоса, а также перед любезным сотрудничеством мистера Артура Гилмана, я должен с благодарностью отметить помощь моего друга мистера Х. Э. Уоттса, особенно в вопросах испанской орфографии.

В заключение, те, кто склонен заключить из представленной здесь картины мавританской цивилизации, что мусульманство всегда на стороне культуры и человечности, должны обратиться к другому тому этой серии, моей *Истории турок*, чтобы увидеть, что означает мусульманское варварство. Падение Гранады произошло через сорок лет после завоевания Константинополя; но завоевание ислама на востоке не возместило потерь, понесенных Европой на западе: турки были неспособны основать вторую Кордову.

S. L.-P.

РИЧМОНД, графство Суррей,
июль 1886 г..

СОДЕРЖАНИЕ.

СТРАНИЦА

I.

Последний из готов

1

Уединение Древней Аравии, 1—Перемены, вызванные пророком Мухаммедом, 2—
Сарацинские завоевания, 3—Нападение на Сеуту, 4—Состояние Испании, 4—
Последствия римского владычества, 5—Вестготы, 6—Деморализация всех классов,
7—Витиза, 8—Родерик, 8—История Флоринды, 11—Месть графа Джулиана, 11— Он
присоединяется к арабам, 12—Муса, сын Нозейра, 12—Первое вторжение в
Испанию под командованием Тарифа, 13—Вторжение Тарика, 13—Заколдованная
башня, 14—Видение Родерика, 18—Битва при Гуадалете, 20—Судьба дона Родриго,
21.

II.

Волна завоеваний

23

Покорение Испании, 23 — Захват Кордовы, Малаги, Эльвиры, Мурсии, 24— Стратегия
Теодемира, 25—Бегство готов, 26—Муса переходит границу с Испанией, 27 — Его
ревность к Тарику и отзыв, 28—Вторжение в Аквитанию и взятие Нарбонны, 28—
Битва при Туре, 29— Граница, установленная Карлом Мартеллом для наступления
мавританцев, 30— Карл Великий вторгается в Испанию, 33—Перевал Ронсваль, 34—
Смерть Роланда, 36.

III.

Народ Андалусии

39

Границы мавританской территории, 39 — Разделение между севером и югом, 40 —
Андалусия, 43— Положение людей после завоевания, 44— Налогообложение, 47—
Умеренность мавров, 47— Состояние рабов, 48— ренегаты, 49— Фракции среди
победителей, 50— Зависть арабских племен, 51— Берберы или Собственно мавры,
52 — Их суеверный характер, 53— Восстания берберов в Африке и Испании, 54—
Сирийские арабы приходят на помощь, 55— Их поселение в Андалусии, 56.

IV.

Молодой самозванец

58

Халифы Дамаска, 58—свержение Омеюуads, 59—приключения Абд-Эр-Рахмана в
Омеюуad, 60—он приземлится в Испании и с огромной радостью, 62—основания
Омеюуad Королевства из Андалусии, 63—бунты подавлялись Абд-Эр-Рахмана, 64—
свой характер, 66—Hishām И., 71—своим благочестием и добродетелями, 71—власть
жрецов, 72—Яхья Богослова, 73—присоединение Хакам, 74—его добродушный
характер, 74—восстание zelotov, 75—сжигание южном пригороде Кордовы, 76.

B.

Абд-Эр-Рахмана II в., 78—Королева Tarūb, 81—Ziryāb изысканный, 81—легкомыслие суде, 82—христианского фанатизма, 84: гонка за мученичество, 85—ул. Евлогий и Флора, 86—Смерть Перфектуса, 89 — Больше "мучеников", 90— Безразличие большинства христиан, 90— Умеренность, которую рекомендует Церковь, 91—Флора и Евлогий в тюрьме, 92— Их мученическая смерть, 93.

VI.

Великий халиф,

96

Крупные движения расы и вероисповедания в Андалусии, 96 — Потребность в великом короле. , 98— Слабость Абдаллы, 98— Всеобщая анархия, 101— Восстание Ибн-Хафсуна, 102—Ибн-Хадждадж Севильский, 105—Кордова в опасности, 106— Восшествие на престол Абд-эр-Рахмана III., 107— Его смелая политика, 108— Подчинение повстанцев, 109—Смерть Ибн-Хафсуна и завоевание Бохастро, 110— Осада Толедо, 110—Капитуляция, 113— Умиротворение Андалусии, 113.

VII.

Священная война

114

Принцип правления Абд-эр-Рахмана, 114— Славяне, 114—Войны с фатимитскими халифами Африки, 115—Пелайо и христиане Астурии, 116—Рост христианской мощи, 117—Кампании Альфонсо, 118—Солдаты Леона, 119—Набеги Ордоньо, 119—Битва при Святой Эстеван де Гормаз, 120—Абд-эр-Рахман наносит ответный удар, 120— Битва при Валь—де-Юнкерас и взятие Памплоны, 121—Абд—эр—Рахман принимает титул халифа, 121—Ежегодные кампании против христиан, 122—Рамиро побеждает его при Альхандеге, 123—Зависть среди христиан, 123—Фернандо Гонсалес, 123— Королева Теуда и Санчо Толстый вызывают о помощи халифа, 125 — Их визит в Кордову, 126—Врач Хаздай, 126—Смерть Абд—эр—Рахмана III., 126— Его достижения и характер, 127.

VIII.

Город халифа

129

Красота Кордовы, 129—Сады, 131—Дворцы, 132—Бани, 135— Великая мечеть, 136— "Город прекраснейших", 139—Прием в Мединат-эз-Захре, 142—Наука и литература, культивируемые маврами, 144—Состояние искусств в Андалусии, 147.

IX.

Премьер—министр

152

Хакам ii., 152 — Его библиотека, 155—Хишам II., 156—Уединение в хариме, 156— Королева—мать Аврора, 156—Влияние харима, 157—Возвышение Ибн-Аби—Амира по прозвищу Альманзор, 157—Его кампания с Галибом против христиан, 159 —Он становится премьер—министром, 160 — Его абсолютное правление, 161—Политика, 162—Стойкость, 162—Ресурсы, 162—Новая армия, 163—Кампании против христиан Севера, 164—Вторжение в Леон, Барселону и Галисию, 165—Захват Святого Сантьяго—де-Компостелла, 165—Бесконтрольные победы, 166—Смерть, 166— "Погребенный в аду", 166.

X.

Берберы у власти

167

Также анархия после смерти, 167—его сыновья, 169—чередa марионеточных халифов, 170—несчастье Hishām III C., 171—погромы и мародерство, 173—славяне и

берберы, 175—мешок городе Эз-Zabrā, 175—мелких династий, 176—продвижение христиане Леона и Кастилии, 176—Альфонсо VI., 177—Дур, 177—мавров позвонить в Almoravides, 178—Битва Zallāka, 179—характер Almoravides, 180—они подчинить Андалусии, 181—их тирании и деморализации, 183—изгнание Almoravides, 184.

XI.

Мой Сид претендента

185

государства христианской державы на севере 185—Фернандо И., 186—вассальную зависимость от князей Магометанского, 186—символ христиан и мавров противопоставляются, 189—на *Шевалье д'промышленности*, 191—УУР Родриго де Бивар, 191—титул Кампеадора, 191—его panegyrist, 192—Б в "Реал уголовного розыска," 192—*хроники о Сиде*, 193—героический персонаж, 193—УУР первого появления в истории, 195—его услуги Кастилии, 195—его изгнание, 195—принимает услуги с мавританским королем Сарагосы, 200—бои против христиан Барселоны, 201—в Валенсии, 205—налет на Леон 206—осада Валенсии, 206—бой с Almoravides, 209—смерть и погребение угрозыска, 213.

XII.

Королевство Гранада

214

Вторжение альмохадов в Андалусию, 214—Победа при Аларкос, 217—Поражение при Лас—Навасе, 217—Изгнание Альмохадов, 217—Продвижение христиан, 217—Гранада осталась одна маврам, 218—Династия Бени—Наср Гранады, 218—Их дань Кастилии, 221—Альгамбра, 221—Фердинанд и Изабелла, 232—Абул—Хасан (Альбоасен) отказывается от своей верности, 232—Захват Захары, 233—Падение Альхамы, 235—Бедствия христиан в горах Малаги, 236—Поражение мавров при Лусене, 242—Взятие в плен Боабдила, 245.

XIII.

Падение Гранады

246

Политика Фердинанда в отношении Боабдила, 246—Группировки в Гранаде, 247—Абенсеррахи, 247—Эз-Загал, 248—Кампании Фердинанда, 251—Осада Велеса и Малаги, 251—Защита Эз-Зегри, 253—Капитуляция, 254—Осада Базы, 258—Эз-Загал подчиняется, 259—Его судьба, 259—Гранаде под угрозой, 260—Ответ Мусы, 260—Осада, 263—Подвиг Пулгара, 264—Боабдил капитулирует, 266—Смерть Мусы, 266—Вступление Фердинанда и Изабеллы в Альгамбру, 266—"Последний вздох". мавра", 267.

XIV.

Несение креста

269

Условия сдачи Гранады, 269—Веротерпимость архиепископа Талаверы, 269—кардинал Хименес, 269—Восстание в Альпухаррасе, 271—Поражение и смерть Агилара, 271—Преследование морисков, 272—Второе восстание в Альпухаррасе, 274—Характер страны, 274—Героизм христиан, 276—Доска Таблет, 276—Резня мавров в Альбайсинской тюрьме, 277—Абен Умейя и Абен Або, 277—Дон Иоанн Австрийский, 278—Изгнание мавров, 279—Ликование в Испании, 279—Возмездие, 280.

Индекс

281

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

	СТРАНИЦА
АЛЬПУКСАРРАС,	<i>Фронтиспис</i>
ТОЛЕДО,	9
ВОРОТА БИСАГРЫ, ТОЛЕДО,	15
ПУЭРТО-ДЕЛЬ-СОЛЬ, ТОЛЕДО,	27
АРКА В АЛЬХАФЕРИИ САРАГОСЫ,	31
АЛЬКАНТАРА,	41
СЬЕРРА-НЕВАДА,	45
МОСТ КОРДОВЫ,	69
МАВРИТАНСКАЯ ШКАТУЛКА ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ 11 ВЕКА В СОБОРЕ ПАМПЛОНЫ,	79
ЗОЛОТАЯ БАШНЯ, СЕВИЛЬЯ,	99
ДВЕРЬ ДЕВИЧЬЕГО ДВОРА, СЕВИЛЬСКИЙ АЛЬКАСАР,	103
АКВЕДУК БЛИЗ ГРАНАДЫ	111
ВНЕШНИЙ ВИД ВЕЛИКОЙ МЕЧЕТИ В КОРДОВЕ	133
ВОРОТА КОРДОВСКОЙ МЕЧЕТИ	137
ИСПАНО-МОРЕСКО ВАЗА. (<i>Сохранилось в Гранаде</i>)	145
ИСПАНО-МОРЕСКО-БЛЕСТЯЩАЯ ПЛАСТИНА С ГЕРБАМИ ЛЕОНА, КАСТИЛИИ И АРАГОНА. (<i>В музее Южного Кенсингтона</i>)	149
ФУТЛЯРОВ С ДРЕВНИМ КОРАНОМ. (<i>Библиотека Эскуриала</i>)	153
ХИРАЛЬДА В СЕВИЛЬЕ	173
БОТИКА-ДЕ-ЛОС-ТАМПЛИЕРИОС, ТОЛЕДО	187
ВОРОТА СЕРРАНО, ВАЛЕНСИЯ	203
ГРОБНИЦА СИДА В САН-ПЕДРО-ДЕ-КАРДЕНЬЯ	211
ЗНАМЯ АЛЬМОХАДОВ	215
ЩИТ КОРОЛЯ ГРАНАДЫ	219
ЛЬВИНЫЙ ДВОР В АЛЬГАМБРЕ	223
САД ХЕНЕРАЛИФЕ, ГРАНАДА	229
ОКНО В АЛЬГАМБРЕ, ГРАНАДА	243
СВЕТИЛЬНИК В МЕЧЕТИ ИЗ ГРАНАДЫ	249
МАЛАГА	255
МЕЧ БОАБДИЛА (<i>Коллекция Вилласеки, Мадрид</i>)	261

ИСТОРИЯ МАВРОВ В ИСПАНИИ

Я.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ГОТОВ.

КОГДА армии Александра Македонского топтали древние империи Востока, одна страна оставалась невозмутимой. Народ Аравии не посылал скромных посольств к завоевателю. Александр решил поставить на ноги презренных арабов: он готовился вторгнуться в их страну, когда смерть наложила на него свою руку, и арабы остались непокоренными.

Это было более чем за триста лет до Рождества Христова, и даже тогда арабы уже давно обрели независимость на своем огромном пустынном полуострове. Еще почти тысячу лет они продолжали жить там в странном одиночестве. Повсюду вокруг них возникали великие империи; преемники Александра основали сирийское царство Селевкидов и египетскую династию Птолемеев; Август был коронован императором в Риме; Константин стал первым христианским императором в Византии; орды варваров обрушились на обширные провинции Цезарей — и все же арабы оставались нетронутыми, неизведанными и непокоренными. Их пограничные города могли выражать почтение Хосрову или Цезарю, римские легионы могли время от времени мелькать на их высокогорных просторах; но такое впечатление было слабым и преходящим и оставляло арабов равнодушными. Хотя они были окружены землями, которыми правили исторические династии, их пустыни и их доблесть всегда сдерживали захватчиков, и со времен глубокой древности до седьмого века христианской

эры об этом уединенном народе почти ничего не было известно, кроме того, что они существовали и что никто не нападал на них безнаказанно.

Затем в характере арабов произошла внезапная перемена. Они больше не стремились к уединению, они выступили перед миром и со всей серьезностью приступили к его завоеванию. Эта перемена была вызвана одним человеком. Арабский пророк Мухаммед начал проповедовать религию *ислама* в начале седьмого века, и его учение, обрушившееся на людей, склонных к быстрым импульсам и восприимчивых к сильным впечатлениям, произвело революцию. То, чему он учил, было достаточно простым. Он принял старую веру евреев, имевшую своих последователей в Аравии, и, внося такие дополнения и изменения, какие считал необходимыми, проповедовал поклонение Единому Богу как новое откровение для народа идолопоклонников. В настоящее время нам трудно понять непреодолимый импульс, который простое и бесстрастное вероучение Мухаммеда дало всему народу Аравии; но мы знаем, что такие религиозные революции происходили и что в личном влиянии истинного пророка всегда есть таинственное и могущественное очарование. Мухаммед был настолько верен, что честно и усердно проповедовал то, что считал единственно правильной верой, и в этом символе веры было достаточно возвышенности, а в Пророке и его слушателях - энтузиазма, чтобы вызвать ту волну всепоглощающих народных чувств, которую люди называют фанатизмом. Арабы до времен Мухаммеда представляли собой совокупность соперничающих племен или кланов, отличавшихся такими дикарскими добродетелями, как храбрость, гостеприимство и даже рыцарство, и были преданы погоне за добычей. Пророк на время превратил арабские племена в мусульманский народ, наполнил их пылом мучеников и добавил к жажде грабежа более благородное стремление привести все человечество к познанию истины.

Перед смертью Мухаммед был повелителем Аравии, и объединенные племена, принявшие мусульманскую веру, уже распространялись по соседним землям и покоряли изумленные народы. При его преемниках, халифах, армии мусульман захватили Персию, Египет и Северную Африку вплоть до Геркулесовых столбов; и муэдзины распевали Призыв к молитве правоверных по всей земле от реки Окс в Центральной Азии до берегов Атлантического океана.

Магометане, или сарацины (слово, означающее "выходцы с Востока"), были остановлены в Малой Азии войсками греческого императора; и только в пятнадцатом веке они, наконец, получили давно желанное владение Константинополем благодаря доблести турок-османов. Точно так же на противоположной оконечности Средиземного моря офицер греческого императора некоторое время сдерживал наступление арабов. Завоеватели захватили провинции Северной Африки и после долгой борьбы на некоторое время подчинили себе буйные берберские племена, пока против них не устояла только крепость Сеута. Подобно остальному южному побережью Средиземного моря, Сеута принадлежала греческому императору; но она была так далеко удалена от Константинополя, что была передана на попечение соседнего королевства Испании и, хотя номинально все еще находилась под властью императора, на самом деле обращалась к королю Толедо за помощью и защитой. Маловероятно, что вся помощь, которую могла бы оказать Испания, помогла бы противостоять нахлынувшей волне сарацинского вторжения; но так случилось, что в то время произошла ссора между Юлианом, губернатором Сеуты, и Родериком, королем Испании, которая открыла дверь арабам.

Испания тогда находилась под властью вестготов, или западных готов, племени варваров, подобных многим другим, которые наводнили провинции Римской империи в период ее упадка. Остготы оккупировали Италию; а их родственники вестготы, вытеснив или подчинив

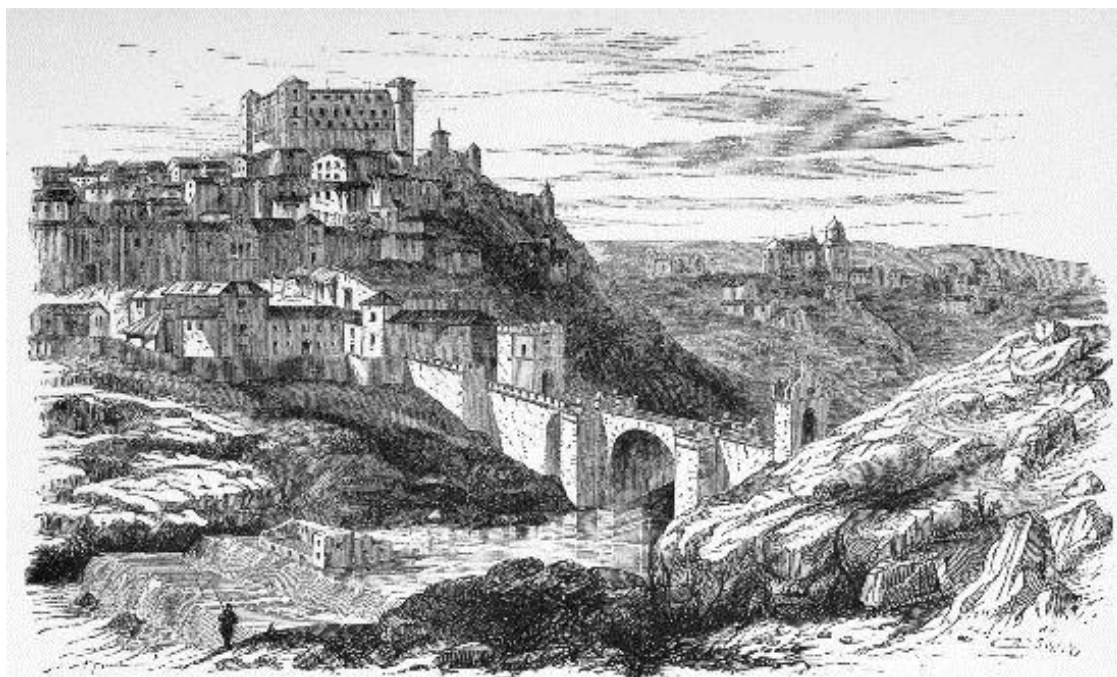
себе свефов (или швабов) и другие грубые германские племена, обосновались в римской провинции Иберия (Испания) в пятом веке после Рождества Христова. Они обнаружили страну в том же состоянии изнеженной роскоши и вырождения, которое привело к разорению другие части империи. Подобно многим воинственным народам, римляне, когда их работа была завершена и весь мир был у их ног, удовлетворенно отдохнули от своих трудов и предались удовольствиям, которые позволяют богатство и безопасность. Они больше не были храбрыми суровыми людьми, которые вели простую жизнь и оставляли орало, чтобы взяться за меч, когда Сципион или цезарь призывали их защищать свою страну или завоевывать континент. В Испании богатые классы были преданы роскоши и чувственности; они жили только ради еды и питья, азартных игр и всевозможных возбуждений. Основная масса людей была либо рабами, либо, что почти то же самое, рабочими, привязанными к земле, которые не могли быть оторваны от земли, которую они обрабатывали, но переходили с ней от хозяина к хозяину. Между богатыми и рабами находился средний класс бюргеров, которым, возможно, было еще хуже, поскольку на их плечах лежало все бремя содержания государства; они платили налоги, выполняли гражданские и муниципальные функции и поставляли деньги, которые богатые растрачивали на предметы роскоши. В столь деморализованном обществе не было элементов сопротивления решительному захватчику. Богатые дворяне были слишком поглощены своими удовольствиями, чтобы их легко разбудить слухами о враге; их мечи заржавели из-за того, что они слишком долго лежали без дела. Рабы не испытывали особого интереса к смене хозяев, которая вряд ли могла сделать их более несчастными, чем они уже были; а бюргеры были недовольны распределением бремени государства, из-за которого им приходилось нести большую часть расходов, в то время как они не получали никаких преимуществ.

Из таких людей, как они, невозможно было сформировать сильную и решительную армию; и поэтому готы без особых проблем вторглись в Испанию; города охотно открыли свои ворота, и большая цивилизация римской Испании сдалась без малейшего удара. Правда заключалась в том, что путь готов был слишком хорошо подготовлен предыдущими ордами варваров — аланами, вандалами и свевами, — чтобы требовать больших усилий с их стороны. Романизированные испанцы в полной мере познали, что влечет за собой вторжение варваров; они видели, как их города были сожжены, их жены и дети уведены в плен, те немногие лидеры, которые оказали какое-либо мужественное сопротивление, убиты; они видели последствия бедствия варваров — чуму и голод, опустошенные земли, умирающих от голода жителей и повсюду дикую анархию. Они усвоили свой урок и безропотно впустили готов.

В начале VIII века, когда сарацины достигли африканского берега Атлантики и смотрели через Геркулесов пролив на солнечные провинции Андалусии, готы владели Испанией более двухсот лет. У них было достаточно времени, чтобы исправить испорченное состояние королевства и вдохнуть в него свежую силу молодости, которую старая цивилизация иногда обретает благодаря появлению варварских, но мужественных рас. Были особые причины, по которым готы должны были улучшить состояние Испании. Они были не только смелыми, сильными и неподкупными легкостью жизни; они были христианами, и, по-своему, очень ревностными христианами. На момент их прибытия Испания была обращена лишь номинально: Константин действительно провозгласил христианство религией Римской империи, но оно очень слабо прижилось в Западных провинциях. Приход такой невежественной, но набожной расы, как готы, вероятно, мог бы пробудить более искреннюю веру в новую религию среди изношенного язычества королевства, и католические священники были полны надежды на будущее своей церкви. Результат ни в коей мере не оправдал ожиданий. Готы действительно оставались набожными, но они рассматривали

свои религиозные акты главным образом как возмещение за свои пороки; они усугубляли исключительно тяжкие грехи дополнительным количеством раскаяния, а затем грешили снова без угрызений совести. Они были столь же коррумпированы и аморальны, как и римская знать, которая была до них, и их христианский стиль не побуждал их стремиться улучшить положение своих подданных. Крепостные находились в еще более плачевном состоянии, чем раньше. Они не только были привязаны к земле или хозяину, но и не могли вступать в брак без его согласия, а если рабы из соседних поместий вступали в смешанные браки, их дети распределялись между владельцами нескольких владений. Средние классы несли, как и во времена Римской Империи, бремя налогов и, следовательно, были банкротами и разорены: земля по-прежнему находилась в руках немногих, а большие поместья безразлично обрабатывались толпами жалких рабов, чьи унылые жизни не скрашивались ни надеждой на улучшение, ни мечтой об освобождении перед смертью. Само духовенство, проповедовавшее о братстве христиан, теперь, когда они разбогатели и владели большими поместьями, присоединилось к традиционной политике и обращалось со своими рабами и крепостными так же плохо, как любой римский дворянин. Богатые погрязли в том же болоте чувственности, которое привело к гибели римлян, а пороки христиан-готов соперничали, если не превосходили, с утонченной порочностью язычников. "Король Витиза, - говорит хронист, стремясь найти какую-нибудь причину низвержения христиан сарацинами, - научил всю Испанию грешить". Испания, действительно, слишком хорошо знала, как грешить раньше, и Витиза, возможно, был не хуже своих предшественников; но готы дали новую волю всеобщему разврату. Пороки варваров часто обнаруживают близкое сходство с пороками пришедшей в упадок цивилизации, и в данном случае смена правителей не принесла улучшения нравственности.^[1]

Таково было состояние Испании, когда мусульмане приблизились к ее границам. Коррумпированная аристократия разделила землю между собой; огромные поместья обрабатывала жалкая и безнадежная раса крепостных; классы граждан были разорены. По другую сторону Гибралтарского пролива находились воины ислама, все отважные воины, воспламененные пылом новой веры, с детства приученные к оружию, простые и грубые в своей жизни и жаждущие грабить богатые земли неверных. Между двумя такими народами не могло быть сомнений относительно исхода борьбы; но чтобы устранить возможность сомнений, на помощь захватчикам пришло предательство.

ТОЛЕДО.

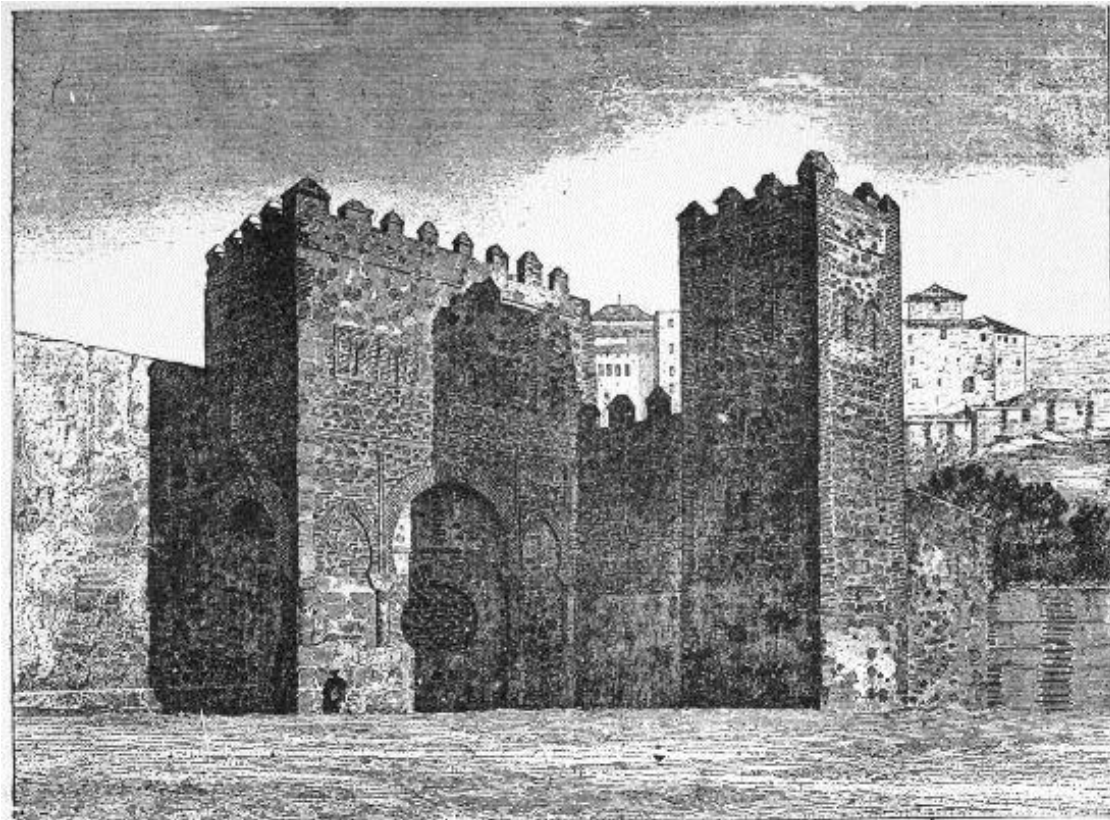
Витиза был свергнут Родериком, принцем, который, кажется, хорошо начал свое правление, но вскоре поддался искушениям богатства и власти. Его эгоистичный характер, склонный к удовольствиям, поджег горючие материалы, которые окружали его, и им нужна была всего лишь искра, чтобы взорваться и разрушить его королевство. В то время среди принцев государства был обычай посылать своих детей ко двору, чтобы они обучались всему, что связано с хорошим воспитанием и вежливым поведением. Среди прочих граф Джулиан, губернатор Сеуты, отправил свою дочь Флоринду ко двору Родерика в Толедо, чтобы она получила образование среди фрейлин королевы. Девушка была очень красива, и король, забыв о своей чести, которая обязывала его защищать ее, как собственную дочь, опозорил ее.^[2] Бесчестие было еще большим, поскольку жена Юлиана была дочерью Витизы, и королевская кровь готов, таким образом, была оскорблена в лице Флоринды. В отчаянии молодая девушка написала своему отцу и, позвав верного пажа, попросила его, если он надеется на рыцарскую честь или благосклонность леди, мчаться со всей поспешностью, днем и ночью, по суше и по морю, пока он не вручит письмо графу Джулиану.

У Джулиана не было причин любить короля Родерика; его собственная связь со свергнутым и, вероятно, убитым королем Витизой запрещала общение с узурпатором; а бесчестие его дочери раздуло его тлеющую злобу до вспышки мстительной ярости. До сих пор он успешно отражал нападения арабов, но теперь он решил больше не защищать королевство разрушителя своей дочери. Сарацины могли бы захватить Испанию, если бы захотели, и он был готов показать им путь. Охваченный жадой мести, Юлиан поспешил ко двору Родерика, где так искусно замаскировал свои намерения, что король, испытывавший некоторые угрызения совести и веривший, что Флоринда сохранила тайну, осыпал его почестями, прислушивался к его советам во всем, что касалось защиты королевства, и даже по его предательскому совету отправил лучших лошадей и оружие Испании на юг под командование Юлиана, чтобы быть готовым к борьбе с неверными захватчиками. Граф Джулиан отбыл из Толедо, пользуясь высочайшим расположением короля, взяв с собой свою дочь. На прощание Родерик попросил графа прислать ему каких-нибудь особенных ястребов, которые нужны ему для охоты; Джулиан ответил, что привезет ему таких ястребов, каких он никогда в жизни раньше не видел, и с этим скрытым намеком на приход арабов он вернулся в Сеуту.

Как только он вернулся, он нанес визит Мусе, сыну Нозейра, арабского губернатора Северной Африки, с которым его войска много раз скрещивали мечи, и сказал ему, что война между ними теперь окончена — отныне они должны быть друзьями. Затем он наполнил уши арабского генерала рассказами о красоте и богатстве Испании, о ее реках и пастбищах, виноградниках и оливках, о ее великолепных городах и дворцах и сокровищах готов: по его словам, это была земля, текущая молоком и медом, и Мусе нужно было только перейти и взять ее. Джулиан сам укажет ему путь и одолжит корабли. Однако араб был осторожным военачальником; он считал, что это заманчивое предложение могло прикрыть вероломную засаду; поэтому он отправил гонцов к своему повелителю халифу в Дамаск за инструкциями, а тем временем удовлетворился отправкой небольшого отряда из пятисот человек под командованием Тарифа в 710 году совершить набег на четырех кораблях Юлиана на побережье Андалусии. Арабы еще не привыкли к плаванию по Средиземному морю, и Муса не желал подвергать опасностям морских глубин более чем незначительную часть своей армии.

Тариф вернулся в июле, успешно выполнив свою миссию. Он высадился в Тарифе, месте, которое до сих пор носит его имя, разграбил Альхесирас и увидел достаточно, чтобы убедиться в правдивости рассказа графа Хулиана о беззащитном состоянии Испании и в том, что на его собственную лояльность захватчикам можно положиться. И все же Муса не был расположен отваживаться на новое завоевание. Халиф Дамаска приказал ему ни в коем случае не подвергать риску всю мусульманскую армию в неизвестных опасностях и разрешил лишь небольшие набеги. Тем не менее, воодушевленный успехом Тарифа, Муса решился на несколько более масштабное предприятие. В 711 году, узнав, что Родерик занят на севере своих владений, где произошло восстание басков, Муса отправил одного из своих генералов, мавра Тарика, с 7000 войсками, большинство из которых также были маврами,^[3] совершить еще один набег на Андалусию. Рейд завел его дальше, чем он ожидал. Тарик высадился у львиной скалы, которая с тех пор носит его имя, Гебал-Тарик, Гибралтар, и, захватив Картею, продвинулся вглубь страны. Он не успел продвинуться далеко, как увидел, что все силы готов под командованием Родерика двинулись ему навстречу. Две армии встретились на берегах небольшой речки, называемой сарацинами Вади Бекка, недалеко от Гуадалете, которая впадает в пролив у мыса Трафальгар.

Легенда гласит, что незадолго до этого, когда король Родерик восседал на своем троне в древнем городе Толедо, в зал для аудиенций вошли два старика. Они были одеты в белые одежды древнего пошива, а их пояса были украшены знаками Зодиака и увешаны бесчисленными ключами. "Знай, о царь, - сказали они, - что в незапамятные времена, когда Геркулес установил свои столпы в океанском проливе, он воздвиг крепкую башню недалеко от древнего города Толедо и заключил в ней магическое заклинание, защищенное тяжелыми железными воротами со стальными замками; и он повелел, чтобы каждый новый царь ставил новый замок на портал, и предсказал горе и гибель тому, кто попытается разгадать тайну башни. Итак, мы и наши предки охраняли дверь башни со времен Геркулеса и по сей день; и хотя были короли, которые пытались раскрыть эту тайну, их концом всегда была смерть или горькое изумление. Никто никогда не проникал за порог. Теперь, о король, мы пришли просить тебя прикрепить твой замок к заколдованной башне, как делали все короли до тебя ". После чего старики удалились.

ВОРОТА БИСАГРЫ, ТОЛЕДО.

Но Родерик, когда он подумал обо всем, что они сказали, преисполнился жгучего желания войти в заколдованную башню, и, несмотря на предупреждения своих епископов и советников, которые снова сказали ему, что никто никогда не входил в башню живым, и что даже великий Цезарь не осмеливался попытаться войти...

И никогда не откроется, гласят старые записи,
Кроме короля, последнего из всего его рода,
Когда его империя придет в упадок,
И измена подкапывает под себя свою роковую шахту,
А высоко вверху надвигается Божественный гнев возмездия—

несмотря на все предостережения, однажды он выехал верхом в сопровождении своих всадников и приблизился к башне. Он стоял на высокой скале, окруженный утесами и пропастями. Его стены были из яшмы и мрамора, инкрустированные изящными узорами, которые сверкали в лучах солнца. Вход вел через проход, вырубленный в камне, и был закрыт большими железными воротами, покрытыми ржавыми замками всех веков, от времен Геркулеса до Витизы; и по обе стороны от них стояли старики, пришедшие в зал для аудиенций. Весь день два старых привратника, хотя и с дурным предчувствием, с помощью веселых кавалеров Родерика трудились, поворачивая ржавые ключи, пока, когда солнце уже клонилось к закату, ворота не открылись, и король со свитой приблизился ко входу. Ворота распахнулись, и они вошли в зал, по другую сторону которого, охраняя вторую дверь, стояла гигантская бронзовая фигура устрашающего вида, которая непрерывно размахивала огромной булавой и наносила могучие удары по земле вокруг.

Когда Родерик увидел эту фигуру, он на мгновение пришел в ужас; но, увидев на ее груди слова: "Я исполняю свой долг", он набрался храбрости и заклинал ее пропустить его в

целости и сохранности, ибо он не имел в виду святотатства, а только хотел узнать тайну башни. Затем фигура остановилась с поднятой булавой, и король и его последователи прошли под ней во вторую комнату. Они нашли его инкрустированным драгоценными камнями, а посреди него стоял стол, поставленный туда Геркулесом, а на нем шкатулку с надписью: "В этом ларце тайна Башни. Никто, кроме короля, не может открыть его; но пусть он остерегается, ибо ему откроются удивительные вещи, которые должны произойти перед его смертью".

Когда король открыл сундук, в нем не было ничего, кроме пергамента, сложенного между двумя медными пластинами; на нем были изображены всадники со свирепыми лицами, вооруженные луками и ятаганами, а над ними был девиз: "Смотри, безрассудный человек, на тех, кто свергнет тебя с твоего трона и покорит твое королевство". И пока они смотрели на картину, внезапно они услышали шум войны и увидели, как, словно сквозь облако, фигуры странных всадников пришли в движение, и картина превратилась в видение войны:

Итак, на взгляд печального Родерика, по порядку распространения, последовательные представления заполняли эту мистическую сцену, показывая судьбу сражений до того, как они пролились кровью, И исход событий, которых не было.

"Они увидели перед собой огромное поле битвы, где христиане и мавры были вовлечены в смертельную схватку. Они слышали бег и топот коней, звуки труб и кларнета, звон тарелок и неистовый грохот тысячи барабанов. Послышались сверканье мечей, булав и боевых топоров, свист стрел и метание дротиков и копий. Христиане дрогнули перед врагом. Неверные напали на них и обратили в полное бегство; знамя Креста было опущено, знамя Испании растоптано; воздух огласился криками триумфа, воплями ярости и стонами умирающих. Среди летучих эскадронов король Родерик увидел коронованного воина, который был повернут к нему спиной, но чьи доспехи и герб были его собственными, и который восседал на белом коне, похожем на его собственную боевую лошадь Орелию. В суматохе боя воин спешил, и его больше не было видно, а Орелия бешено скакала по полю боя без всадника".^[4]

Когда король и его приближенные в смятении бежали из заколдованной башни, огромная бронзовая фигура исчезла, двое пожилых привратников лежали мертвыми у входа, и среди различных штормовых знамен природы башня вспыхнула пламенем, и каждый камень сгорел и развеялся по ветру; и рассказывают, что везде, где его пепел падал на землю, были видны капли крови.

Средневековые хронисты, как христиане, так и арабы, с удовольствием рассказывали о таких предзнаменованиях, как эти:

Легенда и видение, пророчество и знамение,
Где чудеса арабски сочетаются
С готическими образами более темных оттенков;

и мы читаем, как обе стороны приближающегося сражения были воодушевлены или встревожены предзнаменованиями различного рода. Говорят, что сам Пророк явился Тарику и повелел ему набраться храбрости, нанести удар и победить; рассказывается много подобных басен. Но какими бы ни были мечты и видения армий, стоявших тогда лагерем друг против друга у реки Гваделете, результат сражения никогда не вызывал сомнений. Тарик,

действительно, хотя и получил подкрепление в 5000 берберов, командовал все еще небольшой армией в 12 000 человек, а у Родерика за спиной было в шесть раз больше людей. Но захватчики были смелыми и выносливыми людьми, привыкшими к войне, и их возглавлял герой; испанцы были толпой рабов, с которыми плохо обращались, а среди их командиров были вероломные дворяне. Родственники Витизы были там, послушные призыву Родерика; но они намеревались перейти на сторону врага в разгар битвы и выиграть день для сарацин. Они понятия не имели, что предадут Испанию. Они думали, что захватчики были всего лишь в поисках добычи; и что, когда набег закончится и добыча будет добыта, они вернутся в Африку, когда род Витиза будет восстановлен на своем древнем месте. И таким образом они приложили руку к сегодняшней работе, которая на восемь столетий поставила прекраснейшие провинции Испании под мусульманское господство.

Когда мавры увидели могучую армию, которую Родерик привел против них, и увидели короля в его великолепных доспехах под великолепным балдахином, их сердца на мгновение упали. Но Тарик громко закричал: "Люди, перед вами враг, и море у вас за спиной. Клянусь Аллахом, вам нет спасения, кроме как в доблести и решимости". И они набрались храбрости и закричали: "Мы последуем за тобой, о Тарик", - и бросились вслед за своим полководцем в бой. Битва длилась целую неделю, и с обеих сторон зафиксированы чудеса доблести. Родерик снова и снова собирал свою армию, но дезертирство партизан Витизы изменило исход сражения, и оно стало ареной катастрофического разгрома.

Войска дона Родриго были рассеяны в смятении,
когда была проиграна восьмая битва, у них не было ни сердца, ни надежды;
Он, когда увидел, что поле боя потеряно, и все его надежды рухнули,
Он отвернулся от своего летучего войска и отправился в путь один.

Весь перепачканный и усыпанный пылью и кровью, похожий на какую-то тлеющую головешку,
выдернутую из пламени, показался Родриго; его меч был у него в руке,
но он был изрублен пилой темно-фиолетового оттенка:
у его украшенной драгоценными камнями кольчуги было много изъянов, на шлеме - вмятин.

Он взобрался на вершину холма, самого высокого, что мог видеть,
оттуда на все это широкое поле боя бросил свой последний долгий взгляд;
Он увидел свои королевские знамена, где они лежали промокшие и разорванные,
он услышал победный клич, презрительный крик араба.

Он искал храбрых военачальников, которые возглавляли войска Испании,
но все бежали, кроме мертвых, а кто мог сосчитать убитых?
Куда бы ни устремлялся его взгляд, вся равнина была залита кровью,
И пока он так говорил, слезы, которые он проливал, текли по его щекам, как дождь:

"Прошлой ночью я был королем Испании, а сегодня я уже не король;
Прошлой ночью в прекрасных замках проходил мой поезд, сегодня ночью где мне лечь?"

Прошлой ночью сотня страниц послужила мне на пользу —
Сегодня ни одну я не назову своей, ни одна не относится ко мне.

О невезучий, невезучий был час и проклятый был день,
когда я родился, чтобы обладать властью этого великого сеньора!
Несчастный я, что должен увидеть, как заходит солнце этой ночью!
О Смерть, почему ты так медлишь, почему боишься нанести удар?"[5]

Так гласит старая испанская баллада; но судьба Родерика по сей день остается загадкой. Еголошадь и сандалии были найдены на берегу реки на следующий день после битвы, но его тела с ними не было. Несомненно, он утонул и его смыло в великий океан. Но испанцы не поверили этому. Они окутали мертвого короля священной тайной, которая, несомненно, не окутывала его при жизни. Они превратили последнего из готов в легендарного спасителя, подобного королю Артуру, и верили, что он снова вернется из своего пристанища на каком-нибудь океанском острове, исцеленный от своей раны, чтобы снова повести христиан против неверных. В испанских легендах Родерик провел остаток своей жизни в благочестивых подвигах покаяния, и его медленно пожирали змеи в наказание за совершенные им грехи, пока, наконец, его преступление не было смыто, "боль тела избавила от боли духа", и "Дону Родриго" было позволено отправиться на мирный остров, откуда его соотечественники долго ждали его триумфального возвращения.

II.

ВОЛНА ЗАВОЕВАНИЙ.

"О ПОВЕЛИТЕЛЬ правоверных, это не обычные завоевания; они подобны встрече народов в судный день". Так писал Муса, губернатор Африки, халифу Велиду, описывая победу Гуадалете. Неудивительно, что сарацины были поражены полнотой своего триумфа. Оставляя в стороне области мифов, которыми испанские хронисты окружили падение Родерика, обратим внимание на то, что победа при Гуадалете отдала всю Испанию в руки мавров. Тарик и его двенадцать тысяч берберов одним ударом завоевали весь полуостров, и требовались лишь обычная энергия и расторопность, чтобы ослабить слабое сопротивление, которое все еще оказывали некоторые города. Победитель, не теряя времени, развил свой успех. Вопреки приказу Мусы, который горько завидовал неожиданной славе, пришедшей к его берберскому лейтенанту, и приказал ему не продвигаться дальше, удачливый генерал двинулся в путь без промедления. Разделив свои силы на три бригады, он рассредоточил их по полуострову и без особого труда брал город за городом. Мугит, один из его офицеров, был отправлен с семьями всадниками захватить Кордову. Притаившись до наступления темноты, Мугит украдкой приблизился к городу. Ливень с градом, который мусульмане считали особой милостью Провидения, заглушил топот копыт их лошадей. Пастух указал на брешь в стенах, и здесь мавры решили пойти на штурм. Один из них, более проворный, чем остальные, взобрался на фиговое дерево, росшее под проломом, и оттуда, вспрыгнув на стену, бросил конец длинного тюрбана остальным и подтянул их за собой. Они мгновенно застали врасплох стражу и распахнули ворота перед основными силами захватчиков, и город был взят практически без удара. Губернатор и гарнизон укрылись в монастыре, где в течение трех месяцев подвергались жестокой осаде. Когда, наконец, они сдались, Кордова была оставлена на попечение евреев, которые показали себя верными союзниками мусульман во время кампании и которые впоследствии всегда пользовались большим уважением со стороны завоевателей. Мавры допускали их к своей близости и до очень поздних времен никогда не преследовали их, как это делали готские священники. Куда бы ни проникало сарацинское оружие, мы всегда обнаруживаем, что евреи преследуют нас по пятам: пока арабы сражались, евреи торговали людьми, а когда боевые действия закончились, евреи, мавры и персы объединились в том развитии образования и философии, искусств и наук, которое особенно отличало сарацинское правление в средние века.

При содействии евреев и терроре испанцев завоевание Тарика шло быстрыми темпами. Арчидона была занята без боя: все жители бежали в горы. Малага сдалась, а Эльвира (недалеко от того места, где сейчас стоит Гранада) была взята штурмом. Горные перевалы Мурсии некоторое время защищал Теодемир с большой доблестью и осмотрительностью; но в конце концов, будучи переубежденным и решившись на решительное сражение на равнине, христианская армия была разбита вдребезги, и Теодемир бежал с одним пажом в город Ориуэла. Там он применил хитроумный обман, обманув своих преследователей. Поскольку в городе почти не осталось мужчин, поскольку молодежь Мурсии пала на поле боя, он велел женщинам надеть мужскую одежду, вооружиться шлемами и длинными прутьями, похожими на копья, и прикрыть подбородки волосами, как если бы они носили бороды. Затем он выставил на крепостных валах этот странный гарнизон, и когда враг приблизился в вечерних сумерках, они были обескуражены, увидев, что стены так хорошо защищены. Затем Теодемир взял в руки флаг перемирия и надел на своего пажа плащ герольда, и они вдвоем сделали вылазку, чтобы капитулировать, и были любезно приняты мусульманским генералом, который не узнал принца. "Я пришел, - сказал Теодемир, - от

имени коменданта этого города, чтобы вести переговоры на условиях, достойных вашего великодушия и его достоинства. Вы видите, что город способен выдержать длительную осаду, но он желает сохранить жизни своих солдат. Обещайте, что жители смогут беспрепятственно покинуть город со своим имуществом, и завтра утром город будет сдан вам без единого удара; в противном случае мы готовы сражаться до тех пор, пока не останется ни одного человека ". Затем были составлены условия капитуляции; и когда мавр приложил свою печать, Теодемир взял перо и поставил свою подпись. "Узрите во мне, - сказал он, - губернатора города". На рассвете ворота распахнулись, и мусульмане ожидали увидеть выходящее большое войско, но увидели только Теодемира и его пажа в потрепанных доспехах, сопровождаемых множеством стариков, женщин и детей. "Где солдаты, - спросил мавр, - которых я видел на стенах вчера вечером?" "У меня нет солдат", - ответил Теодемир. "Что касается моего гарнизона, взгляни на него перед собой. С этими женщинами я охранял мои стены; а этот паж - мой герольд, страж и свита!" Мавританский генерал был настолько поражен смелостью и изобретательностью сыгранной с ним шутки, что назначил Теодемира губернатором провинции Мурсия, которая впоследствии была известна по-арабски как "земля Теодемира". Даже в те далекие времена мавры знали и практиковали принципы истинного рыцарства. Они уже завоевали тот рыцарский титул, который много веков спустя вынудил победоносных испанцев обращаться к ним как "Рыцари Гранады, джентльмены, хотя и мавры":

Caballeros Granadinos

Aunque Moros hijos d'algo.

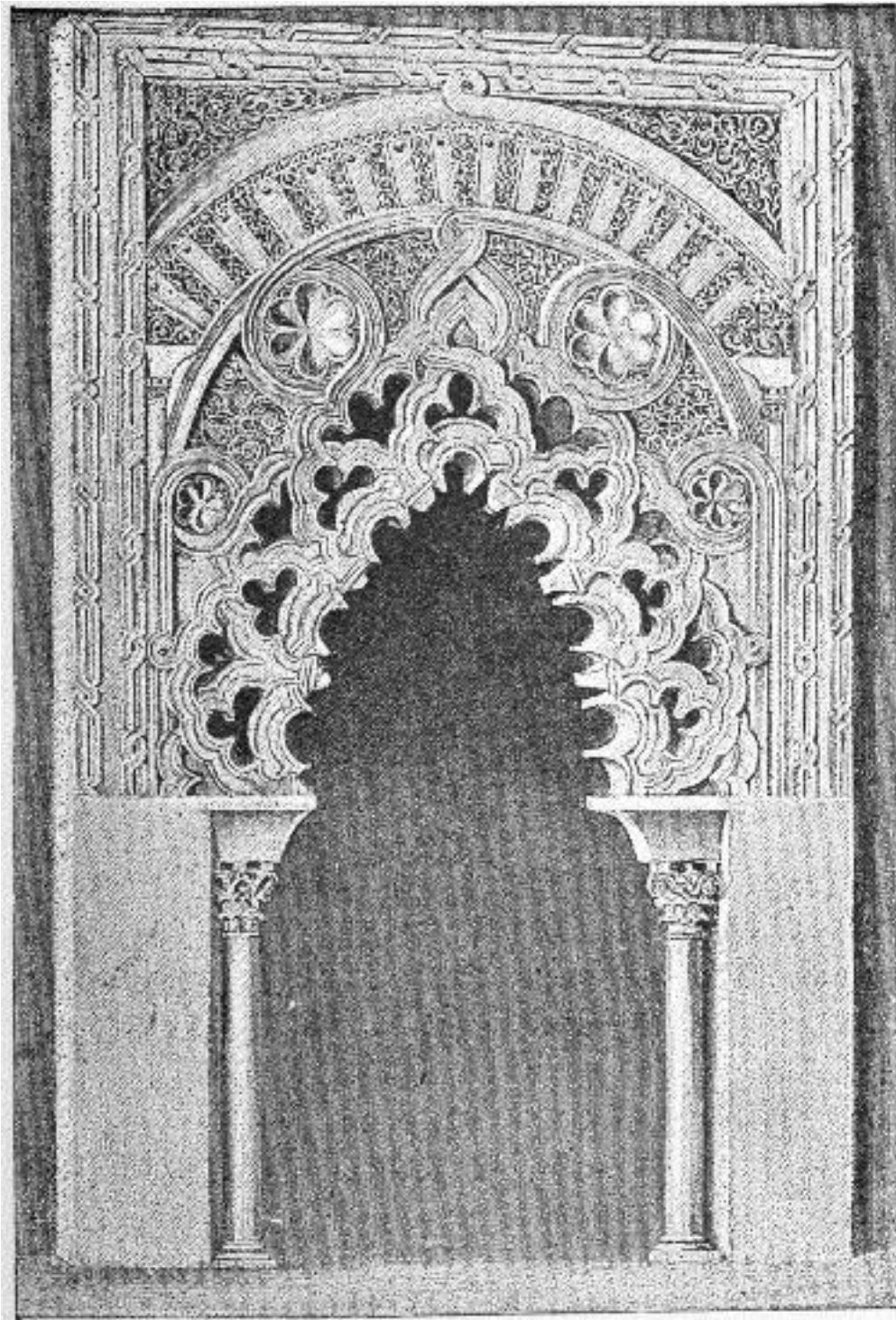

PUERTO DEL SOL, TOLEDO.

Тем временем Тарик продвигался к Толедо, столице готов. Он искал готскую знать. В Кордове он надеялся встретить их, но они бежали; в Толедо, который евреи передали в его руки, знати не было; они бежали дальше и укрылись в горах Астурии. Остались только такие предатели, как семья Витиза и граф Джулиан, и они были вознаграждены правительственными постами. Остальная знать исчезла; страна была оставлена маврам. Испания фактически стала провинцией огромной империи арабских халифов, которые держали свой двор в Дамаске и управляли империей, простиравшейся от гор Индии до Геркулесовых столбов. То, что оставалось сделать для умиротворения Испании, было сделано Мусой, который, услышав о продолжающейся успешной карьере Тарика, со всей поспешностью переплыл пролив, сопровождаемый своими арабами, чтобы получить свою полную долю славы. Он переправился летом 712 года с восемнадцатью тысячами человек и, захватив Кармону, Севилью и Мериду, присоединился к Тарику в Толедо. Встреча между завоевателем и его вышестоящим офицером не была дружественной. Тарик вышел, чтобы принять правителя Запада со всеми почестями, но Муса ударил его кнутом, осыпал выговорами за превышение должностных полномочий и, заявив, что невозможно доверить безопасность мусульман такому опрометчивому руководству, бросил его в тюрьму. Когда этот акт ревливой тирании дошел до ушей халифа Велида, он вызвал Мусу в Дамаск и восстановил Тарика под его командованием в Испании.

Прежде чем вернуться в Сирию, Муса стоял на Пиренеях и видел европейское завоевание. Его отзыв прервал его дальнейшее продвижение; но вскоре другие продвинулись вперед. Арабский правитель еще в 719 году занял южную часть Галлии, называемую Септиманией, с городами Каркасон и Нарбонна, и из этих центров он начал совершать набеги на Бургундию и Аквитанию. Эд, герцог Аквитании, нанес сарацинам полное поражение под стенами Тулузы в 721 году, но это лишь еще больше отклонило их курс на запад. Они разграбили Бон, взимали дань с Сена, захватили Авиньон в 730 году и совершали многочисленные набеги на соседние округа. Новый губернатор Нарбонны, Абд-эр-Рахман, решил завоевать всю Галлию. Он уже проверил действия Эда, который после своей победы при Тулузе осмелился перенести войну в страну сарацин; и теперь он напал на Тарраконец и смело вторгся в Аквитанию, разбил Эда на берегах Гаронны, штурмом захватил Бордо и в 732 году с триумфом двинулся к Туру, где услышал о сокровищах аббатства Святого Мартина. Между Пуатье и Туром его встретил Карл, сын Пипина Херистала, в то время фактического короля Франции, поскольку слабый правитель из династии Меровингов Лотарь не имел права голоса, чтобы воспротивиться воле своего могущественного мэра Дворца. Сарацины радостно ринулись в бой. Они ожидали второго сражения при Гуадалете и ожидали увидеть прекрасную Францию своей добычей от Кале до Марселя. Предстояло решить важный для Европы вопрос, и последовавший за этим конфликт по праву был причислен к пятнадцати решающим битвам мира. Вопрос, о котором следовало судить силой оружия, заключался в том, должна ли Европа быть христианской или мусульманской, будет ли будущий собор Парижской Богоматери церковью или мечетью, возможно, даже в том, должен ли собор Святого Павла, когда его построят, повторять песнопения *Agnus Dei* или приглушенные молитвы ислама. Если бы сарацины не были остановлены в Туре, нет никаких оснований предполагать, что они остановились бы у Ла-Манша. Но, по воле судьбы, волна мусульманского вторжения достигла своего предела, и вот-вот должен был начаться отлив. Карл и его франки не были кастрированной расой, подобной романизированным испанцам и готам. Они были, по крайней мере, такими же выносливыми и доблестными, как сами мавры, и их великолепный рост давал им преимущество, которое не могло не бросаться в глаза. Шесть дней прошли в частичных боях, а затем, на седьмой день, началась общая месива. Карл прорубался сквозь ряды мусульман с неотразимой мощью, нанося направо и налево такие тяжелые удары, что с того дня его стали называть Карлом Мартелом, "Карлом Молота". Его франкские последователи, вдохновленные доблестью своего вождя, обрушились на сарацин с сокрушительной силой; и весь отряд мусульман сломался и обратился в бегство в полном беспорядке. Это место издавна было известно в Андалусии под пугающим названием "Мостовая мучеников".

Опасность для Западной Европы была предотвращена. Катастрофа была настолько сокрушительной, что мавры Испании больше никогда, за все столетия, что они правили на юге, не пытались вторгнуться во Францию. Они действительно удерживали Нарбонну и районы, граничащие с северными склонами Пиренеев, еще некоторое время (до 797 г.) и даже отваживались совершать набеги на Прованс. Но на этом их амбиции иссякли. Битва при Туре раз и навсегда подтвердила независимость Франции и положила конец мусульманским завоеваниям. Подобно набухающему морскому приливу, сарацинские орды хлынули на землю; и теперь сквозь Громовержца франков донесся голос: "Доселе ты придешь и не пойдешь дальше, и здесь остановятся твои гордые волны".

АРКА В АЛЬХАФЕРИИ САРАГОСЫ.

С другой стороны, короли Франции были настолько поражены храбростью своих мусульманских соседей, что, хотя они и получали удовольствие от случайных набегов, лишь однажды предприняли попытку покорения Испании. Карл Великий, второй Александр, не мог спокойно относиться к неприкосновенности мусульманской державы по ту сторону Пиренеев. Как добрый христианин, он поклялся искоренить неверных; и как имперский завоеватель, существование независимого королевства Андалусия было ненавистно его гордыне. Наконец ему представился удобный случай — когда восшествие на престол первого испанского принца из рода Омейядов вызвало враждебность некоторых фракций, которые всегда были склонны к восстаниям в Испании. Карлу Великому было предложено вмешаться и изгнать узурпатора. Испанские хронисты делают Альфонсо, короля Астурии и

наследника Пелагиуса,[6] призвать франкского императора к себе на помощь; но есть больше оснований полагать, что приглашение поступило от некоторых разочарованных мусульманских вождей, которые не могли смириться с властью Абд-эр-Рахмана Омейядского и которые были готовы подчиниться даже заклятому врагу ислама, лишь бы не признавать нового правителя. Момент их обращения был благоприятным; Карл Великий только что завершил, как он думал, покорение саксов; их вождь Виттекинд был изгнан, и тысячи его последователей направлялись в Падерборн креститься. Таким образом, руки завоевателя были свободны для других победных планов. Было условлено, что он вторгнется в Испанию, в то время как мятежные мусульманские вожди должны будут совершить диверсии в его пользу в трех разных точках. К счастью для новоиспеченной династии Кордовы, эта грозная коалиция сошла на нет. Союзники в Испании неправильно рассчитали время и подрались друг с другом; и когда Карл Великий перешел Пиренеи в 777 году, он оказался без поддержки. Он начал осаду Сарагосы, когда ему принесли известие, что Виттекинд вернулся и поднял саксонцев, которые снова взяли за оружие и продвинулись до Кельна. Ему ничего не оставалось, как поспешить обратно и защищать свои владения. Он быстро вернулся по своим следам, и основная часть его армии уже пересекла горы, когда беда настигла их тыл на перевале Ронсеваль. Баски, питавшие вечную ненависть к франкам, устроили искусную засаду среди скалистых ущелий Пиренеев и, пропустив передовую часть армии вперед, подождали, пока арьергард, обремененный обозом, не начал медленно пробираться через перевал. Тогда они напали на него от бедра к бедру, так что едва ли хоть один франк спасся. Христианские хронисты рассказывают ужасные истории о резне, учиненной в тот день. По их словам, именно сарацины бок о бок с рыцарями Леона нанесли этот урон королю Карлу. В старинной испанской балладе мы читаем, как легендарный герой Бернардо дель Карпио повел рыцарство Леона на резню франкского войска:

С тремя тысячами воинов Леона из города Бернард отправляется,
Чтобы защитить землю Испании от копий врагов-франков;
Из города, который стоит посреди морей,
Чтобы сохранить имя и славу побед старого Пелайо.

Свободными мы родились", - так они кричат, хотя нашему королю мы обязаны
почтением и верностью за его гербом уйти:

По воле Бога он разделяет нашу помощь, но Бог никогда не приказывал
, Чтобы мы оставили наших детей наследниками порабощенной земли.

Наша грудь не настолько робка, и наши руки не настолько слабы,
И наши вены не настолько бескровны, чтобы мы могли нарушить нашу клятву,
Чтобы продать нашу свободу из страха перед принцем или паладином:

По крайней мере, мы дорого продадим наше право первородства — бескровной награды они
не получают.

По крайней мере, король Карл, если Бог решит, что он должен стать повелителем Испании,
засвидетельствует, что восстание леонцев было не напрасным:

Он засвидетельствует, что мы умерли так, как жили наши предки в древности —
Не только о гордости Нумантия будут рассказывать сказки менестрелей.

ЛЕВ, омывший свои лапы в морях ливийской крови;
Разве он не должен сражаться за законы и свободы прошлого?
Малодушные помазанники могут давать золото тому, кто им нравится,
Но стойкий сердцем и духом Альфонсо никогда не успокоится.

Бок о бок с доблестными воинами Леона, которые, таким образом, отказались присоединиться к принцу Астурийскому в его клятве Карлу Великому, были (согласно романам) полчища доблестных сарацин, которые присоединились к наступлению на отступающих франков. Легендарная история Чарльза и Орlando Псевдо-Терпина повествует о "свежем отряде из тридцати тысяч сарацин, которые теперь яростно обрушились на христиан, уже ослабевших и измученных столь долгой битвой, и разили их от основания до основания, так что едва ли кто спасся. Некоторых пронзали копьями, некоторых убивали дубинками, других обезглавливали, сжигали, сдирали кожу заживо или подвешивали на деревьях". Резня была ужасной, и память о том дне никогда не изгладится из воображения крестьян округа. Когда английская армия преследовала маршалов Наполеона через перевал Ронсеваль, солдаты слышали, как люди пели старую балладу о роковом поле; и испанские менестрели записали множество случаев, правдивых или вымышленных, этого сражения. Одной из самых известных является баллада об адмирале Гуариносе, которую Дон Кихот и Санчо Панса слышали в Тобосо, согласно достоверной истории Сервантеса:

День Ронсевала был мрачным днем для вас,
вы, французы, ибо там копье короля Карла было переломлено надвое:
вы вполне можете проклинать это печальное поле боя, ибо многие благородные пэры
В битвах падали в пыль под копьем Бернардо.
Там в плен был взят Гуаринос, адмирал короля Карла:
семь мавританских королей окружили его и взяли в рабство.

Далее в балладе рассказывается о пленении Гуариноса и его мести на турнире, когда он убил своего похитителя и свободным уехал во Францию.

Среди убитых в тот день был Роланд, грозный паладин, командующий пограничными войсками Бретани. Он - сэр Ланселот из романа о Карле Великом, и о нем записано много доблестных поступков. Он сражался весь день в самой гуще схватки, нанося смертельные удары своим добрым мечом Дурендой; но вся его доблесть не могла спасти положение. Итак, смертельно раненный, окруженный телами своих друзей, он распростерся на земле и приготовился отдать свою душу. Но сначала он обнажил свой верный меч, который скорее пощадил бы руку, державшую его, и сказал: "О меч несравненного блеска, превосходных размеров, восхитительного покроя, с рукоятью из белейшей слоновой кости, украшенный великолепным золотым крестом, увенчанным бериллиевым яблоком, с выгравированным священным именем Бога, наделенный остротой и всеми другими добродетелями, кто теперь будет владеть тобой в битве, кто назовет тебя мастером? Тот, кто обладал тобою, никогда не был побежден, никогда не пугался врага; призраки никогда не приводили его в ужас. С помощью Всемогущего, вместе с тобою он уничтожил сарацин, возвысил веру Христову и завоевал непревзойденную славу. О счастливый меч, острейший из острых, никогда не было такого, как ты; тот, кто создал тебя, не создал твоего товарища! Ни один не избежал жизни от твоего удара". И чтобы Дуренда не попала в руки труса или неверного, Роланд ударил ею по каменной глыбе и разломил ее надвое. Затем он затрубил в свой рог, который был таким

звучным, что все остальные рога раскололись от его звука; и теперь он дул в него изо всех сил, пока вены на его шее не лопнули. И

звук этого страшного рога,
Разносимый фонтарабским эхом,

дошло даже до ушей короля Карла, когда он лежал лагерем и ничего не знал о катастрофе, постигшей аррьергард в восьми милях отсюда. Король поспешил бы ответить на отчаянный крик, который, казалось, предвещал трагедию; но предатель сообщил ему, что Роланд ушел на охоту, и Карла Великого убедили не отвечать на зов своего верного паладина, который после молитвы и исповеди испустил дух. Тогда Болдуин, еще один пэр Франции, прибежал к королю и рассказал ему о том, что случилось с тылом его армии, и о смерти Роланда и Оливера. После чего король и вся его армия развернулись и двинулись обратно в Ронсеваль, где земля была усеяна мертвецами, и сам Карл был первым, кто увидел тело героя, лежащее в форме креста, рядом с его рогом и сломанным мечом. Тогда великий Карл оплакивал его с горькими вздохами и рыданиями, ломая руки и раздирая бороду, и восклицал: "О правая рука тела твоего Государя, честь франков, меч правосудия, негибаемое копье, нерушимый нагрудник, щит безопасности, благородный защитник христиан, бич сарацин, стена духовенству, друг вдовы и сироты, справедливый и верный в суде! Прославленный граф франков, доблестный военачальник наших армий, почему я оставил тебя здесь погибать? Как я могу видеть тебя мертвым и не умереть вместе с тобой? Почему ты оставил меня печальным и одиноким, бедного, несчастного короля? Но ты вознесся в царство небесное и наслаждаешься обществом ангелов и мучеников!" Так Карл оплакивал Роланда до последнего дня своей жизни. На месте, где он умер, армия отдыхала, а тело было забальзамировано бальзамом, алоэ и миррой. В ту ночь вся армия франков наблюдала за ним, чествуя труп гимнами и песнями и зажигая костры в окрестных горах. Затем они забрали его с собой и похоронили по-королевски. Так закончился роковой день —

Когда погибли Роланд храбрый и Оливер,
И все паладины и пэры
Ронсевалля.

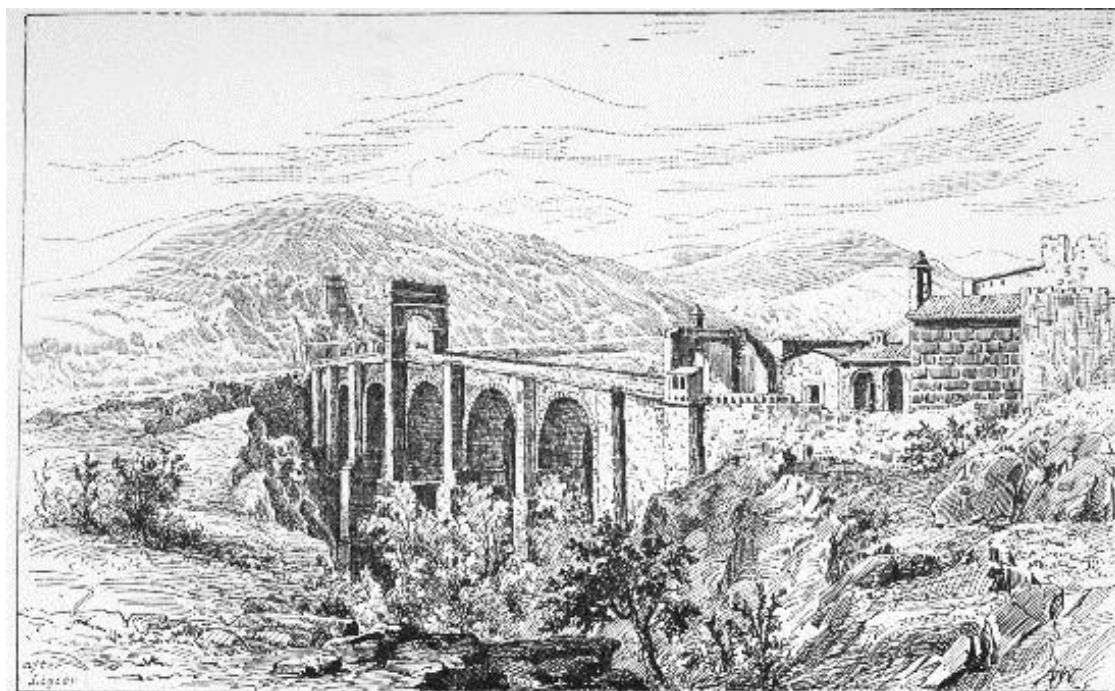
Ни одно действие столь малой важности никогда не становилось темой стольких героических легенд и песен. Это Фермопилы в Пиренеях, лишенные славы или значимости, но обладающие всем очарованием своего прототипа.

III.

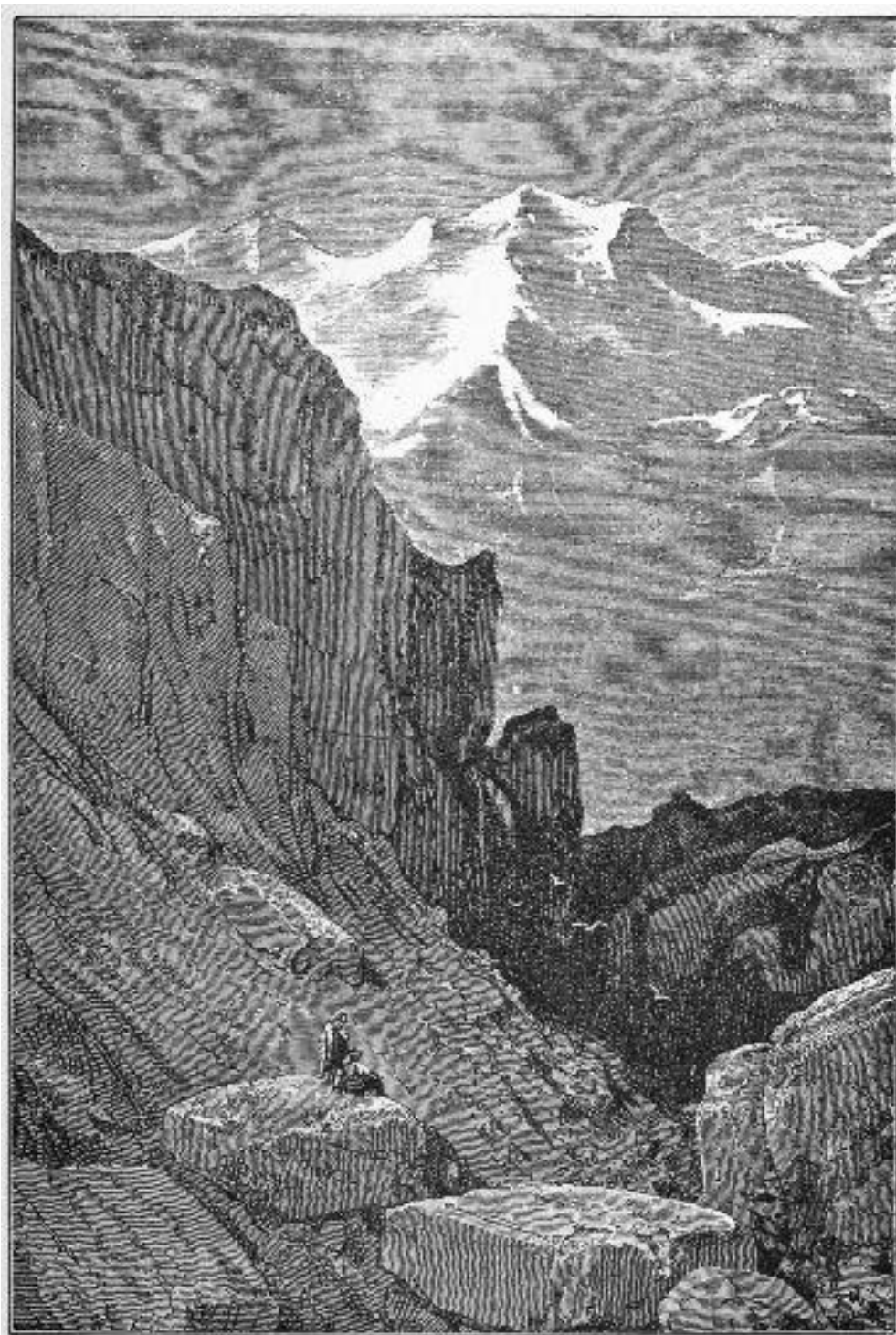
НАРОД АНДАЛУСИИ.

Победа Карла Мартелла в 733 году положила конец вторжению сарацин в Европу; они больше не думали о дальнейших завоеваниях, а занялись укреплением приобретенного королевства. После краткого и катастрофического вторжения Карла Великого они почти безмятежно владели своей новой территорией в течение трехсот лет. Это правда, что потомки изгнанных готов все еще сохраняли упорную независимость в горных районах севера и время от времени восстанавливали часть своего древнего владычества; но эти набеги, хотя и доставляли некоторые проблемы, не представляли существенной угрозы господству мавров над большей частью Испании вплоть до XI века. Завоеватели приняли независимость северных провинций как неизбежное зло, устранение которого стоило бы большей крови, чем того стоил подвиг; и, оставив Галисию, Леон, Кастилию и Бискайские провинции христианам, они удовлетворились лучшей частью земли: христиане могли наслаждаться унылыми пустошами и каменистыми ущельями севера, при условии, что они не мешали маврам наслаждаться теплыми и плодородными провинциями юга и востока. С конца восьмого века, когда мавританские границы приняли относительно окончательные очертания, и до времени наступления христианских королевств в одиннадцатом веке границу между христианским севером и мусульманским югом можно приблизительно определить по большому горному хребту, называемому Сьерра-де-Гвадаррама, который тянется в северо-восточном направлении от Коимбры в Португалии до Сарагосы, откуда в качестве приблизительной границы можно взять Эбро. Таким образом, мавры наслаждались плодородными долинами Тахо, Гвадианы и Гвадалквивира — само название которых свидетельствует о его арабских владельцах, поскольку Гвадалквивир является искажением арабского Вади-эль-кебир, или "Великая река", — помимо владения знаменитыми городами Андалусии, богатство, торговля и климатические преимущества которых прославлялись со времен Римской империи. Разделение было естественным; эти две части были разделены географически с незапамятных времен из-за их климатических различий. Север уныл и подвержен пронизывающим ветрам, проливным дождям и сильным холодам; хорошая пастбищная местность, но в большинстве районов ее плохо возделывают. Юг, хотя и измученный жаркими ветрами, дующими из Африки, добродушен, хорошо орошаем и способен к высокому возделыванию. Их разделяет огромное плато, и хотя оно находилось в основном на мавританской стороне, это была в какой-то степени спорная земля, и удерживаться на ней было небезопасно. Его холодные высоты делали его непривлекательным для любителей солнечного света, таких как мавры, и они доверяли его главным образом заботам берберских племен, которые первыми пришли с Тариком и которые всегда были в недоумении у истинных арабов, пожинавших плоды завоевания.

АЛЬКАНТАРА.

На двух третях полуострова, таким образом выделенных природой для их обитания, который арабы всегда называли "Андалус", а мы будем называть Андалузией, чтобы отличить его от всего полуострова, мавры организовали то чудесное королевство Кордова, которое было чудом средневековья и которое, когда вся Европа была погружена в варварское невежество и раздоры, одно ярко несло факел учености и цивилизации перед западным миром. Не следует предполагать, что мавры, подобно предшествовавшим им ордам варваров, принесли с собой опустошение и тиранию. Напротив, никогда Андалусия не управлялась так мягко, справедливо и мудро, как при ее арабских завоевателях. Откуда у них взялся талант к управлению, трудно сказать, поскольку они пришли сюда почти прямо из своих арабских пустынь, и быстрая волна побед не оставила им времени для овладения искусством управления чужими народами. Некоторыми из их советников были греки и испанцы, но это не объясняет проблему; ибо те же самые советники не смогли добиться аналогичных результатов в других местах, и всего административного таланта Испании было недостаточно, чтобы сделать готское господство терпимым для ее подданных. С другой стороны, при маврах люди были в целом довольны — настолько довольны, насколько может быть доволен любой народ, правители которого принадлежат к отдельной расе и вероисповеданию, — и гораздо более довольны, чем они были, когда их правители принадлежали к той же религии, которую они номинально исповедовали. Религия была, действительно, наименьшей трудностью, с которой маврам пришлось столкнуться в самом начале, хотя впоследствии это стало проблематичным. Испанцы были в такой же степени язычниками, как и христианами; новый символ веры, провозглашенный Константином, произвел мало впечатления на общую массу населения, которое по-прежнему было преимущественно римским. То, чего они хотели, было не вероучением, а силой прожить свою жизнь в мире и процветании. Это дали им мавританские хозяева.

СЬЕРРА-НЕВАДА.

Сначала, конечно, был короткий период замешательства, некоторые поджоги, грабежи, массовые убийства; но вскоре это было остановлено арабскими правителями. Когда все снова наладилось, подвластное население оказалось, по крайней мере, не в худшем положении, чем раньше, и вскоре они начали понимать, что смена правителей принесла им пользу. Им было разрешено сохранить свои собственные законы и судей; губернаторы их собственной расы управляли округами, собирали налоги и разрешали те разногласия, которые возникали между ними. Классы граждан, вместо того чтобы нести все бремя государственных расходов, должны были платить только подушный налог в не очень высокой сумме, и они были свободны от всех обязательств; если только у них не было обрабатываемой земли, и в этом случае они также платили *харадж*, или земельный налог.

Размер подушной подати варьировался в зависимости от ранга плательщика - от двенадцати до сорока восьми *дирхемов* в год, или примерно от трех до двенадцати фунтов при нашей нынешней покупательной способности денег; и взимание ее двенадцатью ежемесячными платежами облегчало ее уплату. Подушный налог был подделкой под ересь; он взимался только с христиан и евреев; с другой стороны, поземельный налог, который варьировался в зависимости от плодородия почвы, взимался одинаково с христиан, евреев и мусульман. Как правило, старые собственники и города сохраняли свою собственность такой же, как и до завоевания. Действительно, земли Церкви и тех землевладельцев, которые бежали в горы на севере, были конфискованы, но даже тогда их крепостные были оставлены при них в качестве земледельцев, и от них требовалось лишь выплачивать определенную долю, варьирующуюся от трети до четырех пятых урожая, своим новым мусульманским владыкам. Иногда городам, таким как Мерида и Ориуэла, удавалось добиться от завоевателей исключительно благоприятных условий, и им разрешалось сохранять свои товары и земли при уплате фиксированной дани. В худшем случае, помимо подушной подати, христиане никоим образом не подвергались более тяжелым поборам, чем их соседи-мусульмане. Они даже получили право, которого никогда не давали им готские короли: они могли отчуждать свои земли.^[7] В религиозной терпимости им не о чем было сожалеть. Вместо того чтобы преследовать их и принуждать к принудительному обращению, как готы обращали евреев, арабы предоставили им свободу поклоняться кому или чему им заблагорассудится; и подушный налог был настолько ценным для казны, что султаны Кордовы были гораздо более склонны препятствовать, чем приветствовать любое значительное миссионерское рвение, которое могло лишить государство столь полезного источника доходов. В результате христиане были удовлетворены новым *режимом* открыто признали, что они предпочитают правление мавров правлению франков или готов. Даже их священники, потерявшие больше всех, по началу были мало возмущены переменами, как показывает старая хроника, приписываемая Исидору Бежанскому и написанная в Кордове в 754 году. Добрый монах даже не возмущен таким нечестивым союзом, как брак между вдовой Родерика и сыном Мусы. Но лучшим доказательством удовлетворенности христиан своими новыми правителями является тот факт, что в течение VIII века не было ни одного религиозного восстания.

Прежде всего, рабы, с которыми готы и римляне жестоко обращались, имели повод поздравить себя с произошедшей переменой. Рабство - очень мягкий и гуманный институт в руках хорошего мусульманина. Арабский пророк, хотя и не мог покончить с древним институтом, который, тем не менее, противоречил социалистическим принципам ислама, делал все возможное, чтобы смягчить суровость рабства. "Бог, - сказал он, - predetermined, чтобы ваши братья были вашими рабами; поэтому тот, кого Бог определил быть рабом своего брата, должен отдавать ему от пищи, которую он ест сам, и от одежды, в которую он одевается, и не приказывать ему делать ничего, что выше его сил.... Человек, который плохо обращается со своим рабом, не войдет в Рай". В мусульманской морали нет более похвального поступка, чем освобождение рабов, и такое предоставление избирательных прав предписано Пророком особенно в качестве искупления незаслуженного удара или другой несправедливости. В Андалусии рабы в поместьях, перешедших от христиан во владение мусульман, находились почти в положении мелких фермеров; их хозяева-мусульмане, чьим ремеслом была война, и которые всем сердцем презирали такие черные занятия, как обработка земли, предоставили им свободу обрабатывать землю, как им заблагорассудится, и настаивали только на честном возврате продуктов. Рабам христиан, вместо того чтобы быть безнадежно обреченными на пожизненное рабство, теперь был предоставлен простейший из возможных путей к свободе: им нужно было только пойти к ближайшему уважаемому мусульманину и повторить формулу веры: "Нет бога, кроме Бога, и

Магомет - Его Пророк", - и они немедленно становились свободными. Обращение в ислам, таким образом, привело к получению гражданских прав, и неудивительно, что мы видим, как испанские рабы спешат исповедовать новую веру и таким образом становиться свободными людьми. Католические священники приложили небольшие усилия, чтобы привить христианскую религию в свои сердца; у них было достаточно дел, чтобы заботиться о своих поместьях и душах знати, не беспокоясь о духовных нуждах невежд; и переход от полуязыческой, полухристианской пустоты к, возможно, столь же неразумному восприятию ислама не был слишком сильным ударом для рабского ума. Рабы ни в коем случае не были единственными обращенными в новую религию. Многие крупные собственники и люди с положением стали мусульманами либо для того, чтобы избежать подушной подати, либо для сохранения своих поместий, либо потому, что они искренне восхищались простым величием этого новейшего проявления теизма. Этим новообращенным или ренегатам было суждено вызвать некоторые проблемы в государстве, как мы сейчас увидим. Хотя им было предоставлено равенство, связанное с обращением, на самом деле им не были предоставлены равные права и привилегии; они были отстранены от государственных должностей и с подозрением рассматривались мусульманами *виель-рош* как заинтересованные новообращенные, люди, готовые продать свои души за шкуру. В конце концов эти различия исчезли, но не раньше, чем они привели к серьезным разногласиям и даже восстаниям.

Что касается побежденных, то мы видели, что завоевание Андалусии арабами в целом принесло пользу. Он покончил с разросшимися поместьями знати и церковников и превратил их в мелкие землевладельческие компании; он снял тяжелое бремя со средних классов и ограничил налогообложение подушным налогом, взимаемым с неверующих, и поземельным налогом, взимаемым в равной степени с мусульман и христиан; и это привело к повсеместному освобождению рабов и радикальному улучшению положения неземансипированных, которые теперь стали почти независимыми фермерами на службе у своих хозяев-мусульман, не занимающихся сельским хозяйством.

Иначе обстояло дело с победителями. Нет большей ошибки, чем воображать, что арабы, которые с такой поразительной быстротой распространились по половине цивилизованного мира, были в каком-то реальном смысле единым народом. Это было так далеко от истины, что потребовалось все дипломатическое мастерство Мухаммеда и весь его поразительный личный престиж, чтобы поддерживать видимость единства даже при жизни. Арабы состояли из ряда враждебных племен или кланов, многие из которых были вовлечены в смертельную кровную месть на протяжении нескольких поколений, и всеми из них двигал дух племенной ревности, который никогда полностью не угасал. Если бы недавно основанное мусульманское государство было ограничено границами Аравии, не может быть сомнений, что оно быстро рухнуло бы из-за соперничества нескольких кланов; как бы то ни было, за смертью Пророка последовало всеобщее восстание племен. Ислам стал постоянной и всемирной религией только тогда, когда он облачился в доспехи и стал воинствующей церковью. Завоевательный путь спас веру. Арабы на время отложили в сторону свою междоусобную зависть, чтобы объединиться в грандиозной погоне за добычей. Конечно, в энтузиазме завоевателей был сильный фанатический элемент. Они сражались отчасти потому, что сражались с врагами Бога и Его Пророка, потому что чаша счастья мученика Вениамина ожидала тех, кто пал на "пути Божьем", как они называли религиозную войну; но нельзя отрицать, что богатства цезарей и Хосровов, плодородные земли и процветающие города соседних царств составляли очень важный элемент в рвении мусульман к распространению веры.

Как только карьера завоевателя сменилась спокойствием оседлого владения, различные зависти и раздоры, которые суматоха и выгоды от вторжения до некоторой степени сдерживали, разразились опасной активностью. Партийный дух арабских племен распространился на все части огромной империи, которую они покорили, и оказал влияние даже на халифа в Дамаске; выдвижение губернаторов самых отдаленных провинций было продиктовано чисто фракционными мотивами. В Испании, где "эмир Андалуса", как его называли, назначался либо губернатором Африки, либо самим халифом Дамаска, эти партийные разногласия разрушали мир и порядок в королевстве в течение первых пятидесяти лет мавританского правления. Губернаторы назначались, смещались или убивались в соответствии с мандатами какой-либо фракции, которая возмущалась тем, что правительство было доверено человеку из фракции Мидина, или не хотела иметь члена клана Кайс, или возражала против выдвижения члена йеменской партии; и на протяжении всей истории господства мавров в Испании это пагубное влияние продолжало наносить ущерб государству.[8]

Более того, в Андалусии была еще одна и очень важная партия, с которой приходилось считаться, помимо различных арабских фракций. Завоевание полуострова было почти полностью осуществлено Тариком и его берберами, и эти берберы (которые являются собственно *маврами*, хотя это слово удобно использовать для обозначения смеси арабов и берберов) сформировали ведущий фактор в новом положении вещей. Они были не изнеженной нацией, как романизированные испанцы, а народом, полным жизни и воинственной энергии. В своих горных крепостях и на равнинах от Египта до Атлантики, в своих многочисленных и широко известных кланах берберы оказали арабам гораздо более мощное сопротивление, чем обученные солдаты Персии или Рима. Во многих отношениях они походили на своих захватчиков: они были членами клана, как арабы; их политические идеи были такими же демократическими, как у них, с таким же почтением к знатным семьям, что лишало невежественный народ опасных качеств чистой демократии. Сама их манера ведения войны была почти арабской. В течение семидесяти лет две расы кочевников сражались вместе, и когда, наконец, арабы одержали верх, это произошло скорее благодаря молчаливому согласию их врагов, чем какому-либо явному подчинению. Берберы разрешили арабскому правителю держать свой двор недалеко от побережья, но настаивали на сохранении своего собственного племенного правления между собой и требовали, чтобы их противники обращались с ними как с братьями, а не как со слугами. Какое-то время эта братская система работала довольно хорошо. Берберы, всегда удивительно доверчивый народ, быстро принимали любую новую веру и принимали ислам с пылом, намного превосходящим все, что мог вызвать более скептический ум араба. Очень скоро Берберия стала рассадником религиозного неконформизма; сухие доктрины ислама были дополнены теми более мистическими и эмоциональными элементами, которые наделенные воображением умы вскоре приносят в любое вероучение; и мусульманский диссидент, изгнанный из более жестких областей ортодоксии, нашел исключительно плодотворную почву для своих доктрин в простых умах берберов. Та же восприимчивость к религиозным эмоциям, которая привела к столь всеобщему обращению, что завоевание Испании было осуществлено берберским генералом и двенадцатитысячным берберским войском, вскоре привела к дальнейшим движениям. *Марабут* — святой, миссионер или священник — стал оказывать на этот легковверный народ более сильное влияние, чем когда-либо мог приобрести вождь племени или арабский правитель. Потребовалось всего несколько мнимых чудес, чтобы собрать толпы разинувших рты приверженцев вокруг святилища *марабута*, и арабский генерал настолько ясно осознал это условие популярности, что, когда он осознал влияние, которое жрица оказывала на людей своим жонглерством, тонкий мусульманин принялся за работу в той же манере и вскоре стал искусным в фокусах или в

том, что в те дни соответствовало проникновению в душу, с самыми лучшими результатами. Но народ, на который так легко повлиять подобными средствами, нация, управляемая священниками, всегда подвержена внезапным и насильственным революциям, которые ее священники могут стимулировать одним-единственным словом. *Марабуты* среди берберов были ответственны за большинство более поздних изменений, произошедших в Северной Африке: они создали фатимитов, победили Альморавидов в Берберии и Испании, а затем подавили их альмохадами. Они очень рано начали действовать против арабских правителей, и когда один из них потворствовал своей страсти к роскоши за счет жестокого угнетения своих подданных, священники подняли берберов на восстание, и в одно мгновение вся западная половина средиземноморского побережья подняла оружие, а арабы потерпели ужасное поражение. Тридцать тысяч свежих солдат были отправлены из Сирии, чтобы вернуть провинции, но они, присоединившись к арабам, которые все еще оставались в Африке, были отброшены с большой резней, а оставшиеся были заперты в Сеуте, где они ежедневно ожидали голода и резни.

Берберы в Андалусии, всегда находившиеся в тесном контакте со своими родственниками по ту сторону моря, быстро почувствовали влияние такой революции, которая тогда (741 г.) происходила в Африке. У них были причины не желать, чтобы арабы получили львиную долю испанской добычи, которая состояла из лука и копья берберов. В то время как арабы, прибывшие как раз вовремя, чтобы воспользоваться преимуществами завоевания, присвоили себе все наиболее привлекательные провинции полуострова, берберы оказались оттесненными в самые неприглядные уголки, на пыльные равнины Эстремадуры или в ледяные горы Леона, где им приходилось бороться с климатом, который сурово испытывал натуры, выросшие в условиях африканской жары, и где они также имели сомнительную привилегию образовывать буфер между своими арабскими союзниками и христианами Севера. Признаки недовольства уже были налицо. Один из берберских генералов Тарика, Моноуза, женившийся на дочери Эда, герцога Аквитанского, поднял знамя восстания, когда услышал о притеснениях своих соотечественников в Африке; и теперь, когда дело берберов восторжествовало по ту сторону пролива, в северных провинциях произошло всеобщее восстание; берберы приграничья, Галисии, Мерида, Кории и всего окрестного региона, взяли за оружие и двинулись маршем на юг, на Толедо, Кордову и Альхесирас, откуда они намеревались двинуться на юг. сесть на корабль и отправиться к своим соотечественникам в Берберию.

Ситуация была полна опасности, и арабский эмир Андалусии Абд-эль-Мелик, который наотрез отказался оказать какую-либо помощь сирийским арабам, запертым в Сеуте, теперь оказался перед дилеммой: либо он должен подчиниться своим собственным мятежным берберам, либо он должен призвать к сотрудничеству тех самых сирийцев, которым он упорно отказывал в помощи, и которые, когда они придут, возможно, окажутся худшим бедствием, чем то, от которого они пришли избавиться. Охваченный серьезными опасениями, он послал корабли и привез сирийцев, предварительно взяв с них обещание вернуться, когда их работа будет выполнена. Подкрепленные таким образом, арабы Андалусии обратили берберов в полное бегство, преследовали их, как диких зверей, по всей стране до их горных твердынь и в полной мере удовлетворили свою месть. И тогда произошло событие, которого Абд-эль-Мелик так старался уберечь. Сирийские вспомогательные войска отказались обменять богатые земли Андалусии на пустыни Африки и копья торжествующих берберов; они бросили вызов и убили Абд-эль-Мелика, а на его место посадили своего собственного вождя. Результатом стала долгая и упорная борьба между старой арабской партией и пришельцами, сопровождавшаяся большим кровопролитием и разрушениями. Исход борьбы был решен только тогда, когда халиф

Дамаска прислал нового и способного губернатора, который разделил враждующие группировки, предоставив им поселения в городах, удаленных друг от друга, и изгнал наиболее буйных из их лидеров. Таким образом, египетский контингент сирийской армии был размещен в Мурсии, которую они переименовали в "Миср" или Египет; люди из Палестины - в Сидонии и Альхесирасе; жители Иордании - в Реджио (Малага), жители Дамаска - в Эльвире (Гранада), а батальон Киннесрина - в Хаэне.[9] С этого времени одна из причин раздора в Андалусии была устранена, но партийный дух все еще был высок, и правительство часто сменялось анархией, пока правитель, вооруженный особым престижем, несущий в своем лице власть и кровь халифов Дамаска, не пришел, чтобы взять в свои руки скипетр встревоженной страны и объединить на некоторое время все фракции под знаменем нового правительства. о султанах Кордовы. Этот молодой человек был новым правителем, которого Карл Великий так безуспешно пытался изгнать, и звали его Абд-эр-Рахман Омейяд.

IV.

МОЛОДОЙ САМОЗВАНЕЦ.

В ТЕЧЕНИЕ шестисот лет большая часть Мусульманской империи номинально находилась под властью центрального правителя, называемого халифом, титул, означающий "преемник" или "заместитель". Поначалу эта власть была реальной и могущественной: халиф назначал губернаторов всех провинций, от Испании до границ Гиндукуша, и смещал любого из них по своему усмотрению. Но империя была слишком велика, чтобы удерживаться вокруг

центрального стержня в течение какого-либо длительного времени, и постепенно различные местные правители стали фактически независимыми, хотя в целом они проявляли крайнюю преданность халифу и оказывали ему все почести, кроме повиновения. Постепенно даже это проявление уважения было отброшено, и возникли династии, которые придерживались еретических догматов, отвергали духовное превосходство халифа и объявляли его и весь его род узурпаторами. Наконец, пришло время, когда халифы были так же слабы в мирской власти, как папа Римский, и их даже держали пленниками в своем дворце наемные телохранители, которых они наняли для защиты от мятежной знати. Это произошло примерно через триста лет после основания Халифата; и во второй половине своего существования халифы были не более чем шифрами, которыми играли великие принцы империи и которые придавали немного помпезности их коронациям. Наконец, халифат в Азии был упразднен монгольским вторжением в XIII веке, и хотя на титул по-прежнему претендует турецкий султан, халифа в старом всеобъемлющем смысле этого слова сейчас нет.^[10]

Самой ранней провинцией, сбросившей власть халифа, была Андалусия. Чтобы понять, как это произошло, мы должны помнить, что халифы не сменяли друг друга по одной непрерывной линии семейного наследования. После первых четырех (или "ортодоксальных") халифов, Абу-Бекра, Омара, Отмана и Али, которые были избраны более или менее всенародным голосованием, сирийская партия назначила Моавию халифом в Дамаске, и от него произошла семья халифов Омейядов, названных так по имени их предка Омейи. Было четырнадцать халифов Омейядов, которые правили с 661 по 750 год, когда они были свергнуты Эс-Сеффахом, "Мясником", который был первым из второй династии халифов, названных Аббасидом, в честь их предка Аббаса, дяди пророка Мухаммеда. Халифы Аббасида перенесли резиденцию правительства из Дамаска в Багдад и удерживали халифат до его разрушения монголами в 1258 году. Среди членов свергнутой семьи Омейядов был Абд-эр-Рахман, имя, которое означает "Слуга Милосердного Бога". Большинство его родственников были уничтожены безжалостным Аббасидом; за ними охотились во всех частях света и убивали без пощады. Абд-эр-Рахман бежал, как и остальные, но ему повезло больше, поскольку он благополучно достиг берегов Евфрата. Однажды, когда он сидел в своей палатке и наблюдал, как его маленький мальчик играет на улице, ребенок в испуге подбежал к нему, и, выйдя выяснить причину, Абд-эр-Рахман увидел деревню в смятении и черные знамена Аббасидов на горизонте. Поспешно схватив своего ребенка, юный принц выбежал из деревни и добрался до реки. Тут враг почти поравнялся с ними и крикнул, что им нечего бояться, ибо им не будет причинено никакого вреда. Сопровождавший его младший брат, измученный плаванием, повернул назад, и его голова была немедленно отделена от тела; но Абд-эр-Рахман держался, пока не достиг другого берега, неся своего ребенка, и за ним последовал его слуга Бедр. Оказавшись снова на твердой земле, они странствовали день и ночь, пока не добрались до Африки, где к ним присоединились остальные члены его семьи, и у единственного оставшегося в живых принца Омейядов появилось время подумать о своем будущем.

Ему было всего двадцать лет, и он был полон надежд и честолюбия. Его умственные способности были значительны, и к ним он добавил преимущества благородного роста, большой физической энергии и мужества. Арабские историки, однако, добавляют неблагоприятные подробности о том, что он был слеп на один глаз и лишен обоняния. В детстве мудрые люди предсказали ему великое будущее, и, несмотря на разорение семьи, он все еще не был обескуражен. Его первые мысли обратились к Африке, ибо он ясно понял, что успех Аббасидов не оставил ему никаких шансов на Востоке. Но после пяти лет скитаний по Берберийскому побережью он понял, что арабского правителя нелегко свергнуть и что

уже восставшие берберы на Западе не откажутся добровольно от своей недавно завоеванной независимости ради пустой славы правления омейядов. Поэтому его взгляд был теперь направлен на Андалусию, где различные фракции в своей постоянной борьбе открывали путь любому умному претенденту, и гораздо больше тому, кто мог предъявить такие наследственные притязания, как Абд-эр-Рахман. Поэтому он послал своего слугу Бедр к вождям сирийской партии в Испании, среди которых многие были вольноотпущенниками Омейядов и, таким образом, были связаны арабским кодексом чести помогать любому родственнику своих бывших покровителей. Бедр обнаружил, что эти вожди готовы принять молодого принца, и, после некоторых переговоров с враждебными группировками, была также обещана поддержка людей из Йемена. После этого Бедр вернулся в Африку.

Абд-эр-Рахман молился на берегу моря, когда увидел приближающееся судно, принесшее ему благую весть; и, поскольку все жители Востока склонны извлекать предзнаменования из незначительных обстоятельств, имя первого представленного ему посланника из Андалусии, Абу-Галиба Теммама (что означает "Отец завоевания"), предвещало счастливую судьбу: "Мы достигнем нашей цели, - воскликнул принц, - и завоюем эту землю!" Без промедления он поднялся на борт, и в сентябре 755 года они отплыли в Испанию. Приезд выжившего из Омейядов в Андалусию был похож на страницу романа, как прибытие Молодого Претендента в Шотландию в 1745 году. Новость распространилась по стране подобно пожару; старые приверженцы королевской семьи поспешили засвидетельствовать ему свое почтение; потомки вольноотпущенников Омейядов подчинились его приказам. Даже йеменские кланы, хотя от них и нельзя было ожидать каких-либо особых чувств к молодому принцу, были в достаточной степени заражены рвением его приверженцев, чтобы сдержать свое обещание и объединиться для его поддержки. Губернатор Андалусии обнаружил, что большая часть его войск покинула его, и был вынужден ждать новую армию; а тем временем зимние дожди сделали кампанию невозможной и оставили Абд-эр-Рахману время набрать и организовать свои силы.

Весной следующего года борьба разгорелась всерьез. Абд-эр-Рахман был с энтузиазмом встречен в Арчидоне и Севилье, и оттуда готовился к походу на Кордову. Юсуф, губернатор, выступил вперед, чтобы оказать ему сопротивление, но Гвадалквивир разлился от дождей, и две армии на противоположных берегах состязались друг с другом в том, кто первым прибудет в Кордову. В конце концов Абд-эр-Рахман с помощью хитрой уловки, недостойной принца-романтика, убедил Юсуфа позволить ему переправиться через ныне разлившуюся реку под предлогом заключения мира; и, оказавшись на другом берегу, он напал на ничего не подозревающего врага. Победа была за принцем, и он с триумфом въехал в Кордову. У него хватило такта приложить все усилия, чтобы обуздать грабительские страсти своих войск и обеспечить безопасность харим или женщин бывшего губернатора. Не прошло и года, как он стал повелителем всей мусульманской части Испании, и была основана династия кордовских Омейядов, которой суждено было просуществовать почти три столетия.^[11]

Королю Кордовы, однако, не удалось прочно занять свое место без долгой борьбы. Абд-эр-Рахман действительно был возведен на трон, но этот подвиг был совершен небольшой фракцией из многочисленных партий, разделявших страну. Однако новый султан был способен лучше, чем большинство принцев, постоять за себя среди борющихся элементов своего королевства. Быстрый и решительный в действиях, не обремененный никакими угрызениями совести, поочередно ужасно суровый и вероломно дипломатичный, его политика всегда была приравнена к чрезвычайной ситуации; и было немало случаев, когда она подвергалась испытанию. Он недолго пробыл в Андалусии, когда Ибн-Мугит отплыл из

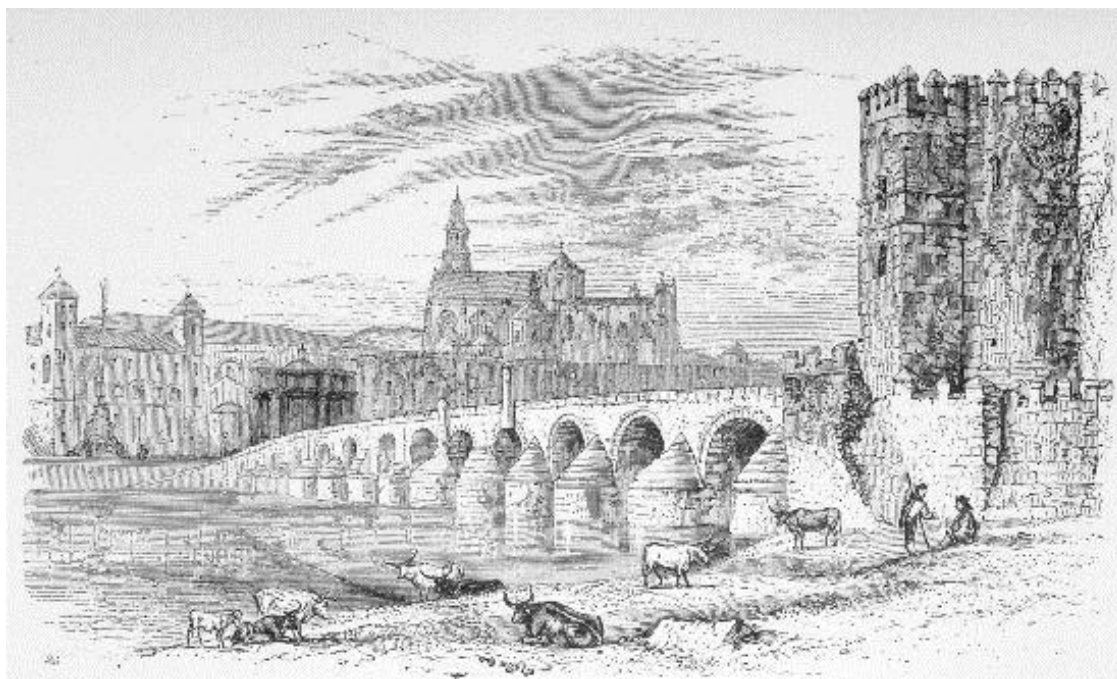
Африки, чтобы установить черные штандарты Аббасидов в Испании. Он приземлился в провинции Бежа и вскоре нашел сторонников среди недовольных, всегда готовых включиться в какое-нибудь новое дело. Абд-эр-Рахман был осажден в Кармоне в течение двух месяцев. Ситуация была крайне опасной, поскольку каждый день давал врагу все больше возможностей наращивать свои силы. Абд-эр-Рахман, всегда полный находчивости, услышав, что враг несколько ослабил меры предосторожности, собрал семьсот своих самых храбрых сторонников, разжег большой костер и, сказав, что теперь вопрос стоит о смерти или победе, бросил свой ножны в пламя. Семьсот человек последовали его примеру в знак своей решимости никогда больше не вкладывать мечи в ножны, пока не окажутся на свободе, и, совершив вылазку вслед за своим предводителем, обрушились на осаждающих зубами и когтями. Вторжение Аббасидов было полностью подавлено. Абд-эр-Рахман со свирепостью, которая иногда уродовала его, положил головы их лидеров в мешок, прикрепив к их ушам описательные этикетки, и доверил драгоценный сверток паломнику, направлявшемуся в Мекку, который передал его в руки самого Аббатисы халифа Мансура. Когда халиф увидел содержимое мешка, он очень разгневался, но не смог удержаться от восклицания: "Слава Богу, что между этим человеком и мной море!" Искренне ненавидя преуспевающего султана Кордовы, его враг из аббатства был вынужден отдать дань уважения его мастерству и мужеству. Он называл Абд-эр-Рахмана "ястребом курейша", соколом из собственного племени Пророка. "Удивительно, - восклицал он, - какую смелость, мудрость и благоразумие он проявил! Вступить на путь разрушения, забраться в далекую страну, труднодоступную и хорошо защищенную; воспользоваться там завистью соперничающих партий, заставить их обратить оружие друг против друга, а не против себя; завоевать уважение и повиновение своих подданных; и, преодолев все трудности, править верховным владыкой всего! По правде говоря, ни один человек до него не делал этого!"

За поражением аббасидского вторжения последовали другие успехи нового султана. Он убедил жителей Толедо, которые долгое время сопротивлялись ему, согласиться на мир и выдать своих вождей; и вожди были жестоко унижены, а затем распяты. Глава йеменской группировки оказался опасным, и Абд-эр-Рахман выдал ему охранную грамоту и таким образом заманил его в свой дворец, где попытался заколоть его собственной рукой, но, сочтя араба слишком энергичным, вызвал стражу и приказал убить его. Почти сразу же произошло великое восстание берберов на северных границах. Десять лет ушло на то, чтобы привести их к повиновению, а тем временем йемениты, горящие местью за убийство своего вождя, воспользовались отсутствием султана на севере, чтобы восстать. Они еще не осознали всю энергию и проницательность этого человека. Он уже водил взбунтовавшихся берберов за нос, играя на их мелочной зависти; и теперь он применил свою дипломатию, чтобы посеять раздор среди йеменцев. Он вмешался в дела берберов, составлявших большую часть их армии, так что они дезертировали посреди битвы, и солдаты Абд-эр-Рахмана напали на бегущую толпу, пока на поле боя не осталось тридцать тысяч тел; их огромная могила долго оставалась зрелищем для любопытных. Затем последовала грозная коалиция между тремя недовольными арабскими вождями и Карлом Великим, которая была так близка к разрушению структуры, которую с трудом создавал Абд-эр-Рахман, но рухнула под Сарагосой и при Ронсесвальесе без единого удара со стороны того самого человека, которого они собрались уничтожить.

С этого момента султану было позволено в относительном покое наслаждаться плодами своих побед. Он подчинил все враждебные элементы в Испании своей железной воле; он сверг гордых арабских вождей, которые осмелились помериться с ним силами; он вырезал или покусался на главарей восстания и доказал, что является хозяином положения. Но тирания, такая жестокая и вероломная, как у него, влечет за собой свое собственное

наказание. Тиран может принудить к подчинению, но он не может принудить к преданности свой народ, и империя, завоеванная мечом, должна поддерживаться тем же оружием. Честные люди отказывались поступать на службу к сеньору, который мог предавать и убивать, как это сделал этот султан; его старые сторонники, те, кто сначала приветствовал его в Испании, теперь холодно отвернулись, увидев неприкрытую жестокость тирана; его собственные родственники, которые стекались к его Двору в качестве убежища от Аббасидов, находили его деспотизм настолько невыносимым, что снова и снова строили заговоры с целью свергнуть его, с неизбежным результатом потери головы. Абд-эр-Рахман остался в скорбном одиночестве. Его старые друзья покинули его; его враги, хотя и были беспомощны, тем не менее проклинали его; даже его родственники и слуги отвернулись от него. Отчасти это было связано с тем, что долгая война с фракциями испортила прекрасную натуру; отчасти с тем, что характер был неумолим. Он больше не мог, как прежде, смешиваться с толпами, заполонившими улицы Кордовы; подозрительный ко всем, погруженный в мрачные мысли и отвлеченный кровавыми воспоминаниями, он ехал по улицам, окруженный сильной охраной иностранцев. Сорок тысяч африканцев, чья преданность своему казначею была равна их ненависти ко всему населению, которое они подавляли, составляли защиту султана от людей, которых он подминал под свою пяту. В своем отчаянии он написал стихотворение о пальме, которую пересадил с земли своих предков — ибо, как и большинство андалузских арабов, он был в некотором роде поэтом, — в котором он сочувствовал дереву за его изгнание: "Как и я, ты разлучен с родственниками и друзьями; ты вырос на другой почве, а теперь ты далеко от страны своего рождения". Он достиг цели, которую поставил перед собой в дни своего юного честолюбия, когда пришел чужаком и в одиночку покорять королевство: он подчинил арабов и берберов и восстановил порядок и мир на земле; но все это он сделал за счет сердец своих подданных. Красивый юноша, пришедший подобно "молодому шевалье", чтобы завоевать уважение и преданность испанских арабов, через тридцать два года сошел в могилу ненавистным тираном, удерживаемым на своем запятнанном кровью троне только мечами наемников, чья верность была куплена золотом. Он положил начало владычеству меча в Испании, и его преемники должны были поддерживать этот принцип. Как заметил великий историк мавров, нелегко понять, какими еще средствами можно было поддерживать порядок в мятежных группировках арабов и берберов или как можно было предотвратить анархию без суровых репрессий: ни одна из этих рас не привыкла к монархии. Тем не менее столь устойчивая тирания представляла собой печальное зрелище, несмотря на всю славу и триумфы, которые ее озаряли.

Древний арабский историк Ибн-Хайян дает следующий портрет первого султана Кордовы: "Абд-эр-Рахман был добросердечен и склонен к милосердию. Он был красноречив в своей речи и наделен быстрым восприятием. Он был очень медлителен в своих решениях, но постоянен и настойчив в их осуществлении. Он был активен и подвижен; он никогда не лежал в покое и не предавался потворству своим желаниям. Он никогда никому не поручал государственных дел, а управлял ими сам; и все же он никогда не упускал случая посоветоваться в трудных случаях с людьми мудрыми и опытными. Он был храбрым и бесстрашным воином, всегда первым на поле боя; ужасен в своем гневе и нетерпим к сопротивлению: его облик внушал благоговейный трепет всем, кто приближался к нему, как друзьям, так и врагам. Он имел обыкновение ходить за гробами и молиться над усопшими, а в мечети по пятницам часто поднимался за кафедру и обращался к народу. Он навещал больных и смешивался с людьми в их ликованиях". Несомненно, это молодой Абд-эр-Рахман, до того, как оппозиция и заговоры сделали его подозрительным и жестоким. Власть часто прибегает к ужасным способам наказания своих обладателей.

КОРДОВСКИЙ МОСТ.

Обычный вопрос, который задают, когда умирает деспот, заключается в том, кто станет его преемником? И общий ответ таков: революция и анархия. Трон, укрепленный на стальных опорах, нелегко переходит от отца к сыну. И все же династия Абд-эр-Рахманов не рухнула со смертью своего деспотичного основателя. Следовало ожидать, что многочисленные враждебные силы, которые он с трудом сдерживал, высвободившись после его смерти, проявили бы удвоенную активность. Однако этого не произошло.

Отчасти потому, что он слишком сильно напугал народ, чтобы он мог легко восстановить свое мужество, а отчасти потому, что в его преемнике они увидели полную противоположность его отцу — принца, которого нужно любить и почитать, — народ несколько лет сохранял спокойствие. Хишам, который в 788 году наследовал своему отцу в возрасте тридцати лет, был образцом всех добродетелей; и, словно для того, чтобы убедиться, что он будет усердно практиковать их в течение своего короткого правления, астролог предсказал, что ему осталось жить всего восемь лет. Султан, естественно, посвятил это короткое время подготовке к следующему миру. В юности его дворец был полон ученых, поэтов и мудрецов; и мальчик был отцом мужчины. Его благочестивые деяния были бесчисленны, и в нем нуждающиеся и гонимые находили надежное прибежище. Он пошлет надежных эмиссаров во все части своих владений, чтобы выискивать несправедливые поступки и пресекать их, а также продвигать дело справедливости. Он приказал патрулировать улицы по ночам, чтобы предотвратить беспорядки и порочное поведение; и штрафы, которые они налагали на злодеев, распределялись между теми добрыми душами, которых дождь и холод не могли удержать от посещения мечетей в ночное время. Султан сам навещал больных и часто выходил в ненастные ночи, чтобы отнести еду какому-нибудь благочестивому инвалиду и дежурить у его постели. При всем этом он не был трусом. Он поведет свои армии против христиан Севера, как чистокровный араб, каким он и был; и, хотя народ ласково называл его "Любезным" и "Справедливым", он смог проявить достаточную твердость, когда его правлению угрожали заговоры его дядей. Он увеличил число своих мамлюков, или телохранителей, и тысяча из них всегда дежурили днем и ночью по обе стороны реки, защищая его дворец. Он был охотником; но он был настолько щепетилен, что, когда

перестраивал Кордовский мост, который стоит и по сей день, услышав, что его подданные ропщут, что он построил это великое сооружение только для того, чтобы сделать свои охотничьи вылазки более удобными, он поклялся, что никогда больше не пересечет его; и он так и не пересек. Не прошло и восьми лет, как этого образцового принца собрали в его заслуженном раю; и тогда стало очевидно, что сама его доброта послужила лишь разжиганию нового фактора восстания в государстве.

Этой новой опасностью была власть мусульманских священников. Вряд ли этот термин является точным, поскольку в исламе нет священства в строгом смысле католического христианства. Люди, которые читают молитвы и произносят еженедельные проповеди в мечетях, - это миряне, уволенные из своих лавок или других профессий и назначенные на время руководить приходами. В исламе нет различия между мирянами и священнослужителями. Тем не менее, есть кое-что, что более или менее соответствует тому, что мы подразумеваем под священством. В мусульманских странах всегда есть группа людей, чья жизнь особенно посвящена религии; они могут быть дервишами со специфическими обрядами, или они могут быть просто студентами-богословами, учениками какого-нибудь известного учителя, учение которого наполняет их необычным рвением и энтузиазмом; они могут быть чтецами Корана или школьными учителями. Такие организации есть по всему мусульманскому миру, и с ними приходится считаться в каждой мусульманской стране. Ученики мечети Азхар в Каире, софиты Константинополя, муллы многих восточных городов показали, на что способна сила фанатизма во времена волнений. В Андалусии эта сила вот-вот должна была проявиться. Первое восстание после смерти Абд-эр-Рахмана произошло с той стороны, которую меньше всего ожидали; не со стороны христиан и не со стороны какой-либо особой политической партии арабов или берберов, а со стороны набожных сынов ислама, студентов-богословов Кордовы.

Эти студенты в основном состояли из ренегатов или сыновей ренегатов. Уже было видно, что испанцы с радостью приняли ислам и, подобно большинству новообращенных, стали более мусульманскими, чем сами мусульмане. Абд-эр-Рахман был слишком мудр, а также слишком искушен в мирских делах, чтобы допустить преобладающее влияние богословов — особенно испанских по крови — в своем королевстве; но благочестивый Хишам не видел опасности, а если бы и видел, то вообще не рассматривал бы ее как опасность. Он любил доверять святым людям, чье поведение диктовалось строгим соблюдением их религии и в которых он не смог обнаружить зародышей обычных мирских амбиций и властолюбия. Случилось также, что в то время теологов возглавлял исключительно одаренный и деятельный ум, любимый ученик одного из светил Священного города Медины, где был похоронен Арабский Пророк, и человек, душу которого пожирала та смесь религиозного рвения и политических амбиций, которая так часто приводила к опустошению наций. Этот врач, Яхья, воспользовался преданностью и благочестием Хишама, чтобы поднять богословов Кордовы на высоту влияния и могущества, которые могли бы заставить его проницательного отца Абд-эр-Рахмана перевернуться в могиле. Действительно, пока они шли своим путем, все шло хорошо. Но в 796 году, когда добрый Хишам удалился, благоухая святостью, при Дворе произошла полная перемена. Новый султан Хакам не был равнодушен к религии или каким-либо образом нечестивцем; но он был веселым и общительным и наслаждался жизнью такой, какая она ему выпадала, без малейшей склонности к аскетизму. Такой персонаж был совершенно неугоден фанатичным докторам богословия. Они говорили о султанине с благочестивым ужасом, публично молились о его обращении и даже поносили и оскорбляли его в лицо. Сочтя его неизлечимым в своем легкомыслии, они замыслили возвести на трон другого члена его семьи. Заговор провалился, и многие из ведущих дворян, участвовавших в заговоре, вместе с рядом врачей-фанатиков были распяты. Ничуть не смутившись этим, в 806

году народ, взбудораженный фанатиками, восстал снова, но только для того, чтобы быть так же быстро подавленным, как и прежде. Даже ужасная судьба толедской знати, которая по своему обыкновению взбунтовалась и в это время была вероломно заманена в руки наследного принца и перебита до единого человека, не удержала кордовцев от нового восстания.

Действительно, в течение семи лет память о "Дне окаменелости", как называли резню в Толедо, удерживала фанатиков Кордовы в рамках; но по мере того, как воспоминание об этой ужасной яме, в которую были брошены тела всех убитых дворян Толедо, становилось все слабее, в столице появились признаки нового восстания. Народные настроения были очень сильны не только против султана, потому что он не носил власяницу и пепел или притворялся аскетом, но еще больше против его многочисленной личной охраны из "немых", названных так потому, что, будучи неграми и им подобными, они не могли говорить по-арабски. Немые не осмеливались выходить на улицы Кордовы иначе, как в большом количестве; одинокий солдат наверняка был бы окружен толпой и мог быть убит. Однажды бессмысленный удар, нанесенный членом стражи, поднял на ноги весь народ. Они единодушно бросились ко дворцу во главе с тысячами студентов-богословов, населявших южную окраину города, и, казалось, были полны решимости взять его штурмом, несмотря на его укрепления и гарнизон. Султан Хакам вглядывался в море лиц и с ужасом наблюдал за преданной толпой, отражавшей атаку его испытанной кавалерии; но даже в этот час отчаянной опасности он не утратил *хладнокровия*, которое является врожденным правом великих людей. Удалившись в свой холл, он велел своему пажу Гиацинту принести ему флакон циветты, которой спокойно надушил волосы и бороду. Паж не мог скрыть своего изумления при виде такого занятия, когда жестокая толпа уже колотила в ворота; но Хакам, который полностью осознавал грозящую ему опасность, ответил: "Молчи, негодяй! Как, по-вашему, мятежники смогли бы найти мою голову среди остальных, если бы ее не отличал сладкий запах? Затем он созвал своих офицеров и принял необходимые меры для защиты. Это было достаточно просто, но они оказались эффективными. Он отправил своего двоюродного брата с отрядом кавалерии окольным путем в южное предместье, которое он поджег, и когда люди в ужасе отступили от осажденного дворца, чтобы спасти своих жен и детей из горящих домов, Хакам и остальной гарнизон напали на них с тыла. Атакованные с обеих сторон, несчастные мятежники были изрублены на куски; мрачные немые проносились сквозь них, уничтожая сотнями и игнорируя, если они понимали, их мольбы о пощаде. Маневр Хакама спас дворец и династию, и восстание превратилось в массовую резню.^[12]

Однако в момент своего триумфа султан остановил его; он не стал доводить свою победу до крайности, но удовлетворился приказом разрушить мятежный пригород и изгнать его жителей, которые были вынуждены бежать, некоторые в Александрию, числом пятнадцать тысяч, не считая женщин и детей, откуда они в конце концов переправились на Крит; другие, всего восемь тысяч, в Фес, в Африке. Большинство изгнанников были потомками старого испанского населения, которые приняли ислам, но были рады предложу заявить о своей расовой антипатии к арабскому правлению. Однако главные преступники, *факи*, или студенты-богословы, остались безнаказанными, отчасти, без сомнения, потому, что многие из них были арабами, а отчасти из уважения к их ортодоксальному исповеданию. Одному из их вождей, которого привели к Хакаму и который в пылу своей фанатичной ярости сказал султану, что, ненавидя своего короля, он повинуетя голосу Бога, Хакам дал незабываемый ответ: "Тот, кто приказал тебе, как ты притворяешься, ненавидеть меня, приказывает мне простить тебя. Иди и живи под защитой Бога!"

Против

ХРИСТИАНСКИХ МУЧЕНИКОВ.

МАВРИТАНСКАЯ ШКАТУЛКА ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ 11 ВЕКА В КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ ПАМПЛОНЫ.

Султан Хакам умер в 822 году, после двадцатилетнего правления. Он оставил сравнительно спокойное наследство своему сыну Абд-эр-Рахману II.; отступники Кордовы были усмирены и изгнаны, фанатикам был преподан урок, который они вряд ли забудут, и оставались только хронические беспорядки на христианских границах, которые время от времени подавлялись. Абд-эр-Рахман II унаследовал талант своего отца к наслаждениям, но не ту силу характера, благодаря которой потакание своим желаниям не переросло в слабость. Новый султан превратил Кордову во второй Багдад и подражал расточительности великого Харун-эр-Рашида, который недавно покинул место своих фантастических развлечений ради, будем надеяться, лучшего мира. Абд-эр-Рахман построил дворцы, разбил сады и украсил свою столицу мечетями, особняками и мостами. Как и все образованные мусульманские монархи, он был любителем поэзии и утверждал, что сам был неплохим поэтом, хотя его стихи иногда писали другие авторы, которым он платил за сочинение для него. Его вкусы были утонченными, а натура мягкой и им легко было управлять. На протяжении всей его карьеры им управляли четыре человека: один был певцом, второй - теологом, третий - женщиной, а четвертый - чернокожим рабом. Самым влиятельным из них был богослов Яхья, тот самый, который раньше настраивал студентов против Хакама, а теперь приобрел абсолютную власть над разумом нового султана. Королева Таруб и раб Наср, однако, не пользовались легким авторитетом в политических вопросах; но певец Зирьяб ограничивал свой интерес вопросами вкуса и культуры и отказывался вмешиваться в вульгарную политическую борьбу. Он был персом и был учеником знаменитого багдадского музыканта Исаака Мосилита, пока однажды ему не посчастливилось превзойти своего учителя в выступлении перед халифом Харуном, и сразу после этого ревнивый мосилит предложил ему выбор: смерть или изгнание. Он принял последнее; и, прибыв в Испанию, был восторженно принят образованным султаном, который назначил ему солидную пенсию, запасы еды, дома и другие привилегии и пособия, так что удачливый певец насчитывал

огромный доход. Султан был так восхищен талантами Зирьяба, что усаживал его рядом с собой, делил с ним трапезу и часами слушал его песни и чудесные истории, которые он мог рассказать о былых временах, и мудрые изречения, которые он мог привести из своих безграничных запасов чтения. Он знал наизусть более тысячи песен, у каждой была своя мелодия, которой, по его словам, его научили духи воздуха; он добавил к лютне пятую струну, и его стиль игры был совершенно непохож ни на чей другой, так что люди, которые слышали его, впоследствии не слушали никого другого. У него была странная манера обращаться со своими учениками-музыкантами. Обычно он заставлял потенциального певца сесть и стараться петь как можно громче. Если голос был слабым, он велел ему обвязать пояс вокруг талии, чтобы увеличить громкость звука; если он заикался или у него были какие-либо дефекты в речи, Зирьяб заставлял его держать во рту кусок дерева, пока его челюсти как следует не растянутся. После этого, если новичок мог крикнуть Ах во весь голос и сохранить звук устойчивым, он брал его в ученики и тщательно обучал; если нет, он увольнял его.^[13] Никогда не было человека столь изысканного, остроумного, занимательного, как Зирьяб; вскоре он стал самым популярным человеком в Андалусии и занимал должность арбитра моды, как Петрониус или Бо Браммелл. Он заставил людей изменить прическу. Он привез в Андалузию спаржу и фрикадельки из фарша, и блюдо долгое время спустя было известно как "фрикасе по-зирьябски". Он подавал пример питья из стеклянных сосудов вместо металлических, сна на кожаных кроватях, ужина на кожаных циновках и множества других изысков; в то же время он настаивал на тщательной градации одежды, постепенно уменьшающейся от густой зимы к редкому лету, вместо резких изменений, которые люди производили до сих пор. Что бы он ни предписывал, модный мир следовал ему; не было ничего, что этот восхитительный гастроном не смог бы убедить их признать необходимым и очаровательным.

Но в то время как Двор был занят дегустацией новых блюд или стрижкой волос, среди подданных султана в самой Кордове были серьезные люди, поглощенные гораздо более глубокими мыслями. Таким образом, не внешний враг угрожал миру мавританского королевства. Действительно, много раз Абд-эр-Рахман II, не испытывавший недостатка в личном мужестве и любви к военной славе, с успехом вел свои армии против христиан севера, которые с помощью Людовика Добродетельного постоянно совершали какие-нибудь экспедиции или набеги за границы. Эти мелкие кампании были еще недостаточно серьезными, чтобы поколебать стабильность мусульманского правления. Проблемы в те первые дни всегда исходили изнутри. В данном случае это произошло из-за слишком возвышенного духа небольшого числа христиан в Кордове. Большинство христиан, действительно, ни в коем случае не стремились подчеркивать свою веру; к ним хорошо относились, они могли свободно поклоняться тому, чему им заблагорассудится, без каких-либо препятствий со стороны своих правителей; а также свободно торговать и богатеть, как и их соседи-мусульмане. Чего еще можно было желать, если не восстановления их древнего царства? И поскольку в то время это было невозможно, они удовлетворились тем, что оставили Уэлла в покое и сделали все возможное для своих мягких и терпимых правителей.

Такой настрой был очень распространен в Андалусии, но кое-где встречались честолюбивые или восторженные души, недовольные таким подчинением правлению "неверных". Они помнили о былом могуществе и процветании своей церкви, и особенно священники больше не могли сдерживать свою ненависть к мусульманам, которые отняли у них власть и заменили религию Христа ложным вероучением. Сама терпимость мавров только раздражала такие пылкие души; они предпочитали подвергаться преследованиям, подобно святым древности; они жаждали стать мучениками и негодовали на мусульман, потому что те не хотели "преследовать их ради правды" и обеспечить им царство небесное. Этим

серьезным людям была особенно ненавистна открытая веселость и чувственная утонченность мавров; их наслаждение жизнью и все ее удовольствия, их музыка и пение, сама их ученость и наука вызывали отвращение у этих аскетов. Жизнь для истинного верующего означала только бичевание и пост, покаяние и исповедь, очищение через страдания, умерщвление плоти и освящение духа. То, что произошло, было, по правде говоря, не чем иным, как проявлением аскетической или монашеской формы христианства среди подвластного населения. Внезапный и неистовый энтузиазм сменил безразличие, которое до сих пор было преобладающей чертой испанского христианства, и началась гонка за мученичеством.

Было очень жаль видеть, как хорошие люди жертвуют своими жизнями и жизнями других людей ради мечты. Самоубийства в Андалусии были на самом деле ничуть не более разумными или истинно религиозными, чем страдания жрецов Ваала, которые резали себя ножами, или индийских аскетов, которые позволяли ногтям прорасти сквозь ладони. Тот факт, что испанские "мученики" были безумны во имя лучшего дела, не делает их менее безумными. Христианство не учит своих учеников бессмысленно разбрасываться своими жизнями из-за простой радости быть замученными и убитыми. Это не было похоже на то, что христиан преследовали или препятствовали исповеданию их веры; это не было похоже на то, что мавры ничего не знали о христианстве и нуждались в проповеди. Они знали о Священных Писаниях больше, чем многие из самих христиан, и они никогда не произносили имени Иисуса Христа, не добавив: "Да благословит его Бог". Мусульманство признает богодухновенную природу Христа и прививает глубокое почтение к нему. Мусульмане не были невежественны в христианстве, но они предпочитали свое собственное вероучение; и хотя они позволяли христианам придерживаться своего, не было никакого оправдания тому, что последние изображали героический характер преследуемых верующих. Действительно, не было рационального способа принять мученическую смерть; поскольку христианам разрешалось свободно совершать свои религиозные обряды, они могли беспрепятственно проповедовать и учить, они не могли найти законного основания для преследования, если только они не сойдут с путей Евангелия и не откажутся от великого урока Христа: "Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас и молитесь за тех, кто с презрением использует вас и гонит вас". Они не подвергались жестокому обращению или преследованиям; основная масса христиан была совершенно свободна от притеснений, и хотя священники иногда подвергались публичным насмешкам со стороны уличных мальчишек и простых людей, лучшие слои мусульман никогда к этому не присоединялись; однако бедные христиане были так далеки от попыток полюбить этих кротких противников, что они изо всех сил проклинали их и богохульствовали над их религией с простым намерением принять мученическую смерть за их страдания. Сейчас в мусульманских странах хорошо известен закон, согласно которому тот, кто хулит Пророка Мухаммеда или его религию, должен умереть. Этосуровый и варварский закон, но мир видел, как плохие принципы применялись к хворосту в Смитфилде и Оксфорде в более поздние эпохи, чем та, о которой мы пишем. Умышленно разжигать религиозную рознь и оскорблять другую веру - это не поступки для христиан; добровольно нарушать закон, который влечет за собой смертную казнь, - это не мученичество, а самоубийство; и мы не можем не испытывать жалости к "мученикам" Кордовы, такой же, какую испытываешь ко многим менее возвышенным формам истерического расстройства. Жертвы действительно были мучениками от болезней, и их судьба столь же плачевна, как если бы они действительно были мучениками за веру.

Главным вдохновителем этих самоубийств был Евлогий,^[14] священник, принадлежавший к старинной семье Кордовы, всегда известной своим христианским рвением. Евлогий провел годы в молитвах и посте, в горьком покаянии и умерщвлении плоти и довел себя до

экстатического состояния, которое приводит к актам ошибочного, но героического благочестия. В нем не осталось ничего мирского, никаких мыслей о себе или личных амбиций; прикрыть ложную веру мавров позором и пробудить дух возвышенной набожности среди своих единоверцев - таковы были его цели. В этих делах он всегда пользовался сердечной поддержкой богатого молодого человека из Кордовы по имени Альваро и небольшой, но ревностной группы священников, монахов и женщин, а также нескольких мирян. Среди тех, кто нашел близкое расположение к преданному молодому священнику, была красивая девушка по имени Флора. Она была ребенком от смешанного брака, и ее мать-христианка тайно воспитывала ее в своей собственной вере. В течение многих лет Флора внешне была мусульманкой; но в конце концов, движимая тем же духом жертвенности и энтузиазма, который волновал Евлогия, и воодушевленная такими отрывками из Библии, как "Кто отречется от Меня перед людьми, от того отрекусь и Я перед Отцом Моим Небесным", она сбежала из дома своего брата — ее отец был мертв — и нашла убежище среди христиан. Брат, мусульманин, тщетно искал ее; многие священники были брошены в тюрьму по обвинению в соучастии в похищении; и Флора, не желая, чтобы другие страдали по ее вине, вернулась к себе домой и признала себя христианкой. Ее брат испробовал самые суровые средства, какие были в его распоряжении, чтобы заставить ее отречься, и в конце концов, разгневанный ее упрямством, привел ее к кади, или мусульманскому судье, и обвинил ее в вероотступничестве. Ребенок мусульманина, даже если его мать христианка, по мусульманским законам считается рожденным мусульманином, а вероотступничество всегда каралось смертью. Даже сейчас в Турции закон остается в силе, хотя в течение последних сорока лет существовало молчаливое понимание, что он не будет применяться; и тысячу лет назад мы должны были ожидать меньшей мягкости по отношению к ренегатам. И все же судья, перед которым Флора предстала таким образом, проявил некоторое раскаяние по отношению к несчастной девушке. Он не приговорил ее к смерти — как это было связано с законом — или даже к тюремному заключению; он жестоко избил ее и велел ее брату забрать ее домой и обучить мусульманской религии. Однако она снова сбежала и нашла убежище у некоторых друзей-христиан, и здесь она впервые встретила Евлогия, который заронил в красивую и несчастную молодую преданную чистую и нежную любовь, какую только могут испытывать ангелы друг к другу. Ее мистическая экзальтация, набожность и непобедимое мужество придавали ей в его глазах облик святой, и он не забыл ни одной детали этой первой встречи шесть лет спустя, когда написал ей такие слова: "Ты соизволила, святая сестра, показать мне свою шею, изуродованную бичом, и лишенную прекрасных локонов, которые когда-то ниспадали на нее. Это было потому, что ты считал меня своим духовным отцом и верил, что я чист и целомудрен, как и ты сам. Я нежно положил руку на твои раны; у меня хватило бы духу попытаться исцелить их своими губами, если бы я осмелился.... Когда я расставался с тобой, я был подобен тому, кто ходит во сне, и я вздыхал не переставая". Флору и сестру, разделявшую ее энтузиазм, увезли в безопасное место, и Евлогий некоторое время ее больше не видел.

Тем временем рвение кордовских христиан приносило плоды. Глупый священник Перфектус был вынужден проклинать господствующую религию и был казнен в великий мусульманский праздник, когда весь мир радовался окончанию строгого поста Рамадан, который длился целый месяц. Мусульмане, мужчины и женщины, сделали этот праздник особым поводом для веселья, а казнь священника-нарушителя добавила новый повод для возбуждения толп, которые заполнили улицы, плавали по реке и резвились на большой равнине за городом. Бедный священник умер храбро, проклиная Мухаммеда и его религию до последнего вздоха, окруженный огромной толпой насмехающихся и безжалостных мусульман. Епископ Кордовы, сопровождаемый армией священников и приверженцев, снял его тело, похоронил вместе со святыми мощами святого Ацикла, мученика гонений Диоклетиана, в церкви

которого он служил, и немедленно причислил его к лику святых. В тот же вечер утонули два мусульманина, и это сразу же было воспринято как Божий суд над убийцами Перфектуса. Черный раб Наср, руководивший казнью, умер в течение года, и христиане торжествующе заявили, что Перфектус предсказал его кончину: "Это был другой суд!"

Вскоре монах по имени Исаак попросил встречи с Кади под предлогом желания обратиться в мусульманскую религию; но как только ученый судья объяснил доктрины ислама, потенциальный новообращенный повернулся и начал осыпать проклятиями вероучение, которому он просил научить его. Неудивительно, что изумленный Кади дал ему подзатыльник. "Знаешь ли ты, - сказал он, - что наш закон приговаривает людей к смерти за то, что они осмеливаются говорить то, что сказал ты?" "Да, - ответил монах, - осуди меня на смерть; я желаю этого; ибо я знаю, что Господь сказал: "Блаженны те, кого преследуют за правду", ибо их есть царство небесное". Кади пожалел этого человека и умолял султана не обращать внимания на его преступление, но напрасно. Исаак был обезглавлен и после этого стал святым, и было убедительно доказано, что он сотворил много чудес не только с самого детства, но и еще до того, как появился на свет.

Вскоре один из султанских телохранителей, Санчо, ученик Евлогия, богохульствовал над Магометом и лишился головы. В следующее воскресенье шестеро монахов бросились к Кади и закричали: "Мы тоже говорим то, что сказали наши святые братья Исаак и Санчо", - и тут же принялись хулить Мухаммеда и кричать: "Отомсти за своего проклятого Пророка! Отнесите к нам со всем вашим варварством!" Им отрубили головы. Еще трое священников или монахов, зараженных лихорадкой самоубийства, взволнованно бросились подставлять свои шеи палачу. Таким образом, менее чем за два месяца лета 851 года их выпало одиннадцать.

Большая часть христиан была встревожена нескромным рвением своих братьев. Не следует забывать, что испанцы до сих пор не отличались религиозным рвением. Их вероучение не имело к ним никакого отношения, и так много из них были обращены в ислам, что две религии и два народа в значительной степени смешались в дружеских отношениях. Христиане стали презирать свой старый латинский язык и литературу; они выучили арабский и вскоре смогли писать на нем так же хорошо, как сами арабы. Сам Евлогий сожалеет об этой перемене. Христиане, по его словам, восхищаются арабскими стихами и романсами, а не Священным Писанием и трудами Отцов Церкви. Молодые поколения знают только арабский; они с жаром читают мусульманские книги, составляют из них огромные библиотеки и находят их восхитительными, в то время как они не взглянут ни на одну христианскую книгу. Они забывают свой собственный язык, добавляет он, и едва ли один из тысячи может написать приличное латинское письмо; тем не менее, они пишут превосходные арабские стихи. Христиане, на самом деле, находили арабские романы и поэзию гораздо более интересными, чем труды Отцов Церкви. Они становились все более и более арабами, более цивилизованными, более утонченными, а также более равнодушными к различиям веры. Они были благодарны маврам за хорошее обращение с ними, и внезапная враждебность, проявленная их взволнованными собратьями, поразила и шокировала их. Они пытались предотвратить надвигающуюся бурю, показав своим братьям тщетность их поведения. Они спорили с ними; напоминали им, насколько терпимыми мусульмане всегда были к христианам; напоминали им мирное учение Евангелия и слова апостола о том, что "Клеветники не войдут в царствие небесное"; и рассказывали им, что мусульмане относились к этим смертям без беспокойства, поскольку утверждали: "Если бы ваша религия была истинной, Бог отомстил бы за Своих мучеников".

Эти достойные христиане простого толка, которые не знали силы духовного подъема ни для добра, ни для зла, а только исполняли свой долг по отношению к ближним и произносили

свои молитвы простым, старомодным способом, тщетно пытались обуздать zelотов. Они понимали, что эти продолжающиеся оскорбления и немедленные наказания должны, наконец, закончиться настоящим преследованием. Евлогий, напротив, вознамерившийся ответить на их возражения текстами из Библии и Житиями Святых, жаждал такого результата, а zelоты ничего так не желали, как огня преследований. Церковные власти, на которые воздействовала умеренная партия, а также мавританское правительство, не могли допустить, чтобы дух восстания и дальше оставался без доказательств; епископы собрались на совет под председательством митрополита Севильи, и хотя они не могли точно отрицать прежние "мученичества", поскольку Церковь уже канонизировала страдальцев, все же они постановили, что больше не следует устраивать подобных демонстраций, и во исполнение этого решения лидеры zelотов были брошены в тюрьму. Здесь Евлогий снова встретил Флору. Однажды она усердно молилась в церкви, когда увидела рядом с собой собрата по энтузиазму, сестру того монаха Исаака, который был одним из первых "мучеников". Мэри хотела присоединиться к своему брату в царстве небесном, и Флора решила сопровождать ее. Они предстали перед Кади и сделали все возможное, чтобы вызвать его гнев, понося имя Мухаммеда и его религию. Две молодые и красивые девушки, самым искренним образом исповедующие религию "мира на земле и благоволения к людям", стояли перед судьей с губами, полными проклятий и горечи, понося его веру как "дело рук дьявола". Но хорошего судью было не так-то легко разбудить. Он устал от всей этой истерической мании и много раз притворялся глухим, когда люди подвергали себя смерти; ему было жаль этих двух девушек, и он хотел, чтобы они не были такими глупыми. Он пытался заставить их отречься или сделать вид, что ничего не слышал. Но они упорствовали в своей героической цели, и ему пришлось посадить их в тюрьму.

Здесь, в долгом заточении, девушки были обескуражены и почти склонны дрогнуть в своем жертвенном рвении, когда пришел Евлогий, чтобы укрепить и уничтожить их. Его задача была самой трудной в мире: побудить женщину, которую он любил всей душой, отправиться на эшафот; и все же, вопреки всем естественным и человеческим чувствам, этот железный человек собрался с духом, чтобы раздуть пламя энтузиазма на грани мученичества. Это было ежедневной агонией для несчастного священника, но он никогда не ослаблял своих усилий в том, что, по его мнению, было благим делом. Он даже написал целый трактат, чтобы убедить Флору, которая в этом мало нуждалась, в высшей красоте и славе мученичества за веру. Он проводил дни и ночи за чтением и письмом, чтобы изгнать из своего сердца те чувства раскаяния и любви, которые угрожали поколебать его решимость. Но она была слишком твердой. Флора и Мария оставались постоянными и непоколебимыми, несмотря на отчаянные попытки кади помочь им спастись; и после последней встречи, когда был вынесен смертный приговор, Евлогий увидел Флору: "Она показалась мне ангелом", — писал он впоследствии, радуясь духовному триумфу. "Ее окружало небесное сияние; ее лицо озарилось счастьем; казалось, она уже вкушает радости небесного дома.... Когда я услышал слова, слетевшие с ее сладких уст, я попытался укрепить ее в решимости, показав ей корону, которая ее ожидала. Я боготворил ее; я пал ниц перед этим ангелом и умолял ее вспомнить меня в своих молитвах; и, ободренный ее речью, я вернулся менее печальным в свою мрачную келью". Флора и ее спутница Мария были, наконец, казнены 24 ноября 851 года, и Евлогий написал радостный паан, чтобы отпраздновать то, что он считал великой победой Церкви.

Вскоре после этого Евлогий и другие священники были освобождены из тюрьмы, а в следующем году Абд-эр-Рахман II умер, и ему наследовал его сын Мухаммед, жесткий, бессердечный эгоист, который выжимал деньги из жалованья своих министров, и которого все ненавидели за его подлость и недостойность. Только богословы любили его, ибо он,

казалось, мог сполна отомстить за оскорбления, которые возбужденные христиане нанесли мусульманской религии. Церкви были разрушены, и начались такие жестокие преследования, что, хотя многие христиане стали мусульманами, когда епископы официально осудили мученическую смерть самоубийц, теперь гораздо больше последовали их примеру; действительно, по словам Евлогия и Альваро, большинство отреклось. Мудрая и доброжелательная политика Абд-эр-Рахмана и его министров, которые закрывали глаза на то, что христиане совершали бессмысленные поступки, теперь сменилась политикой жестоких репрессий, и неудивительно, что вероотступничество стало правилом.

Тем не менее, влияние маленькой группы zelотов было сильным и уже распространилось далеко за пределы Кордовы. Толедо назначил Евлогия своим епископом, и когда султан отказал ему в согласии, первенство оставалось вакантным до тех пор, пока zelоту не будет разрешено занять его. Два французских монаха приехали в Кордову, чтобы попросить немного мощей святых мучеников, и вернулись в Сен-Жермен-де-Пре с красивым мешком костей, который вскоре был выставлен на обозрение верующих в Париже. Но энтузиастам был нанесен тяжелый удар. Другая девочка бросила своих родителей, чтобы последовать за Евлогием; и на этот раз она и ее учитель предстали перед Кади. Евлогий был виновен только в обращении в свою веру, и его законным наказанием было всего лишь бичевание. Но священник был сделан не из того материала, который выдерживает кнут. Смирный и долготерпеливый перед своим Богом, готовый подвергнуть собственное тело любым пыткам ради веры, он не мог допустить, чтобы его выпорол неверный. "Отточи свой меч, судья, - воскликнул он. - отправь мою душу Навстречу моему Создателю; но не думай, что я позволю истязать мое тело кнутами". И тут он разразился потоком проклятий в адрес Мухаммеда и его религии.

Кадий не захотел брать на себя ответственность за приведение приговора в исполнение в отношении такого выдающегося лидера, как Евлогий, и священник, соответственно, предстал перед тайным советом. Один из собравшихся возразил ему и спросил, почему разумный и образованный человек должен добровольно подвергать свою голову смертельной опасности; по его словам, он мог понять поступающих так дураков и маньяков, но Евлогий был другого склада. "Послушай меня, - добавил он, - я умоляю тебя; уступи хоть раз необходимости; откажись от того, что ты сказал перед Кади; скажи только слово, и ты будешь свободен". Но было слишком поздно. Евлогий, хотя и предпочитал должность наставника мучеников тому, чтобы самому подавать пример, не мог с достоинством отступить со своей позиции. Он должен был идти до победного конца. И, отказавшись от чего-либо отказаться, он был немедленно отправлен на казнь и умер с мужеством и преданностью 11 марта 859 года.^[15]

Лишенные своего лидера, христианские мученики пали духом, и мы больше не слышим об их безумной преданности.

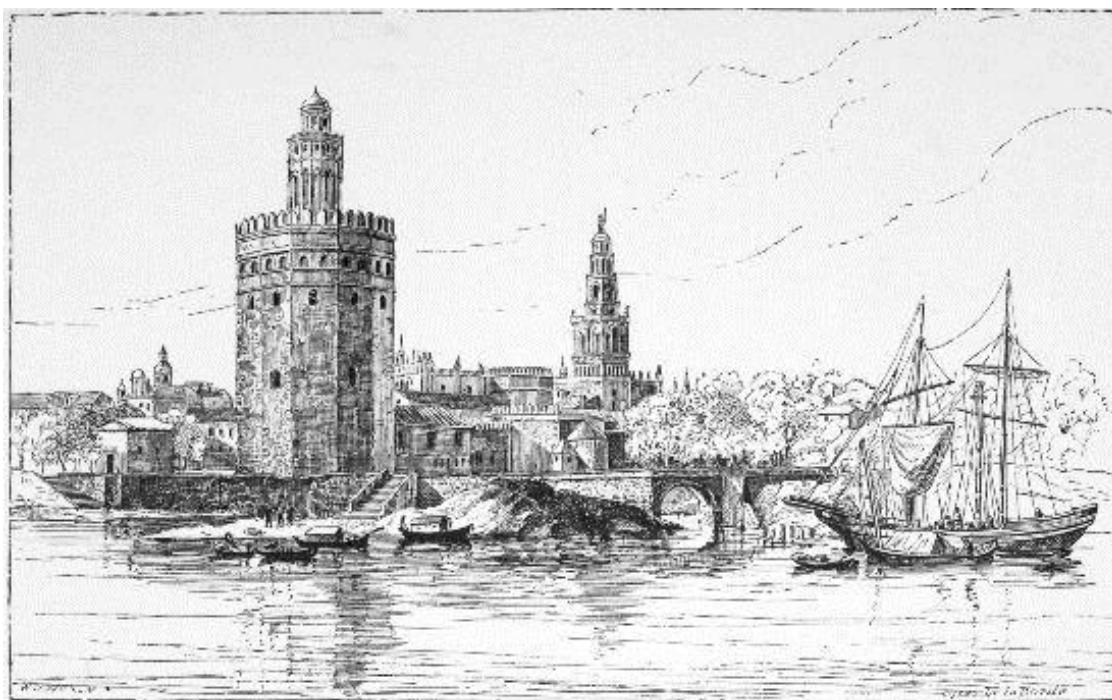
VI.

ВЕЛИКИЙ ХАЛИФ.

МОИ читатели, возможно, будут разочарованы тем, что до сих пор у нас было лишь немного записей о благородных деяниях или великих войнах, и что вместо отдельных героев нас в основном интересовали крупные движения рас и религий. Действительно, у нас было волнующее начало с Тариком и его берберами, чьи блестящие завоевания стали не более легендарными, чем история девятнадцатого века. У нас была великая и решающая битва при Туре, но об этом не хватает подробностей, которые могли бы представлять исключительный интерес; а другое сражение с франками, поле при Ронсевалле, ведет в противоположном направлении, поскольку оно окутано мифами. С того дня прошло сто лет, и мы подошли к смерти Евлогия и последовавшему за этим упадку христианских мучеников; и все это столетие мы не читали ни о чем, кроме борьбы между различными расами и вероисповеданиями, составлявшими смешанное население испанского полуострова. Но, в конце концов, золотые подвиги редки и слишком часто являются выдумкой поэтов, чьи духовные умы облачают атрибутами идеального рыцарства то, что на самом деле является обычными событиями войны; в то время как борьба расы с расой и вероучения с вероучением - это то, чему мир был постоянным свидетелем с тех пор, как появился человек. Мы не должны позволять себе думать, что история этих крупных движений неинтересна, потому что в ней нет личного очарования отдельных актов героизма. В преданности бесчисленных незамеченных мужчин и женщин в печальную эпоху мученичества в Кордове было, пожалуй, больше настоящего героизма, чем в безудержных рыцарских подвигах, проявленных грубыми воинами на поле битвы. Гораздо легче быть храбрым с горячей кровью, чем терпеть тревоги и страдания длительного заключения, с неустрашимым мужеством ожидать дня казни и сохранять твердое сердце на протяжении всего этого. Христианские мученики были введены в заблуждение, они беспричинно расстались со своими жизнями; но их мужество так же достойно восхищения, как и их мудрость - сожаления. Флора была такой же настоящей героиней, как если бы она пожертвовала собой ради чего-то достойного. Евлогий, при всем своем фанатизме, был настоящим героем. И во всех этих великих движениях расы или веры есть бесчисленные акты преданности и стойкости, которые, хотя и могут ускользнуть от внимания историка, требуют такой же решимости и выдержки, как и самые блестящие подвиги солдата. Часто в маленьких актах героизма заключаются самые тяжелые обязанности человечества; а в конфликтах между большими группами людей открываются бесконечные возможности для их осуществления.

Гораздо легче реализовать героический характер в человеке, чем в целом народе или даже городе; и сейчас мы переходим к карьере человека, который приблизился так, как мало кто когда-либо приближался к высокому идеалу царственного величия. Великий король - это результат великой нужды. Когда нация находится в тяжелом положении, когда времена полны предзнаменований бедствий и разруха зловеще нависает над горизонтом, тогда великий царь приходит, чтобы спасти свой народ от опасности, восстановить порядок и благополучие и править королевством, которое его усилиями снова стало счастливым и

процветающим. Потребность в таком правителе остро ощущалась в Испании в начале десятого века. За возбужденным поведением христиан Кордовы последовало еще более опасное и широко распространенное восстание в провинциях. Трон занимали неспособные монархи; ибо энергичная политика Мундира, который наследовал своему отцу Мухаммеду в 886 году, была остановлена его убийством в 888 году, а его брат Абдаллах, который спровоцировал убийство, был неспособен мужественно справиться с многочисленными источниками опасности, которые тогда угрожали королевству. Его политика была изворотливой и выжидательной; он попеременно прибегал к силе и примирению, что обычно приводило к провалу обеих стратегий; и лично он был настолько презренным, жестоким и подлым, что все партии в его владениях, казалось, на этот раз пришли к согласию в своем отвращении к нему и решимости свергнуть его правление. Едва он правил три года, как большая часть Андалусии стала фактически независимой. Все различные фракции государства теперь снова находились в активной оппозиции центральной власти. Каждый дворянин или вождь, будь то араб, бербер или испанец, воспользовался возможностью плохого и слабого монарха и всеобщей анархией, чтобы присвоить часть земли для своей исключительной выгоды и из-за своих крепостных стен бросить вызов султану. Старая арабская аристократия, потомки арабских племен, завершивших завоевание Испании, были немногочисленны, и другие расы значительно превосходили их численностью; но хотя их слабость должна была сохранять им верность арабскому королевству Кордова, они тоже восстали против него и обосновались в независимых княжествах, особенно в Севилье, которая теперь стала грозным соперником Кордовы. В других городах, хотя арабы были недостаточно сильны, чтобы открыто порвать с султаном, они оказывали ему лишь номинальное почтение; а губернаторы Лорки и Сарагосы на самом деле были совершенно независимы от своего слабого короля. Нигде, за пределами Кордовы, где наемная гвардия султана вынуждала к определенной внешней покорности, нельзя было рассчитывать на арабов в защите власти Омейядов.

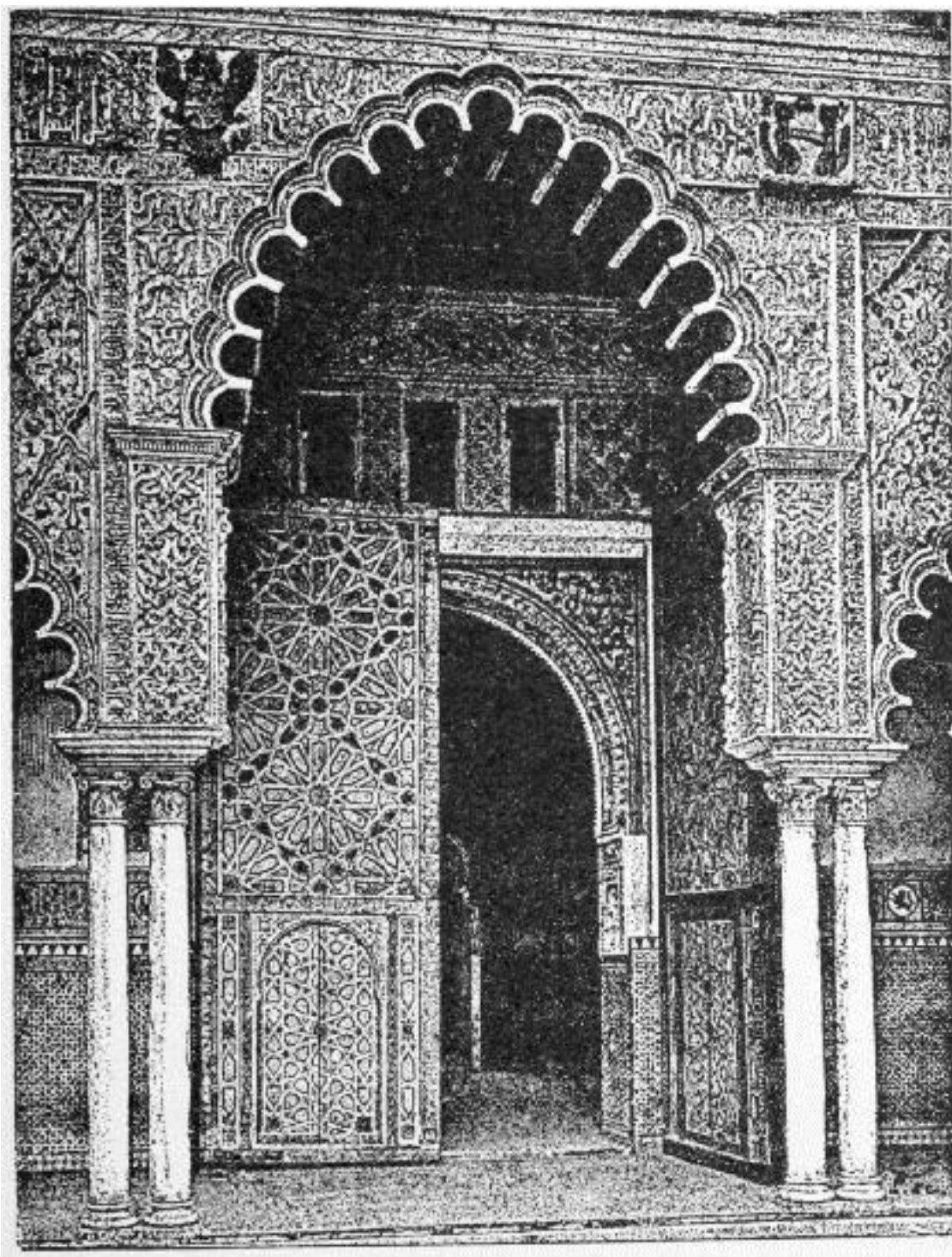

ЗОЛОТАЯ БАШНЯ, СЕВИЛЬЯ.

Берберы были более многочисленны, чем арабы, и, по крайней мере, столь же недовольны. Они отказались от каких-либо претензий на подчинение власти султана и вернулись к своей старой политической системе кланового правления. Западные провинции Испании, такие

как Эстремадура, и юг Португалии, теперь были независимыми владениями берберов; и они также занимали различные важные посты, такие как Хаэн, в самой Андалусии. Берберская семья Ду-н-Нуна, состоящая из отца Мусы, "великого негодяя и гнусного вора", и трех его сыновей, которые походили на него своей физической силой и непревзойденной жестокостью, носили огонь и меч по всей стране, сжигали, грабили и убивали, куда бы они ни пошли.

Испанцы-мусульмане, которые вместе со своей новой верой приобрели что-то от арабской цивилизации, ни в коем случае не были варварами, подобными берберам; но они не были менее враждебны центральной власти. Провинция Алгарве, расположенная в юго-западном углу полуострова, была полностью в их власти, и они владели многочисленными независимыми городами и округами по всей Андалусии. Действительно, все самые важные города были охвачены тайным или открытым восстанием. Арабские губернаторы, берберские вожди, испанские ренегаты одинаково объединились в отрицании или игнорировании суверенной власти Абдаллы; и самый могущественный из всех, Ибн-Хафсун, христианин, поднявший горцев провинции Эльвира (Гранада), правил в полной безопасности в своей скалистой крепости Бобастро и установил законы в окрестных регионах. Снова и снова султан нападал на него и каждый раз терпел поражение; теперь он был склонен прибегнуть к позорной политике примирения, но обнаружил, что Ибн-Хафсун вполне готов обмануть его в этом. Мурсия, "земля Теодемира", была независимой под властью кроткого и образованного принца-отступника, который мудро управлял своими подданными и был ими любим; который был предан поэзии, но не пренебрегал содержанием значительной армии, включавшей пять тысяч всадников. Толедо, как обычно, был охвачен восстанием, и ничто, кроме зависти и разногласий христиан севера, не помешало им отвоевать свою давно утраченную территорию. Разделенная на бесчисленные маленькие сеньории, напоминавшие скорее поместья или графства феодальных баронов, чем части некогда могущественного государства, Андалусия могла бы оказать лишь плохо направленное сопротивление решительному захватчику.^[16]

ДВЕРЬ ДЕВИЧЬЕГО ДВОРА, СЕВИЛЬСКИЙ АЛЬКАСАР.

Конечно, были некоторые проблески света среди всей этой анархии. Мы уже говорили, что провинцией Мурсия правил просвещенный и доброжелательный принц. Правитель Каслоны также отличался покровительством поэтам и искусствам; его залы были возведены на мраморных колоннах, а стены инкрустированы мрамором и золотом; все, что делает жизнь приятной, можно было найти в его дворце. Ибн-Хаджжадж, арабский король Севильи — ибо он был никем иным — который вынудил султана примириться с ним и сделать его своим другом, также проявлял свою безграничную власть самым благородным образом. Его город управлялся превосходно, порядок царил там нетронутый, а злодеи были сурово, но справедливо наказаны. Он держал свое государство как император; пятьсот кавалеристов составляли его эскорт, а его королевская мантия была из парчи, на которой золотой нитью

были вышиты его имя и титулы. Цари из-за моря присылали ему подарки: шелковые ткани из Египта, ученых знатоков закона из Медины и несравненных певцов из Багдада. Прекрасная леди "Мун", известная своим прекрасным голосом, красноречием и поэтическим огнем, пела о нем так: "На всем западе я не нахожу достойного человека, кроме Ибрагима, но он - само благородство. Когда кто-то познал радость жизни с ним, жить в любой другой стране было бы несчастьем". Даже поэтов Кордовы привлекал его блестящий двор, где они были уверены в королевском приеме. Лишь однажды поэт получил холодное приветствие от Ибрагима, сына Хаджжаджа. Это был тот, кто думал доставить удовольствие принцу, прочитав непристойное стихотворение о дворянах Кордовы, к которым правитель Севильи был недоволен. "Вы ошибаетесь, - прокомментировал Ибн-Хаджжадж, - если думаете, что такой человек, как я, может находить какое-либо удовольствие в выслушивании этой низкой клеветы".

Однако эти случайные вспышки просветления не могут исправить общее состояние анархии, жертвой которой стала Андалусия из-за ослабления центральной власти и возвышения бесчисленных мелких правителей и главарей разбоев. Страна находилась в плачевном состоянии, и сама Кордова, которой теперь угрожало даже завоевание со стороны Ибн-Хафсуна и его отважных горцев, была погружена в безутешную печаль. "Еще не будучи фактически осажденной, она уже испытывала все тяготы осаждения". "Кордова, - говорят арабские историки, - находилась в состоянии пограничного города, подверженного всем нападениям врага". Раз за разом жители пробуждались ото сна посреди ночи от криков отчаяния, которые поднимали несчастные крестьяне на другом берегу реки, когда всадники из Полей приставляли меч к их горлам. "Государству угрожает полный распад, - писал свидетель того времени, - бедствия непрерывно следуют одно за другим; продолжаются воровство и мародерство; наших жен и детей уводят в рабство". Были всеобщие жалобы на недостаток энергии султана, на его слабость и низость. Войска роптали, потому что им не платили. Провинции прекратили поставки, и казна была пуста.

Те деньги, которые султан смог занять, он потратил на то, чтобы подкупить немногих арабов, которые все еще делали вид, что поддерживают его в провинциях. Опустевшие рынки свидетельствовали о том, насколько разрушена торговля. Хлеб достиг баснословных цен. Никто больше не верил в будущее; отчаяние проникло во все сердца. Фанатики, которые считали все общественные несчастья Божьим наказанием и называли Ибн-Хафсуна бичом божественного гнева, поразили город своими печальными пророчествами. "Горе тебе, Кордова! - кричали они. - Горе тебе, вместилище скверны и разложения, обитель бедствий и тоски, ты, у кого нет ни друга, ни союзника! Когда Капитан с его огромным носом и уродливым лицом, тот, кого спереди охраняют мусульмане, а сзади идолопоклонники, — когда Ибн-Хафсун предстанет перед твоими воротами, тогда свершится твоя ужасная участь!"

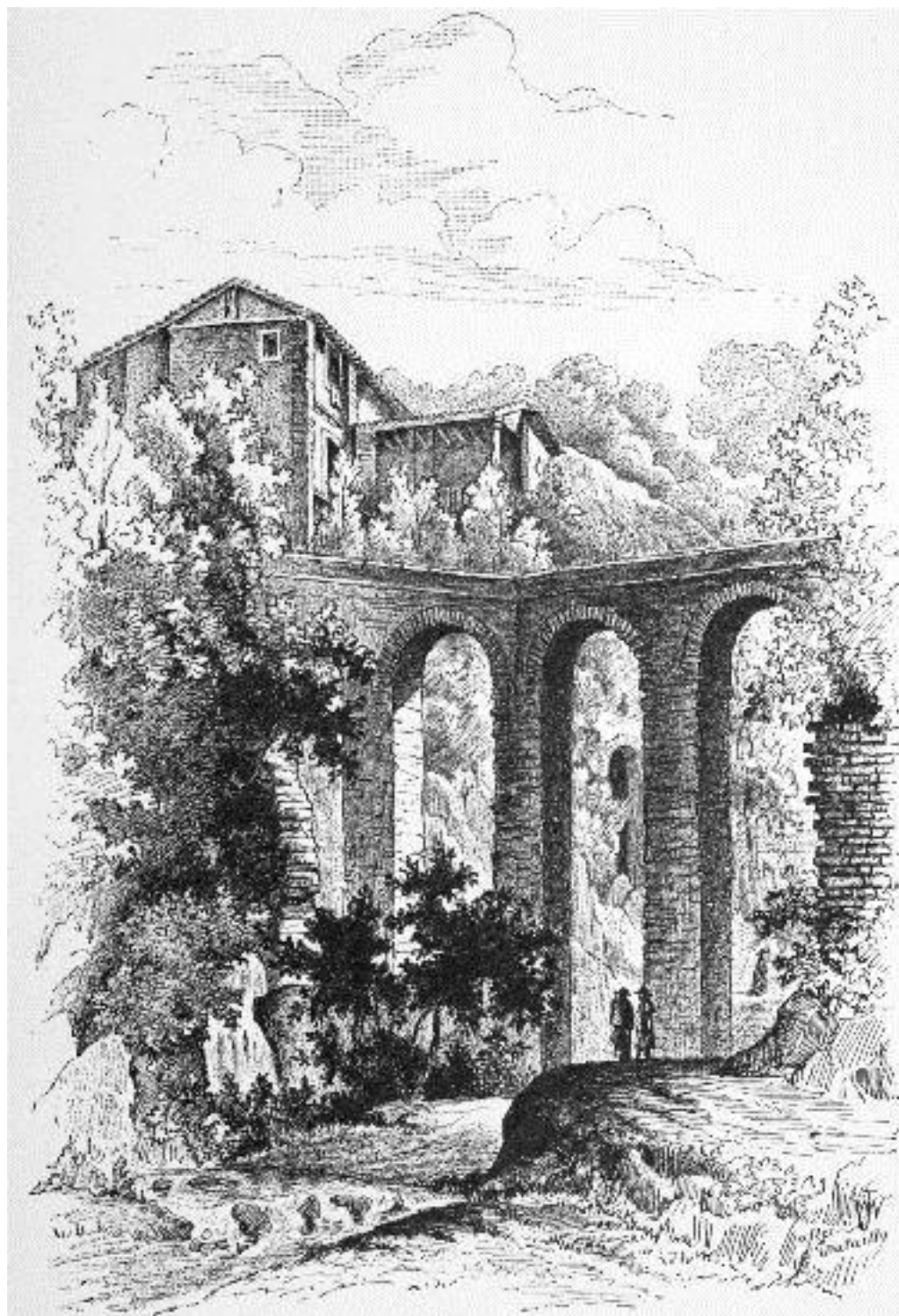
Когда дела обстояли хуже всего, проблеск надежды озарил несчастных жителей королевского города. Абдаллах, который был в таком же отчаянии, как и его подданные, на этот раз предпринял смелую политику, и, несмотря на уныние своих сторонников и подавляющую численность врага, окружавшего его со всех сторон, ему удалось добиться некоторых преимуществ. Затем он сделал лучшее, что мог сделать для своей страны: он умер 15 октября 912 года в возрасте шестидесяти восьми лет после двадцати четырех несчастливых лет правления. В его жизни произошло падение власти Омейядов, падение внезапное и, по-видимому, непоправимое. Царствованию его преемника было суждено стать свидетелем столь же внезапного, сколь и полного восстановления этой власти.

Новым султаном стал Абд-эр-Рахман III, внук Абдаллы. Ему был всего двадцать один год, когда он взошел на трон, и можно было ожидать, что несколько дядей и других

родственников воспротивятся наследованию престола простым юношей в столь беспокойное время. Однако никто не оказал никакого сопротивления; напротив, его восшествие на престол было встречено со всех сторон с удовлетворением. Молодому принцу уже удалось завоевать расположение народа и двора. Его привлекательная внешность и царственная осанка в сочетании с необычайным изяществом манер и признанной силой ума сделали его широко популярным, и с чувством возродившейся надежды жители Кордовы, которые были почти единственными оставшимися у него подданными, наблюдали за первыми действиями нового султана. Абд-эр-Рахман не делал никаких попыток скрыть свои намерения. Он раз и навсегда отказался от политики своего деда, которая, чередуя слабость и жестокость, нанесла такой ущерб государству; и вместо этого он объявил, что не допустит неповиновения во всех владениях Омейядов; он призвал недовольную знать и вождей подчиниться его власти; и он ясно дал понять, что не оставит ни одной части своего королевства под контролем мятежников. Программа была достаточно смелой, чтобы удовлетворить самых оптимистичных; но казалось вполне вероятным, что она объединит всех мятежников во всех частях света в одну великую лигу, чтобы сокрушить бесстрашного молодого принца. Но Абд-эр-Рахман знал своих соотечественников, и его смелость была вполне обоснованной. Прошло почти поколение с тех пор, как Ибн-Хафсун и другие мятежники поднимали знамя восстания, и все пришли к выводу, что этого было достаточно. Прежнее рвение, которое побудило испанцев, как мусульман, так и христиан, нанести удар за свою национальную независимость, теперь остыло - такие движения никогда не длятся долго, если не добиваются полного успеха при первом раскале энтузиазма; лидеры были либо мертвы, либо в возрасте, и более спокойный дух овладел их последователями. Люди начали спрашивать себя, что же хорошего они получили в результате своих прекрасных революций? Они не освободили Андалусию от "неверных", а, напротив, передали ее худшим представителям неверных — главарям разбойников и авантюристам самого низкого пошиба. Страна из конца в конец подвергалась нападениям банд незаконных разбойников, которые уничтожали возделанные поля и виноградники и превращали землю в воющую пустыню. Все было лучше, чем тирания разбоя. Султан Кордовы не мог ухудшить положение, и все были настроены посмотреть, не сможет ли он улучшить его.

Следовательно, когда Абд-эр-Рахман начал вести свою армию против мятежных провинций, он обнаружил, что более половины из них готовы подчиниться. Его войска были воодушевлены, увидев своего доблестного молодого государя во главе — зрелища, которого Абдаллах не позволял им в течение многих лет, — и они с энтузиазмом последовали за ним. Повстанцы, уже уставшие от своего анархического положения, открыли свои ворота после простой демонстрации сопротивления. Один за другим крупные города Андалусии впускали султана в свои стены. Страна к югу от Кордовы покорилась первой; затем Севилья открыла свои ворота; берберы запада были приведены к повиновению, и принц Альгарве поспешил предложить дань. Затем султан выступил против христиан провинции Реджио, где в течение тридцати лет горные твердыни защищали отважных подданных Ибн-Хафсуна, и где никто лучше Абд-эр-Рахмана не знал, что быстрой победы не добиться. И все же шаг за шагом этот трудный регион был покорен. Видя безупречную справедливость и честь султана, который добросовестно соблюдал свои договоры с христианами и проявлял величайшее милосердие к тем, кто ему подчинялся, крепость за крепостью сдавались. Сам Ибн-Хафсун в своей твердыне оставался непокоренным и непокорным, как всегда, но он был стар и вскоре умер, и тогда проникновение оружия султана даже в Бобастро было только вопросом времени. Когда султан, наконец, поднялся на валы этой грозной крепости и посмотрел с ее головокружительной высоты на утесы и пропасти, окружавшие цитадель мятежников, его охватило волнение, и он упал на колени, чтобы возблагодарить Бога за великую победу.^[17] Затем он обратился к актам милосердия и прощения, и все дни, которые он оставался в

форте, он соблюдал торжественный пост. Теперь Мурсия присягнула султану, и только Толедо оставался непокорным. Гордый город на Тежу надменно отверг предложение Абд-эр-Рахмана об амнистии и уверенно ожидал начала осады. Но это имело отношение к другому противнику, не к тем слабым генералам, которые время от времени пожинали позор под стенами Королевского города. Чтобы доказать его защитникам, что его осада не была временной угрозой, султан быстро построил небольшой городок, который он назвал Эль-Фетх ("Победа"), на противоположной горе, и там он жил в спокойном ожидании результата. Теснимый голодом, город сдался, и Абд-эр-Рахман III вступил в последний очаг восстания во владениях, унаследованных им от своего тезки, первого Абд-эр-Рахмана, которые теперь (930 г.) снова достигли своего полного размаха.

АКВЕДУК БЛИЗ ГРАНАДЫ.

Потребовалось восемнадцать лет, чтобы восстановить всю широту владений, утраченную его предшественниками; но работа была сделана, и королевская власть была прочно установлена как над арабами, берберами, испанцами, мусульманами, так и над христианами. С тех пор Абд-эр-Рахман не позволял какой-либо партии занимать видное положение; он держал старую арабскую знать в суровых репрессиях; и испанцы, к которым они всегда относились как к подлым *канальям*, радовались, видя, что их угнетатели повержены. Отныне султан был единственной властью в государстве; но его власть была справедливой, просвещенной и терпимой. После стольких лет неразберихи и анархии народ радостно принял новый деспотизм. Больше не было разбойников, уничтожавших их посевы и виноградные лозы; и если султан был абсолютен в своей власти, то, по крайней мере, он не злоупотреблял ею. Сельский люд вернулся на путь мира и изобилия; наконец-то они были свободны разбогатеть и быть счастливыми по-своему.

VII.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА.

Принцип правления АБД-ЭР-РАХМАНА III состоял в том, чтобы полностью удерживать суверенную власть в своих руках и управлять королевством с помощью офицеров, которые своим возвышением были полностью обязаны его благосклонности. Прежде всего, он позаботился о том, чтобы не оставить власть в руках старой арабской аристократии, которая так плохо служила предыдущим правителям. Люди, которых он назначал на высокие посты, были парвеню, людьми низкого происхождения, которые были более привязаны к своему господину, потому что знали, что, если бы не он, они были бы растоптаны старыми арабскими семьями. Силой, которую он использовал для поддержания центральной власти, была большая постоянная армия, во главе которой стояли его отборные телохранители из *славянили* купленных иностранцев. Первоначально они состояли в основном из мужчин славянской национальности, но постепенно в их состав вошли франки, галисийцы, лангобарды и всевозможные люди, которых привезли в Испанию греческие и венецианские торговцы и продали султану, когда они были еще детьми, для получения мусульманского образования. Многие из них были высокообразованными людьми и от природы привязаны к своему хозяину. Они во многих отношениях напоминали корпус мамлюков, который преемники Саладина ввели в Египет в качестве личной охраны и который впоследствии приобрел такую известность, как у султанов Египта и Сирии. Подобно этой группе купленных турецких и черкесских рабов, они имели в своем подчинении собственных рабов, получили от султана поместья и образовали своего рода феодальных слуг, готовых служить своему

господину во главе своих собственных последователей, когда бы он ни призвал их. Подобно египетским мамлюкам, они через некоторое время достигли такого уровня влияния, что воспользовались упадком центральной власти, последовавшим за смертью Абд-эр-Рахмана III. и его преемник, чтобы основать для себя независимые династии и таким образом способствовать окончательному свержению мусульманского господства в Испании.

С помощью своих "славян" султан не только изгнал разбойников и мятежников из Испании, но и с блестящим успехом вел войну с христианами севера. Мусульманскому царству угрожало больше опасностей, чем внутренняя анархия. Оно было зажато между двумя угрожающими и воинственными королевствами, каждое из которых требовало тщательного контроля. На юге постоянной угрозой была недавно основанная империя фатимских халифов в Северной Африке. Естественно, что правители Берберийского побережья должны были помнить, что арабы до них использовали Африку как трамплин для перехода в Испанию; традиционная политика африканских династий заключалась в том, чтобы, по возможности, аннексировать прекрасные провинции Андалусии. Только благодаря умелой работе с сектантскими расколами и последовавшими за ними восстаниями, разделившими берберов Африки, султану удалось держать фатимитов на расстоянии. Однако он преуспел настолько, что в свое время большая часть берберийского побережья отдала дань уважения правителю Испании, который также получил во владение важную крепость Сеута. Значительная часть испанских доходов направлялась на строительство великолепного флота, с помощью которого Абд-эр-Рахман оспаривал у фатимитов господство в Средиземном море.

На противоположной стороне, на севере, мусульманской державе пришлось иметь дело с еще более грозным врагом. Христиане Астурии возникли из очень скромных рядов, но теперь они набирали силу, и у них была стимулирующая мысль, которая подстегивала их, что они отвоевывают свою собственную землю. Когда они впервые ощутили шок от мусульманского вторжения, их разгром был полным. Они бежали в горы Астурии, где их незначительная численность и труднодоступное положение обеспечивали им безопасность от нападения мусульман. Пелагиус, "старый Пелайо" из баллады, был всего с тридцатью мужчинами и десятью женщинами в пещере Ковадонга, которая стала убежищем христиан-готов; и арабы не сочли нужным преследовать небольшие остатки беженцев. Здесь, в глубине пещеры, к которой вел длинный и узкий горный проход и в которую вела лестница из девяноста ступеней, горстка людей могла бы бросить вызов целой армии.

Арабский историк^[18] таким образом презрительно описывает происхождение христианского королевства: "Во время правления Анбасы презренный варвар по имени Пелайо восстал на земле Галисии и, упрекнув своих соотечественников в их позорной зависимости и трусливом бегстве, начал подстрекать их отомстить за свои прошлые обиды и изгнать мусульман с земли их отцов. С этого момента христиане Андалуса начали сопротивляться нападениям мусульман на те районы, которые оставались в их владении, и защищать своих жен и дочерей. Начало восстания произошло так: в Галисии не осталось ни одного города, или селения, кроме того, что находилось в руках мусульман, за исключением крутой горы, на которой этот Пелайо укрылся с горсткой людей; там его последователи продолжали умирать от голода, пока он не увидел, что их число сократилось примерно до тридцати мужчин и десяти женщин, у которых не было другой пищи для поддержания, кроме меда, который они собирали в расщелинах скалы, в которых они сами обитали подобно множеству пчел. Однако Пелайо и его люди постепенно укреплялись в горных проходах, пока мусульмане не ознакомились с их приготовлениями; но, видя, как их мало, они не прислушались к переданному им совету и позволили им собраться с силами, говоря: "Что такое тридцать варваров, взгромоздившихся на скалу? Они неизбежно должны умереть!"

"Молю Бога! — добавляет другой историк, - "Молю Бога, чтобы мусульмане тогда сразу погасили искры пожара, которому суждено было поглотить все владения ислама в тех краях!"

Маленькая группа беженцев время от времени пополнялась новыми пришельцами и, постепенно обретая все большую уверенность, выступила из своей крепости и начала преследовать берберов, составлявших приграничных поселенцев. В конце концов мавры были вынуждены искать бесстрашных налетчиков в их пещере; но результат был обескураживающим; они были отброшены назад скопом с большими потерями. В 751 году Альфонсо Кантабрийский (куда мусульмане никогда не проникали), женившись на дочери Пелайо и объединив таким образом христианские силы, поднял северные провинции против мавров и, к которому присоединились галичане с запада, начал серию блестящих кампаний, в результате которых враг шаг за шагом продвигался все дальше на юг. Один за другим города Брага, Порту, Асторга, Леон, Самора, Ледесма, Саламанка, Салданья, Сеговия, Авила, Осма, Миранда были отбиты у мусульман, и христианская граница теперь была расширена до великой Сьерры, а Коимбра, Кория, Талавера, Толедо, Гвадалаксара, Тудела и Памплона стали мусульманскими пограничными крепостями. Альфонсо фактически вернул провинции Старая Кастилия, Леон, Астурия и Галисия; но у немногочисленной группы христиан не было ни денег, ни крепостных, чтобы построить укрепления и возделывать поля на такой огромной территории: они удовлетворились тем, что оставили завоеванную страну в качестве спорной земли между ними и маврами и удалились в районы, граничащие с Бискайским заливом, до тех пор, пока их численность не оправдает захват более обширной территории.

В девятом веке они были в состоянии продвигаться на территорию, которую они уже частично отвоевали у мавров. Они распространились по всему Леону и построили крепости Самора, Сан-Эстебан-де-Гормас, Осма и Симанкас, чтобы внушить страх врагу. Спорная территория теперь была намного уже, и враждебные силы почти соприкасались в различных местах вдоль границы. В начале десятого века пограничные мавры предприняли энергичные усилия, чтобы вернуть свои утраченные владения; но христиане, которым помогали жители Толедо и Санчо, король Наварры, ставший оплотом христианства на севере, нанесли им жестокое поражение и начали опустошать страну по ту сторону границы. Набеги христиан были ужасным проклятием для их жертв; они были грубыми, неграмотными людьми, и лишь немногие из них умели даже читать; их манеры соответствовали их образованию; а их фанатизм и жестокость были тем, чего можно было ожидать от таких неотесанных варваров. Солдаты Леона редко давали пощаду беззащитному врагу, и мы можем напрасно надеяться на благородное рыцарство и терпимость арабов; там, где последние благородно щадили, грубые разбойники Леона и Кастилии вырезали целые гарнизоны, города, полные жителей, а тех, кого они не убивали, обращали в рабство.

Abd-er-Rahmān III. не успел Ордоньо II пробыть и двух лет на троне, как. король Леона совершил опустошительный набег на стены Мерида; и жители Бадахоса были так напуганы, что поспешили умиротворить его шантажом. Эти города находятся не очень далеко от Кордовы; только высокие вершины Сьерра-Морены отделяли столицу омейядов от отрядов Ордоньо. Ситуация была чревата опасностью. Молодой султан, будь он трусом, мог бы воздержаться от немедленных действий под предлогом того, что Мерида еще не признала его власть и что это не его дело, если христиане нападают на мятежные провинции. Это, однако, не было ни политикой, ни характером Абд-эр-Рахмана. Он собрал свои войска и отправил экспедицию на север, которая совершила успешный набег на христианские территории; а в следующем, 917 году, он приказал предпринять вторую атаку. Он был разбит Ордоньо с большими потерями у стен Сан-Эстебар-де-Гормас, и храбрый арабский генерал,

видя, что битва проиграна, бросился в гущу врагов и умер с мечом в руке. Король Леона имел жалкую трусость прибить голову этого доблестного солдата к воротам крепости рядом со свиньей. Воодушевленные этим успехом, армии Леона и Наварры в следующем году разорили страну около Туделы, но не столь безнаказанно, поскольку они дважды потерпели поражение от войск Кордовы. Видя, однако, что потребовалось немало поражений, чтобы обескуражить христиан, Абд-эр-Рахман решился на более решительные меры. В 920 году он сам принял командование армией и быстрыми маршами и искусной стратегией застал врасплох Осму и сравнял крепость с землей; разрушил Сан-Эстебан, который, как он обнаружил, был покинут гарнизоном; а затем повернул к Наварре. Дважды он вытеснял Санчо с поля боя, и когда силы Наварры были подкреплены силами Леона, а христиане заняли лучшую естественную позицию, султан вступил с ними в бой в Валь-де-Юнкерас (Камышовая долина) и полностью разгромил их объединенные силы. Разгневанные упорной обороной жителей границы, мусульмане предали мечу гарнизон Муэса; и, к сожалению, верно, что в некоторых из этих кампаний мавры подражали варварству своих противников, особенно когда в их армии была значительная примесь африканских войск, которые были известны своей дикостью.

Ничто не могло превзойти героическую решимость побежденных христиан; они были варварами, но у них было мужество мужчин: снова и снова терпя поражение, они всегда поднимались после катастрофы со свежим сердцем. Через год после роковой битвы в долине Тростника Ордоньо, который был душой христианского сопротивления, повел своих людей в еще один рейд за границу; и в 923 году Санчо Наваррский, не желая отставать, отбил несколько сильных замков. Воодушевленный таким образом еще раз, султан отправился на север, исполненный суровой решимости; он грабил и сжигал все, что попадалось ему на пути; города пустели по мере его приближения, настолько ужасен был страх, который он внушал; и он вошел в опустевшую столицу Памплону, в смятении прогнав Санчо при его приближении. Собор и многие дома столицы были безжалостно разрушены, и Наварра оказалась у его ног. Примерно в то же время умер Ордоньо Леонский, и гражданская война, возникшая между его сыновьями, дала султану время заняться другими делами.

По возвращении из этого триумфального похода Абд-эр-Рахман III принял новый титул. До сих пор правители Андалусии довольствовались такими титулами, как *эмир* (губернатор), *султан* (властитель), "сын халифов". Хотя они были наследниками халифов Омейядов и никогда не признавали Аббасидов, которые свергли их, андалузские султаны до сих пор не заявляли о своих притязаниях на духовный титул: они считали, что имя халифа не должно принадлежать тем, кто не имел власти над Священными городами ислама, Меккой и Мединой, и удовлетворились тем, что оставили Аббасидам бесспорное владение этим именем. Однако теперь, когда в Испании стало известно, что аббасидские халифы больше не пользовались какой-либо реальной властью за пределами Багдада и даже там были немногим лучше пленников, вследствие растущей независимости различных местных династий, Абд-эр-Рахман в 929 году принял свой титул халифа в стиле *Ан-Насир ли-дини-ллах*, "Защитник веры в Бога".[19]

Халифу оставалось править еще тридцать лет, когда он принял это новое имя; и они были заполнены главным образом мудрым и образованным управлением дома и постоянными, даже ежегодными, экспедициями против христиан, против которых он действительно был "Защитником" своей религии. Гражданская война, которая на время нейтрализовала власть леонцев, теперь уступила место власти достойного преемника великого Ордоньо. Рамиро II. добился успеха в 931 году, и его воинственный характер вскоре проявился в решительном

противостоянии армиям халифа. Вскоре после этого на севере был образован грозный союз между христианами и арабским губернатором Сарагосы, и Абд-эр-Рахман поспешил разрушить эту коалицию. В 937 году он захватил Сарагосу и, двинувшись походом на Наварру, сеял такой ужас на своем пути, что королева-регентша Теуда поспешно засвидетельствовала ему свое почтение как своему сюзерену. Рамиро, однако, не был участником этой капитуляции. Он собрал своих людей и нанес мусульманам сокрушительное поражение в 939 году при Альхандеге. Пятьдесят тысяч мавров пали на поле боя; сам халиф едва спасся бегством и обнаружил, что бежит по стране менее чем с пятьюдесятью всадниками. Тот катастрофический год долгое время был известен в Андалусии как "Год Альхандеги".

Если бы христиане воспользовались своим преимуществом, возможно, пришлось бы писать другую историю Испании; но, как обычно, междоусобная зависть среди христианских князей пришла на помощь халифу, и, пока его враги ссорились между собой, он исправил свое бедствие, набрал армию и приготовился к новой кампании. Гражданская война, которая таким образом помогла ему, берет свое начало в восстании Кастилии против леонского господства. Графом Кастилии в то время был знаменитый Фернандо Гонсалес, о котором пели многие менестрели. Он - один из великих испанских героев, и был женат на героине. Дважды жена спасала его из тюрьмы, в которую его бросили ревнивые соседи из Наварры и Леона, и во второй раз она сделала это, поменявшись одеждой со своим мужем и подставив себя под ярость его тюремщиков. Предыдущий случай произошел до их свадьбы, когда он направлялся ко двору ее отца Гарсии в Наварре, чтобы просить ее руки, и вероломный король наложил на него руки. Баллада рассказывает историю его освобождения:

Они увезли далеко в Наварру великого графа Кастильского,
И они жестоко связали его, они связали ему руки и пятки....
И там царят радость и пиршество, потому что этот лорд - таэн,
король Гарси держит в своей темнице самого храброго лорда Испании.

Далее поэт рассказывает, как нормандский рыцарь проезжал через Наварру —

Ради Христа, в надежде своей, он пришел справиться с мавританским ятаганом:

и как он рассказал дочери Гарсии о пленении Гонсалеса и о том, какой серьезный ущерб это нанесло делу христианской Испании —

Мавры вполне могут радоваться, но велико должно быть наше горе,
Ибо Испания потеряла своего защитника, когда Кастилия потеряла своего вождя;
Мавританское воинство разливается рекой по земле —
Проклятие христианским оковам, которые связывают руки Гонсалеса!

И нормандский рыцарь взмолился принцессе освободить пленника.

Дама отвечала мало, но под покровом ночи,
Когда все ее служанки спали, она встала и обратилась в бегство:
Она соблазнила Алкайда своими драгоценностями и золотом,
И ей продали его пленника, которого ложный тюремщик.[\[20\]](#)

Итак, принцесса вывела графа из темницы, и они вместе отправились в Кастилию.

В то время, до которого мы сейчас дошли, это старая история, поскольку Гонсалес был женат много лет и решил, что Кастилия должна быть отдельным королевством, больше не находящимся под сюзеренитетом Леона. За это он снова был схвачен и заключен в тюрьму Рамиро и освобожден только тогда, когда стало очевидно, что народ Кастилии не желает иметь другого правителя, кроме него, и даже скорее отдаст дань уважения простой статуе своего графа, чем признает леонского губернатора. Затем король отпустил его, заставив поклясться оставаться подданным королевства Леон и выдать свою дочь замуж за Ордоньо, сына Рамиро. После этого унижения Фернандо Гонсалесу уже не так хотелось сражаться бок о бок с жителями Леона против мавров; он решил позволить леонцам получить свою долю унижения. Но этому не суждено было случиться во времена великого Рамиро, ибо он одержал еще одну победу над мусульманами близ Талаверы в 950 году, а на следующий год умер в неумещающей славе.

После своей смерти Гонсалес начал играть роль создателя королей. Он поддержал дело Санчо против своего брата Ордоньо III., и когда Санчо наследовал последнему в 957 году, Гонсалес развернулся и изгнал нового короля из Леона, а на его место посадил жалкого калеку Ордоньо IV., по прозвищу Нечестивый. Санчо нашел убежище у своей бабушки Теуды, королевы Наваррской, и вскоре они обратились к халифу Кордовы с просьбой помочь им в их затруднениях. Санчо был мучеником полноты; он не мог даже ходить без того, чтобы его не поддерживали. Он решил проконсультироваться с выдающимися врачами Кордовы, чье мастерство было известно во всем мире. Поэтому королева Теуда отправила послов к Абд-эр-Рахману, который в ответ отправил великого еврейского врача Хасдая взяться за лечение Санчо Толстого. Но он выдвинул определенные условия, среди которых была сдача ряда замков и личное появление Санчо и королевы Теуды в Кордове. Было нелегко совершить долгое путешествие к мавританскому двору и чувствовать, что она находится там как своего рода выставка, свидетельствующая о могуществе халифа; но королева отправилась туда со своим сыном, королем Наварры, и внуком, изгнанным королем Леона. Абд-эр-Рахман принял их со всей присущей ему пышной церемонией и врожденной учтивостью; и Санчо не только быстро избавился от своей тучности под присмотром Хасдая, но и вернулся на север при поддержке армий халифа, который восстановил его на троне Леона в 960 году.

В следующем году великий халиф скончался. Ему было семьдесят лет, и его почти пятидесятилетнее правление привело к таким переменам в положении Испании, какие едва ли могло вообразить самое буйное воображение. Когда он взошел на трон двадцатидвухлетним юношей, его наследство стало добычей тысячи главарей разбойников или местных авантюристов; в провинциях появились свои собственные правители; многочисленные группировки, на которые было разделено население, все без исключения бросили вызов власти султана; анархия и грабеж опустошили страну. На юге африканская династия фатимитов угрожала поглотить Испанию в своей империи; на севере христианские князья, казалось, были готовы вторгнуться во владения своих предков и изгнать мавров с этой земли. Из этого хаоса и видения неминуемого разрушения Абд-эр-Рахман создал порядок и процветание. Не прошло и половины его правления, как он восстановил мир и хорошее управление на всей протяженности мусульманских владений; он сверг власть партий и установил абсолютную власть султана над всеми классами своих подданных. Во второй половине он поддерживал достоинство и мощь своего государства в борьбе с внешними врагами; держал африканских деспотов на расстоянии, разместил гарнизон в Сеуте, чтобы противостоять их наступлению, и сражался с ними на равных на море; а на севере он обуздал растущую мощь христиан Леона, Кастилии и Наварры и настолько убедил их в своем превосходстве, что они даже пришли к нему, чтобы уладить свои разногласия и

восстановить их в правах. Он спас Андалусию и от нее самой, и от порабощения иностранцем.^[21] И он не только спас ее от разрушения; он сделал ее великой и счастливой. Никогда Кордова не была такой богатой и процветающей, как при его правлении; никогда Андалусия не была так хорошо возделана, так изобиловала дарами природы, доведенными до совершенства мастерством и трудолюбием человека; никогда государство так не торжествовало над беспорядком, а власть закона так широко ощущалась и уважалась. К нему приезжали ухаживать послы от императора Константинополя, от королей Франции, Германии, Италии. Его сила, мудрость и богатство были притчей во языцех в Европе и Африке и даже достигли самых дальних пределов мусульманской империи в Азии. И эта чудесная перемена была произведена одним человеком, несмотря на то, что все было против него: восстановление Андалусии из безнадежных глубин нищеты к вершинам могущества и процветания было осуществлено только интеллектом и волей Великого халифа Абд-эр-Рахмана III.

Мавританские историки описывают этого решительного человека в красках, которые, кажется, вряд ли соответствуют его решительной властной политике: тем не менее, они верно описывают его как "самого мягкого и просвещенного монарха, который когда-либо правил страной. Его кротость, великодушие и любовь к справедливости вошли в поговорку. Никто из его предков никогда не превосходил его в храбрости на поле боя и ревности к религии; он любил науку и был покровителем ученых, с которыми любил беседовать". Рассказывают много анекдотов о его строгой справедливости и беспристрастности.

Арабский историк сообщает нам, что после его смерти был найден документ, написанный собственноручно халифом, в котором он тщательно отметил те дни своего долгого правления, которые были свободны от всяких печалей; их насчитывалось всего четырнадцать. "О человек понимания, удивляйся и наблюдай, какую малую толику безоблачного счастья может дать мир даже самым удачливым!"^[22]

VIII.

ГОРОД ХАЛИФА.

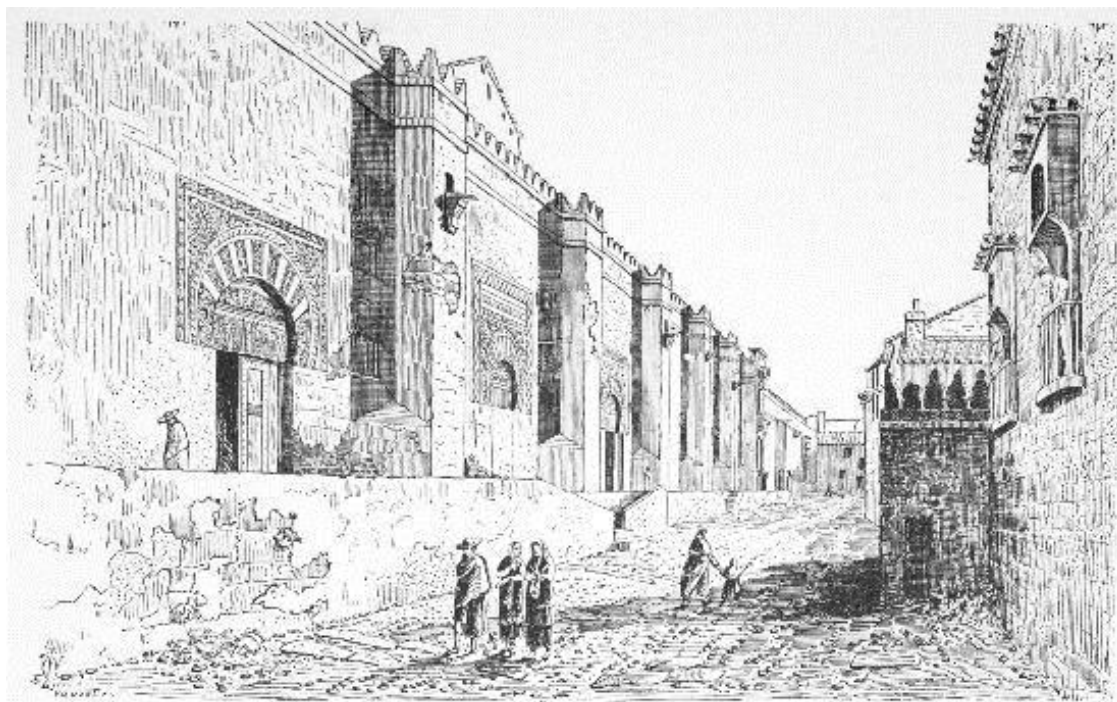
"КОРДОВА, - говорит старый арабский писатель, - невеста Андалусии. Ей принадлежат вся красота и украшения, которые радуют глаз или ослепляют взор. Длинная череда султанов образует ее венец славы; ее ожерелье украшено жемчужинами, которые ее поэты собрали в океане языка; ее одеяние украшено знаменами учености, хорошо сшитыми ее мужами науки; и мастера всех искусств и отраслей промышленности украшают ее одеяния ". Точно так же историк-востоковед облакал любимый им город в притянутые за уши образы Востока.

Кордова, находившаяся под властью Великого халифа, действительно была столицей, которой можно было гордиться; и, за исключением, возможно, Византии, ни один город Европы не мог сравниться с ней по красоте своих зданий, роскоши и утонченности жизни, а также учености и достижениям ее жителей. Когда мы вспоминаем, что отрывок, который мы собираемся извлечь из записей арабских писателей о славе Кордовы, относится к десятому веку, когда наши саксонские предки жили в деревянных лачугах и ступали по грязной соломе, когда наш язык еще не сформировался, а такие достижения, как чтение и письмо, были почти доступны нескольким монахам, мы можем в некоторой степени осознать необычайную цивилизацию мавров. И если далее вспомнить, что вся Европа была тогда погружена в варварское невежество и дикие нравы, и что только там, где остатки Римской империи все еще были в состоянии поддерживать какие-то следы своей древней цивилизации, только в Константинополе и некоторых частях Италии, были какие-то следы утонченности, будет лучше оценен удивительный контраст, создаваемый столицей Андалусии.

Другой арабский писатель говорит, что Кордова "это укрепленный город, окруженный массивными и высокими каменными стенами, с очень красивыми улицами. В незапамятные времена это была резиденция многих неверных королей, чьи дворцы до сих пор видны за стенами. Жители славятся своими вежливыми и изысканными манерами, высоким интеллектом, изысканным вкусом и великолепием в еде, одежде и лошадях. Там ты увидишь врачей, блистающих всевозможными познаниями, лордов, отличающихся своими добродетелями и великодушием, воинов, прославившихся своими походами в страну неверных, и офицеров, опытных во всех видах войны. В Кордову съезжались со всех концов света студенты, жаждущие культивировать поэзию, изучать науки или получить наставления в богословии или юриспруденции; так что он стал местом встреч выдающихся людей во всех вопросах, обителью образованных и пристанищем прилежных; его внутренние помещения всегда были заполнены выдающимися и благородными людьми всех стран, его литераторы и солдаты постоянно соперничали друг с другом за получение известности, а его окрестности никогда не переставали быть ареной для выдающихся, ипподромом для читателей, местом привалов для самых талантливых. благородный и хранитель истинного и добродетельного. Кордова была для Андалуса тем же, чем голова для тела или что грудь для льва". [23]

Восточные похвалы склонны быть несколько высокопарными, но Кордова действительно заслуживала тех похвал, которые ей расточали. В его нынешнем состоянии невозможно составить какое-либо представление о масштабах и красоте старой мавританской столицы во времена Великого халифа. Его узкие улочки с побеленными домами создают лишь слабое впечатление о его некогда величественных размерах; дворец Алькасар находится в упадке, и его руины используются для гнусных целей тюрьмы; однако мост все еще перекинут через Гвадалквивир, а благородная мечеть первого Омейяда по-прежнему вызывает удивление и восторг путешественников. Но во времена Абд-эр-Рахмана III или, возможно, чуть позже, когда великий министр пристроил новое предместье, оно было в лучшем виде. Мнения историков расходятся относительно его протяженности, но наиболее вероятным представляется протяженность по меньшей мере в десять миль. Берега Гвадалквивира пестрели мраморными домами, мечетями и садами, в которых бережно выращивались редчайшие цветы и деревья других стран, а арабы внедрили свою систему орошения, с которой испанцы, как до, так и после, никогда не могли сравниться. Первый султан Омейядов привез финиковое дерево из Сирии, чтобы оно напоминало ему о его старом доме, и посвятил ему маленькое грустное стихотворение, оплакивающее свое изгнание. Он был посажен в саду, который он разбил в подражание саду своего деда Хишама в Дамаске, где он играл ребенком. Он разослал агентов по всему миру, чтобы те привозили ему самую

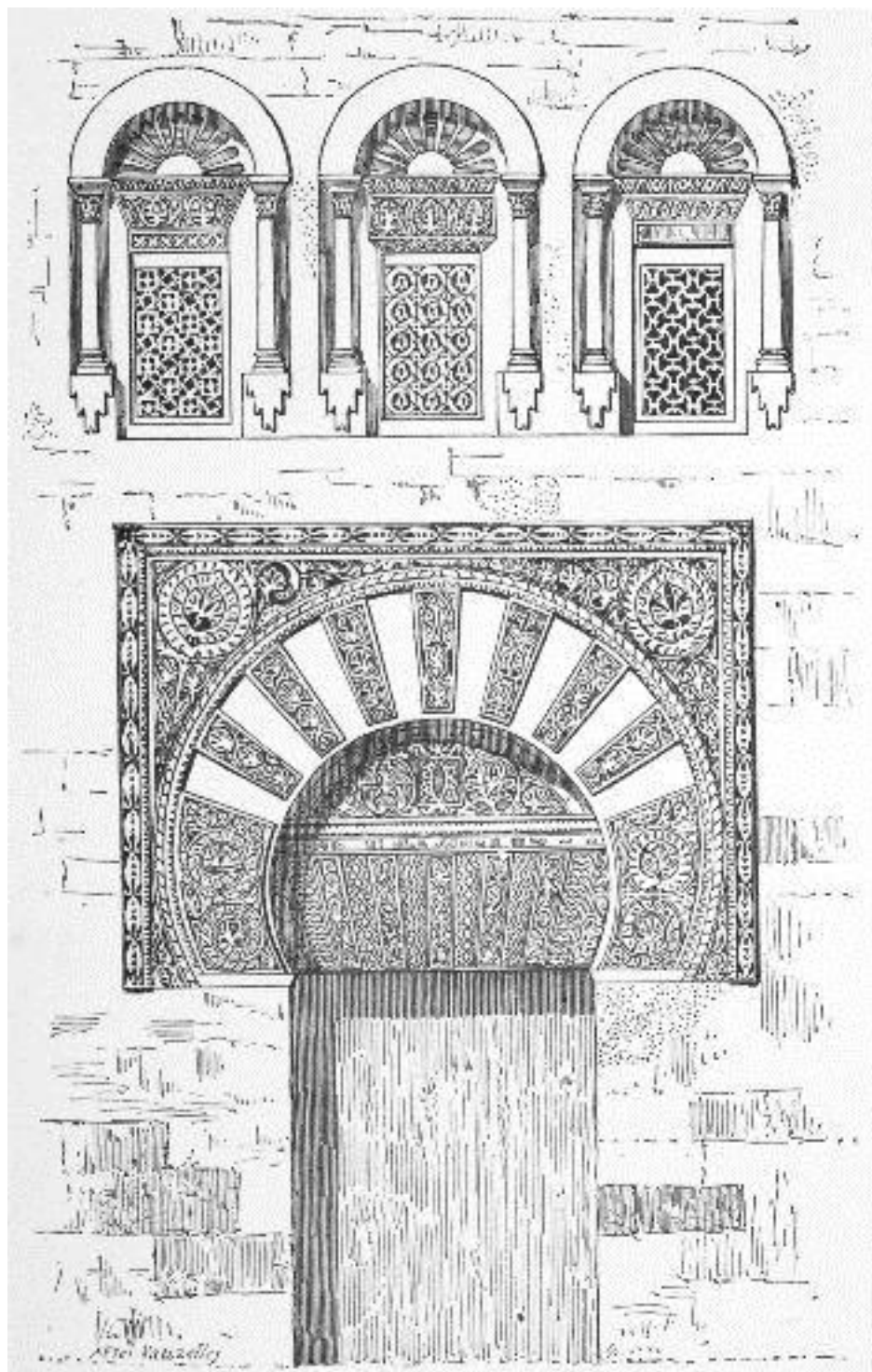
редкую экзотику, деревья, растения и семена; и садовники султана были настолько искусны, что эти иностранные товары были быстро натурализованы и распространились из дворца по всей стране. Таким образом, гранат был представлен с помощью образца, привезенного из Дамаска. Вода, которой снабжались эти многочисленные сады, доставлялась с гор (где до сих пор можно увидеть следы гидротехнических сооружений) по свинцовым трубам, по которым она подавалась в многочисленные бассейны, некоторые из золота или серебра, другие из инкрустированной меди, а также в озера, водохранилища, цистерны и фонтаны из греческого мрамора.

ВНЕШНИЙ ВИД ВЕЛИКОЙ МЕЧЕТИ В КОРДОВЕ.

Историки рассказывают нам удивительные вещи о султанских дворцах с их великолепными воротами, выходящими в сады или к реке, или снова ведущими в Большую мечеть, куда султан направлялся по пятницам по дорожке, из конца в конец устланной богатыми коврами. Один из этих дворцов назывался Дворцом Цветов, другой - Дворцом Влюбленных, третий - Дворцом Довольства, третий - Дворцом Диадемы и так далее, в то время как один сохранил название старого дома Омейядов и назывался "Дамаск". Его крыши покоились на мраморных колоннах, а полы были выложены мозаикой; и он был так прекрасен, что один поэт воспел: "Все дворцы в мире ничто по сравнению с Дамаском, ибо в нем не только сады с самыми вкусными фруктами и благоухающими цветами, прекрасные виды и прозрачные бегущие воды, облака, наполненные ароматной росой, и величественные здания; но и ночь всегда благоуханна, ибо утро разливает по нему свою серую амбру, а ночь - свой черный мускус". У некоторых садов Кордовы были заманчивые названия, которые, кажется, приглашают отдохнуть у журчащих вод и насладиться сладким ароматом цветов и фруктов. "Сад водяного колеса" дарит ощущение ленивого наслаждения, слушая монотонный скрип колеса, которое нагнетало воду до уровня грядок; а "Луг журчащих вод", должно быть, был очаровательным местом для жителей Кордовы в жаркую погоду. Тихое течение Гвадалквивира неизменно радовало жителей, ибо жители Востока (а мавры Испании были восточниками во всем, кроме долготы) ничего так не любят, как вид на журчащий ручей. Через него был перекинут величественный мост из семнадцати арок, который до сих пор свидетельствует об инженерном мастерстве арабов. Весь город был полон благородных зданий, среди которых насчитывалось более пятидесяти тысяч домов аристократии и

чиновничества, более ста тысяч жилищ для простых людей, семьсот мечетей и девятьсот общественных бань. Последние были важной чертой во всех мусульманских городах, поскольку среди мусульман чистота не стоит "рядом с благочестием", а является необходимой подготовкой к любому акту молитвы или благочестивого служения. В то время как средневековые христиане запрещали мыться как языческий обычай, а монахи и монахини хвастались своей нечистоплотностью, вплоть до того, что одна святая с гордостью отметила тот факт, что до шестидесяти лет она никогда не мыла никакой части своего тела, за исключением кончиков пальцев, когда собиралась совершить мессу, — в то время как грязь была характерной чертой христианской святости, мусульмане были осторожны в самых мельчайших деталях чистоты и не осмеливались приближаться к своему Богу, пока их тела не были очищены. Когда Испания наконец была восстановлена под властью христианских правителей, Филипп II, муж нашей английской королевы Марии, приказал разрушить все общественные бани на том основании, что они были реликвиями супружеской неверности.

ВОРОТА КОРДОВСКОЙ МЕЧЕТИ.

Среди величайших архитектурных красот Кордовы главная мечеть занимала и продолжает занимать первое место. Он был начат в 784 году первым Абд-эр-Рахманом, который потратил на него 80 000 золотых монет, полученных им из трофеев готов. Хишам, его благочестивый сын, завершил его в 793 году на средства, вырученные от разграбления Нарбонны. Каждый последующий султан придавал зданию новую красоту, которое является одним из лучших образцов раннего сарацинского искусства в мире. Один украсил золотом колонны и стены; другой пристроил новый минарет; третий построил новую аркаду, чтобы вместить все больше прихожан. Девятнадцать - это число аркад с востока на запад и тридцать одна с севера на юг; двадцать одна дверь, инкрустированная сверкающей медью, впускала молящихся; 1293 колонны поддерживают крышу, а святилище было вымощено серебром и

инкрустировано богатой мозаикой, а его колонны, расположенные рядом, были вырезаны и инкрустированы золотом и лазуритом. Кафедра была изготовлена из слоновой кости и отборных пород дерева и состояла из 36 000 отдельных панелей, многие из которых были инкрустированы драгоценными камнями и скреплены золотыми гвоздями. Четыре фонтана для омовения перед молитвой, снабжаемые водой с гор, работали день и ночь; а с западной стороны мечети были построены дома, где гостеприимно принимали бедных путешественников и бездомных. Сотни медных фонарей, сделанных из христианских колоколов, освещали мечеть по ночам, а огромная восковая свеча весом в пятьдесят фунтов горела день и ночь рядом с проповедником в течение месяца поста. Триста слуг сожгли в кадилъницах сладко пахнущую амбру и древесину алоэ и приготовили ароматическое масло, которое питало десять тысяч фитилей в фонарях. Большая часть красоты этой мечети сохранилась до наших дней. Путешественники застывают в изумлении среди леса колонн, которые со всех сторон открываются, казалось бы, бесконечные виды. Порфир, яшма и мрамор все еще на своих местах; великолепные стеклянные мозаики, которые приезжали создавать художники из Византии, все еще сверкают на стенах, как драгоценные камни; смелая архитектура святыни с его фантастическими перекрещивающимися арками все так же внушительна, как и прежде; внутренний двор по-прежнему покрыт листвой апельсиновых деревьев, которые расширяют горизонт колонн. Когда стоишь перед красотой Великой мечети, мысль возвращается ко временам славы Кордовы, к светлым дням Великого халифа, которые никогда не вернуться.

Еще более замечательным, хотя и не более красивым, был город и дворец Эз-Захра, который Абд-эр-Рахман III. построен как пригород Кордовы. Одна из его жен, которую звали Эз-Захра, "Прекраснейшая", к которой он был преданно привязан, однажды попросила его построить для нее город, который должен был быть назван ее именем. Великому халифу, как и большинству мусульманских монархов, нравилось строить, и он принял это предложение. Он сразу же начал основывать город у подножия горы, названной "Холмом Невесты", напротив Кордовы, в нескольких милях от нее. Каждый год он тратил треть своих доходов на это здание; и оно продолжалось все двадцать пять оставшихся лет его правления и пятнадцать лет правления его сына, который сделал к нему множество пристроек. Десять тысяч рабочих ежедневно трудились над этой задачей, и каждый день обтесывалось и полировалось шесть тысяч каменных блоков для строительства домов нового города. Ежедневно для доставки материалов на место использовалось около трех тысяч вьючных животных, и было установлено четыре тысячи колонн, многие из которых были подарены императором Константинополя или прибыли из Рима, Карфагена, Сфакса и других мест, помимо домашнего мрамора, добываемого в Таррагоне и Альмерии. Здесь было пятнадцать тысяч дверей, обитых железом или полированной латунью. Зал халифов в новом городе имел крышу и стены из мрамора и золота, а в нем находился замечательный скульптурный фонтан - подарок греческого императора, который также прислал халифу уникальную жемчужину. Посреди зала стояла чаша из ртути; по обе стороны от нее было восемь дверей, отделанных слоновой костью и черным деревом и украшенных драгоценными камнями. Когда солнце светило сквозь эти двери и ртутное озеро начинало дрожать, вся комната наполнялась вспышками, подобными молниям, и придворные прикрывали свои ослепленные глаза.

Арабские авторы с удовольствием рассказывают о чудесах этого "Города прекраснейших", Мединат-Эз-Зара, как его называли в честь любовницы халифа. "Мы могли бы долго перечислять все красоты, как естественные, так и искусственные, находящиеся в пределах Эз-Захры", - пишет один из них. " бегущие ручьи, прозрачные воды, роскошные сады, величественные здания для домашней стражи, великолепные дворцы для высших государственных чиновников; толпы солдат, пажей и рабов всех наций и религий, роскошно

одетых в одежды из шелка и парчи, движущихся взад и вперед по его широким улицам; или толпа людей, одетых в шелковые и парчовые одежды. о судьях, теологах и поэтах, с подобающей серьезностью прогуливающих по великолепным залам и просторным дворам дворца. Число слуг мужского пола во дворце оценивалось в тринадцать тысяч семьсот пятьдесят человек, ежедневная норма мяса для которых, за исключением птицы и рыбы, составляла тринадцать тысяч фунтов; число женщин различных родов и сословий, составлявших харим халифа или прислуживавших ему, как говорят, составляло шесть тысяч триста четырнадцать. Славянских пажей и евнухов было три тысячи триста пятьдесят человек, которым ежедневно раздавалось тринадцать тысяч фунтов мяса, причем некоторые получали по десять фунтов каждый, а некоторые меньше, в зависимости от их ранга и положения, не считая домашней птицы, куропаток и других видов птиц, дичи и рыбы. Ежедневная норма хлеба для рыб в пруду Эз-Захры составляла двенадцать тысяч буханок, не считая шести мер черных бобовых, которые каждый день размачивали в воде. Эти и другие подробности можно найти во всех подробностях в исторических хрониках того времени и зафиксировать ораторами и поэтами, которые исчерпали запас красноречия в своих описаниях; все, кто видел это, признавали, что ничего подобного этому нельзя найти на территориях ислама. Путешественники из дальних стран, люди всех рангов и профессий, исповедующие различные религии, — принцы, послы, купцы, паломники, богословы и поэты — все соглашались, что никогда в своих путешествиях не видели ничего, что могло бы сравниться с этим. В самом деле, если бы у этого дворца не было ничего, кроме террасы из полированного мрамора, нависающей над несравненными садами, с золотым залом и круглым павильоном, а также произведениями искусства всех видов и описаний, — если бы ему нечем было похвастаться, кроме виртуозной работы строения, смелости замысла, красоты пропорций, элегантности орнаментов, драпировок и украшений, будь то из сияющего мрамора или сверкающего золота, колонн, которые из—за своей симметрии и гладкости казались выточенными на токарных станках, картин, напоминающих отборные пейзажи, великолепного дизайна. искусственное озеро, столь прочно сконструированное, цистерна, постоянно наполненная чистой и прозрачной водой, и удивительные фонтаны с фигурами живых существ - никакое воображение, каким бы богатым оно ни было, не могло бы составить об этом представления. Хвала Всевышнему Богу за то, что Он позволил Своим смиренным созданиям проектировать и строить такие очаровательные дворцы, как этот, и кто позволил им населять их в качестве своего рода вознаграждения в этом мире, и для того, чтобы верующие могли вдохновляться следовать путем добродетели, размышляя о том, что, какими бы восхитительными ни были эти удовольствия, они все же были намного ниже тех, которые уготованы истинно верующим в небесном Раю!"

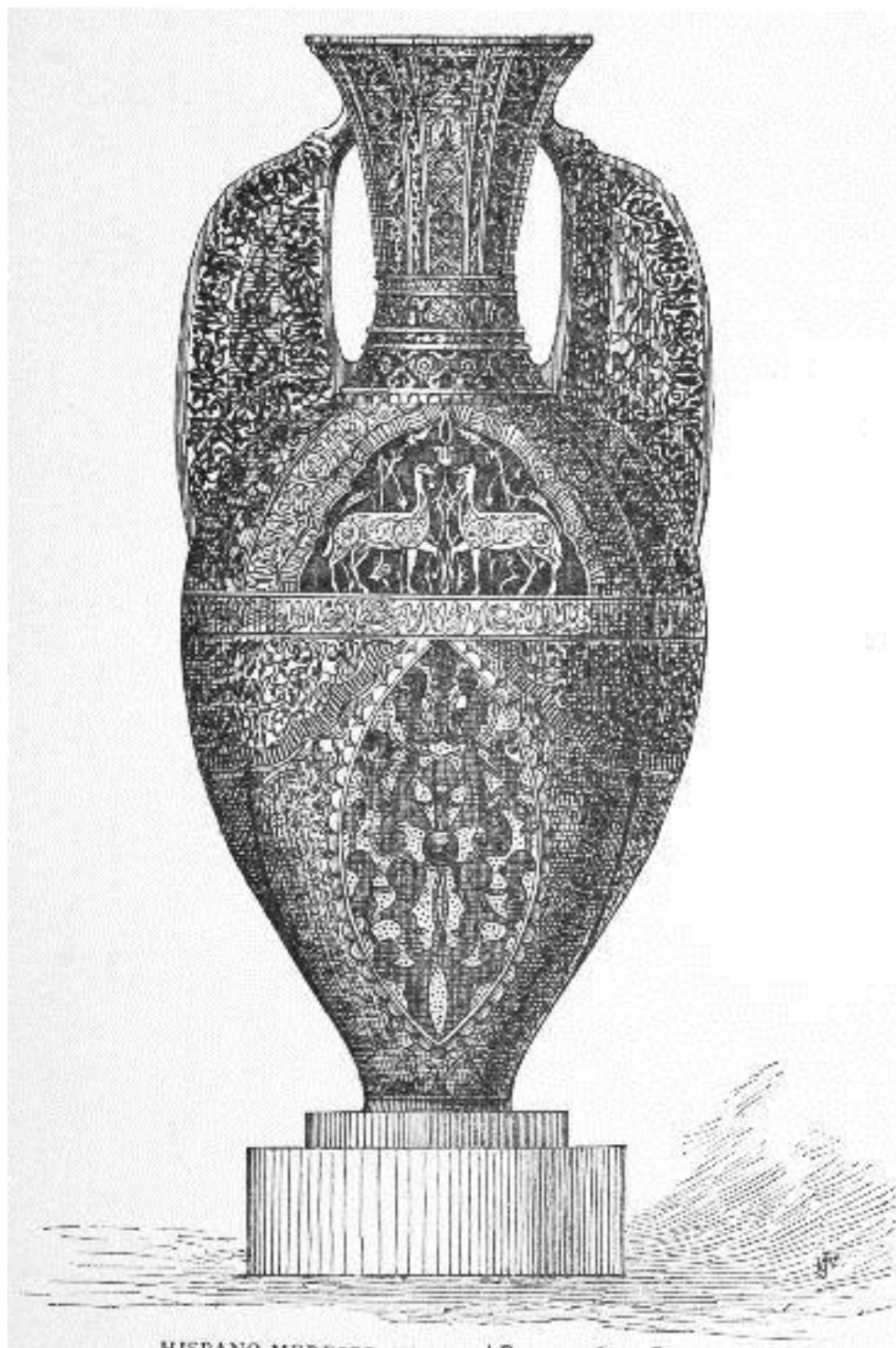
Во дворце Эз-Захра халиф принял королеву Наваррскую и Санчо и дал аудиенцию великим государственным деятелям. Здесь он сидел, чтобы приветствовать послов, которых греческий император направил к своему двору в Кордове:

"Назначив субботу одиннадцатого числа месяца Раби эль-Авваль 338 года [949 г. н.э.] и определив сводчатый зал в своем дворце Эз-Захра местом, где он получит их верительные грамоты, высшим государственным чиновникам и командирам вооруженных сил были отданы приказы готовиться к церемонии. Зал был красиво украшен, а посреди него возвышался трон, сверкающий золотом и драгоценными камнями. По обе стороны от трона стояли сыновья халифа; рядом с ними визири, каждый на своем посту справа и слева; затем шли камергеры, сыновья визирей, вольноотпущенники халифа и придворные. Двор дворца был устлан самыми богатыми коврами и самыми дорогими коврами дорожками, а над дверями и арками были наброшены шелковые навесы самого великолепного вида. Вскоре послы вошли в зал и были поражены великолепием, открывшимся перед ними, и

могуществом султана, перед которым они стояли. Затем они сделали несколько шагов вперед и предъявили письмо своего господина Константина, сына Льва, владыки Константинополя, написанное по-гречески на синей бумаге золотыми буквами".

Абд-эр-Рахман приказал самому красноречивому оратору при дворе произнести подобающую случаю речь; но едва он начал говорить, как великолепие сцены и торжественное молчание собравшихся там великих людей настолько внушили ему благоговейный трепет, что язык его прилип к небу, и он без чувств рухнул на пол. Второй попытался занять его место, но не успел он далеко продвинуться в своей речи, как тоже внезапно сломался.

Великий халиф был так заинтересован строительством своего нового дворца, что три пятницы подряд не ходил в мечеть; и когда, наконец, он появился, проповедник пригрозил ему адскими муками за его небрежность.

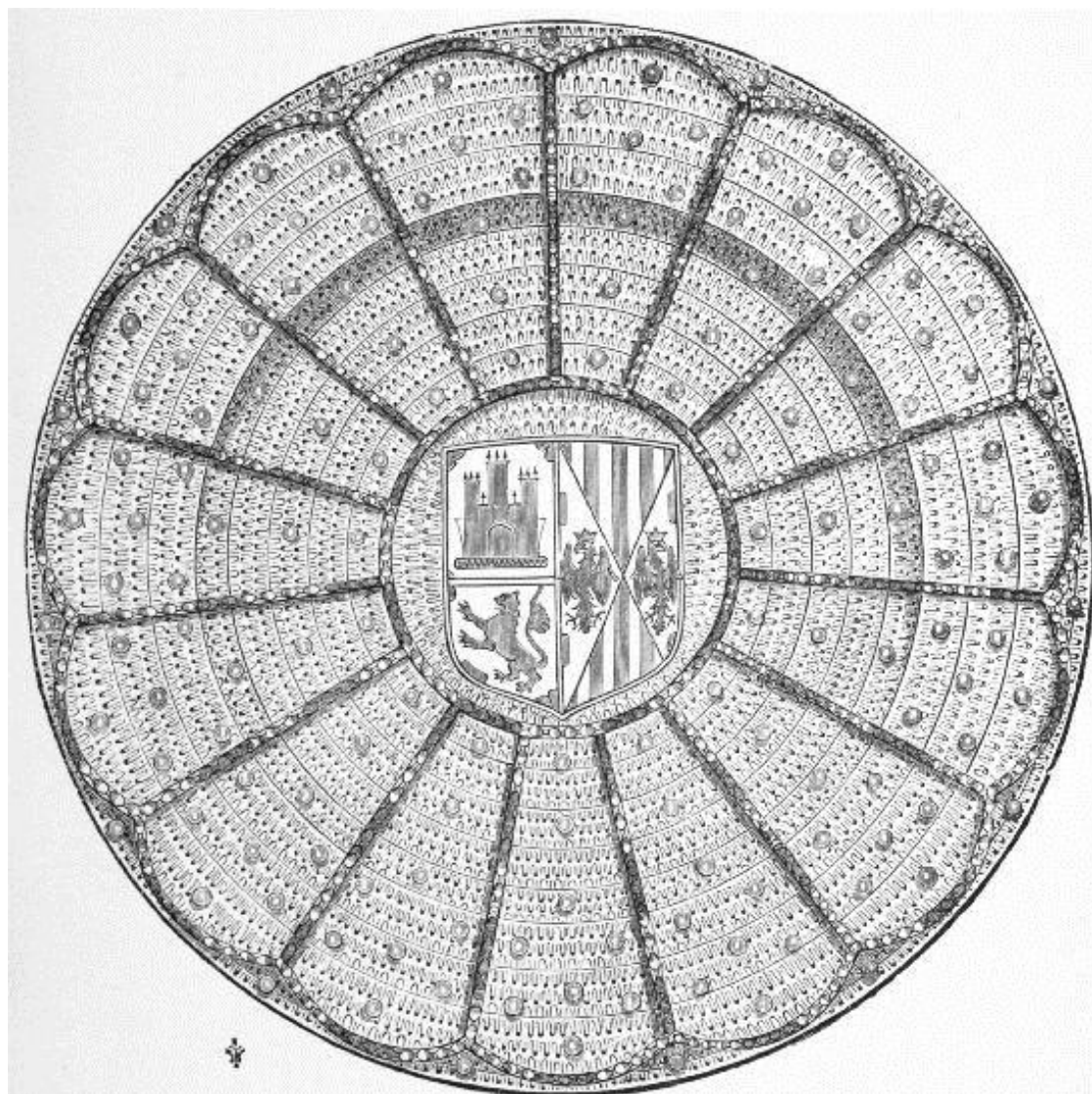

ВАЗА ИСПАНО-МОРЕСКО. (Сохранилась в Гранаде.)

Какими бы прекрасными ни были дворцы и сады Кордовы, ее претензии на восхищение высшими материями были не менее сильны. Ум ее был так же прекрасен, как и тело. Ее профессора и преподавательницы сделали ее центром европейской культуры; студенты приезжали со всех концов Европы, чтобы учиться у ее знаменитых врачей, и даже монахиня Хросвита, живущая далеко отсюда, в своем саксонском монастыре Гаудершайм, когда она рассказывала о мученической смерти святого Евлогия, не могла удержаться от восхваления Кордовы, "самого яркого великолепия мира". Там серьезно изучались все отрасли науки, и открытия врачей и хирургов Андалусии дополняли медицину все больше и больше, чем она приобрела за все столетия, прошедшие со времен Галена. Альбукасис (или Абу-л-Касым Халаф, если дать ему его настоящее имя) был известным хирургом одиннадцатого века, и

некоторые из его операций совпадали с современной практикой. Авензоар (Ибн Зор) чуть позже совершил множество важных медицинских и хирургических открытий. Ибн Бейтар, ботаник, объездил весь Восток в поисках лекарственных трав, о которых написал исчерпывающий трактат; а Аверроэс, философ, стал главным звеном в цепи, которая связывает философию Древней Греции со средневековой Европой. Астрономия, география, химия, естественная история — все это с увлечением изучалось в Кордове; а что касается изяществ литературы, то в Европе никогда не было такого времени, когда поэзия в такой степени входила в устную речь каждого, когда люди всех сословий сочиняли те арабские стихи, которые, возможно, послужили образцами для баллад и канцонеток испанских менестрелей и трубадуров Прованса и Италии. Ни одна речь или обращение не было полным без какого-нибудь обрывка стиха, импровизированного оратором под влиянием момента или процитированного по памяти из какого-нибудь известного поэта. Весь мусульманский мир, казалось, был отдан Музам; халифы и лодочники складывали стихи и пели о красоте городов Андалусии, о журчании ее рек, о прекрасных ночах под безмятежными звездами, об удовольствиях любви и вина, о веселой компании и тайных встречах с дамой, чьи изогнутые брови околдовали певца.

В искусстве Андалусия была выдающейся; такие здания, как "Город прекраснейших" или Кордовская мечеть, не могли быть возведены, если бы ее мастера не были высококвалифицированными мастерами своего дела. Ткачество шелка было одним из самых почитаемых искусств Андалусии; говорят, что только в Кордове насчитывалось не менее ста тридцати тысяч ткачей; но Альмерия пользовалась наибольшей известностью благодаря своим шелкам и коврам. Керамика была доведена до большого совершенства, и именно с острова Майорка, где гончары достигли искусства изготовления посуды, сияющей переливчатым золотым или медным блеском, итальянская керамика получила свое название майолика. Стекланные сосуды, а также другие изделия из меди и железа изготавливались в Альмерии, и до сих пор сохранилось несколько прекрасных образцов изящной резьбы по слоновой кости, на которых написаны имена великих чиновников кордовского двора. Эти искусства, без сомнения, были импортированы с Востока, но мавританские мастера стали способными учениками своих византийских, персидских и египетских мастеров. В ювелирном деле интересная реликвия сына Великого халифа хранится на главном алтаре собора Жероны; это шкатулка, покрытая позолотой и украшенная жемчугом, с арабской надписью, призывающей благословения князю Правоверных Хакаму II., которая довольно любопытно читается на христианском алтаре. Рукояти мечей и драгоценности мавров были очень искусными, о чем свидетельствует меч Боабдила, последнего короля Гранады. Сарацины всегда славились своими изделиями из металла, и даже такие мелочи, как ключи, были красиво украшены. О том, насколько искусно испанские мавры умели чеканить бронзу, свидетельствует гравюра в главе xi, изображающая прекрасную лампаду для мечети, изготовленную для Мухаммеда III. из Гранады, которую до сих пор можно увидеть в Мадриде. Изящество открытой филигранной работы превосходит только аналогичные изделия, выполненные в Дамаске и Каире. Снова и снова мы читаем одну и ту же арабскую надпись, девиз королей Гранады: "Нет победителя, кроме Бога". Мы уже говорили о медных дверях дворцов Кордовы, и некоторые их остатки до сих пор можно увидеть в испанских соборах. Каждый слышал о толедских клинках для мечей, и хотя закалка стали в Испании старше, чем вторжение арабов, мастерство толедских оружейников было развито халифами и султанами Кордовы. Альмерия, Севилья, Мурсия и Гранада также были известны своими доспехами и оружием. В завещании дона Педро, написанном в четырнадцатом веке, говорится: "Я также дарю моему сыну мой кастильский меч, который я выковал в Севилье, украшенный камнями и золотом". В области искусства, науки и цивилизации в целом мавританский город Кордова действительно был "самым ярким великолепием в мире".

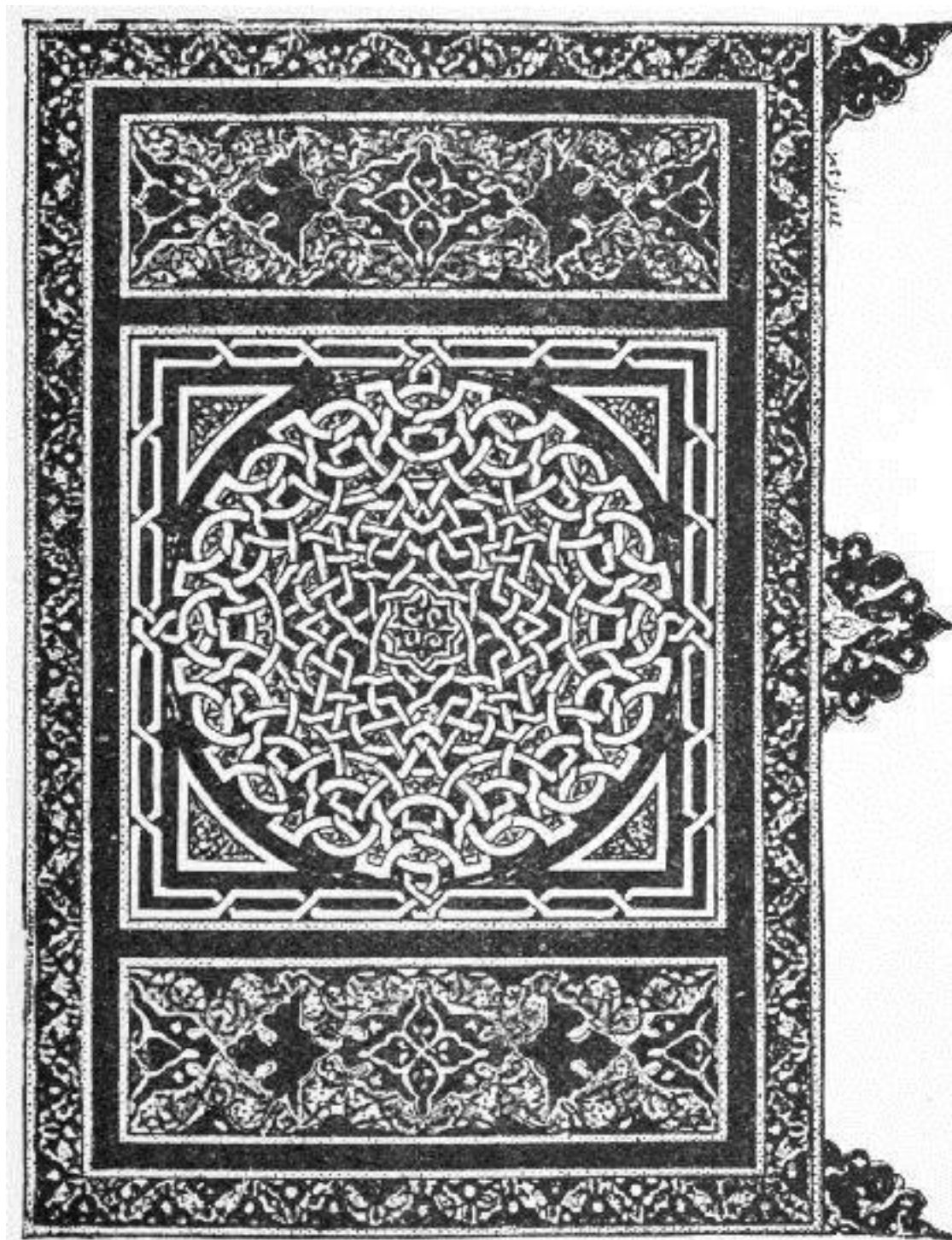

БЛЕСТЯЩАЯ ПЛАСТИНА ИСПАНО-МОРЕСКО С ГЕРБАМИ ЛЕОНА, КАСТИЛИИ И АРАГОНА.
(В музее Южного Кенсингтона.)

IX.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР.

ФУТЛЯР С ДРЕВНИМ КОРАНОМ. (Библиотека Эскуриала.)

ABD-ER-RAHMĀN III. был последним великим султаном Кордовы из рода Омейядов. Его сын, Хакам II, был книжным червем, и хотя книжные черви очень полезны на своем месте, из них редко получаются великие правители. Король не может быть слишком высокообразованным; он может знать все на свете и, подобно некоторым кордовским султанам, может проводить свой досуг в музыке и поэзии; но он не должен зарываться в свою библиотеку, или заботиться о рукописях больше, чем о военных кампаниях, или предпочитать качественный

переплет перевязыванию больных мест своих подданных. И все же именно это Хакам и сделал. Он не был слабым человеком и вообще не считался со своей огромной ответственностью; но он был слишком поглощен учебой, чтобы заботиться о славе войны; а другое его увлечение, заключавшееся в строительстве, было настолько сродни его прилежной натуре, что затронуло художественные вкусы, которые часто совпадают с литературными. Мирный, прилежный характер Хакама не причинил большого вреда государству. Он был сыном достаточно Великого Халифа, чтобы возглавить войско против христиан Леоны, когда они не выполняли свои договоры, и поэтому подавляющее был страх, что его отец вдохновил, поэтому универсального чувство сокрушительной силы, что христианские государи Севера представили Хакама вмешательства в свои дела, а один из них даже пришел в Cordova, и со многими крайней genuflexions просили помощи у султана, чтобы вернуть ему трон. Вскоре между всеми сторонами был подписан мир, и у Хакама появилось свободное время, чтобы собрать свою знаменитую библиотеку. Он разослал агентов по всем частям Востока, чтобы купить редкие рукописи и привезти их обратно в Кордову. Его представители постоянно обыскивали книготорговые лавки в Каире, Дамаске и Багдаде в поисках редких томов для библиотеки султана. Когда книгу нельзя было купить ни за какие деньги, он заказывал ее копирование; а иногда он даже слышал о книге, которая существовала только в голове автора, и присылал ему щедрый подарок, умоляя прислать первый экземпляр в Кордову. С помощью таких средств он собрал не менее четырехсот тысяч книг, и это в то время, когда книгопечатание было неизвестно, и каждый экземпляр приходилось кропотливо переписывать изящным четким почерком профессионального переписчика. У него не только были все эти тома, но, в отличие от многих коллекционеров, он, как говорят, прочитал их все и даже снабдил комментариями. Он был настолько образован, что его заметки на полях высоко ценились учеными последующих времен, а уничтожение берберами значительной части его библиотеки стало серьезной потерей для арабской литературы.

Один преемник Великого халифа мог почивать на лаврах своего отца и наслаждаться его ученым спокойствием, в то время как внешний враг выжидал удобного случая для возобновления своих атак; но два таких государя свели бы на нет великую работу, которую совершил Абд-эр-Рахман, и снова повергли бы Кордовскую империю в руины. Хакам II. правил всего четырнадцать лет, а его сыну, Хишаму II., было двенадцать лет, когда он взошел на трон. Никто не может сказать, кем мог бы стать молодой султан, если бы ему позволили вести честную игру; но известно, что в детстве он проявлял много признаков интеллекта и здравого суждения и подавал некоторые надежды пойти по блестящим стопам своего деда. Однако беспечное правление ученого Хакама лишило его сына и преемника каких-либо шансов на реальную власть. В то время как султан-студент с тревогой разбирал рукопись или давал указания переписчику или переплетчику, высшие должностные лица государства постепенно достигали той степени власти, которую Абд-эр-Рахман III. немедленно бы проверил. Дамы султанского харима также начали оказывать влияние на правительство страны. Абд-эр-Рахман построил город, чтобы доставить удовольствие своей жене, но он был бы очень удивлен, если бы Эз-Захра осмелилась диктовать ему, кто должен быть префектом полиции. Однако, когда Хакам умер, влияние харима было очень сильным, и султанша Аврора, мать молодого халифа Хишама, была, пожалуй, самым важным человеком в государстве. Однако был один, ее фаворит, которому вскоре было суждено стать еще более влиятельным. Это был молодой человек по имени Ибн-Аби-Амир, или "Сын Отца Амира", но которого (поскольку это довольно окольное имя) мы будем называть по титулу, который он принял впоследствии, когда одержал много побед над христианами, — Альманзор, что означает "победоносный милостью Божьей". Альманзор начинал свою жизнь как незначительный студент Кордовского университета, где его отец был известен как ученый

юрист из хорошей, но не влиятельной семьи. Молодой человек, однако, не собирался ограничивать свои амбиции скромным возвышением, которого достиг его отец. Еще будучи студентом, он мечтал о власти и уверенно предсказывал, что однажды станет хозяином Андалусии; он даже спрашивал своих школьных товарищей — ибо они были почти мальчиками — какие должности они предпочли бы получить, когда он придет к власти, и стоит отметить, что, когда это событие произошло, он не забыл о своих обещаниях. Его карьера - интересный пример того, что мужество, талант и эгоизм могли сделать в мусульманском государстве, где путь к власти был открыт для гения, каким бы бесперспективным ни было начало. Альманзор, который поначалу был всего лишь профессиональным писцом писем придворным слугам, снискал расположение Великого камергера, который выполнял функции, которые в наши дни выполнял премьер-министр, и со временем его назначили на несколько небольших должностей при дворе. Здесь его обаяние манер и искусная лесть снискали ему расположение дам королевского двора, и особенно Авроры, которая влюбилась в блестящего молодого человека. Шаг за шагом, ухаживая за принцессами и делая им великолепные подарки (для чего ему иногда приходилось привлекать государственные средства), он продвигался по служебной лестнице; и к тридцати одному году он занимал множество удобных должностей, включая должность управляющего имуществом предполагаемого наследника, одну-две должности судьи и должность командира подразделения городской стражи. Все были очарованы его вежливостью, его расточительной щедростью и добротой, с которой он помогал несчастным. Ему уже удалось привлечь к себе большое количество людей, некоторые из которых были очень высокого ранга, когда смерть халифа Хакама поставила Аврору на очень важное положение, как мать мальчика Халифа, и дала Альманзору возможность, в которой он нуждался, ощутить свою власть. Эти двое действовали сообща, и после возведения малолетнего Хишама на трон, что было достигнуто только в результате убийства конкурирующего претендента, он быстро подавил заговор дворцовых "славян", которым нечего было сказать по поводу восшествия на престол Хишама. Главой правительства был Мусхафи, камергер, который помог Альманзору подняться на первую ступеньку лестницы власти; и его младший помощник с готовностью присоединился к нему в его политике. Репрессии против славян, многие из которых теперь были изгнаны, сделали двух чиновников очень популярными среди жителей Кордовы, которые искренне ненавидели иностранных наемников. Но этот союз был заключен лишь на время: как только Альманзор увидел способ избавиться от камергера, он был полон решимости сделать это без колебаний. Первым делом, однако, было увеличение собственной популярности. Немедленно представился случай, за который молодой чиновник смело ухватился. Христиане снова становились самонадеянными на северных рубежах, и канцлер Мусхафи, не будучи солдатом, не знал, как справиться с их агрессией. Альманзор, который был судьей и инспектором, был солдатом не больше, чем канцлер; но он происходил из крепкого старого рода, и его предок был одним из немногих арабов, сопровождавших Тарика и его берберов во время первого вторжения в Испанию. Ни минуты не колеблясь и не сомневаясь в себе, он вызвался повести армию против христиан; и столь успешным был его набег на Леон, и столь щедрой была его *щедрость* по отношению к солдатам, что он вернулся в Кордову не только победителем - гражданским генералом, — но и кумиром армии.

Была предпринята вторая кампания против христиан севера, в которой полководческое руководство действительно осуществлял Галиб, командующий пограничными войсками, храбрый офицер, которого Альманзор ловко подружил. Галиб так горячо протестовал, утверждая, что победы были плодом талантов молодого гражданского лица, и так высоко превозносил его проницательность, что суд и народ пришли к убеждению, что под личиной бывшего юриста скрывался военный гений — как, впрочем, и было на самом деле.

Укрепленный этой серией успехов и поддержкой Галиба, Альманзор затем сместил сына камергера с поста префекта Кордовы и занял его место; и он так превосходно проявил свою власть, что никогда еще в городе не царил такой порядок и закон не исполнялся так справедливо. Даже его собственный сын был избит до смерти за то, что преступил закон. Его отец, как и Юний Брут, не допускал никаких исключений в исполнении закона. Такой политикой он приумножал свои лавры; он уже завоевал расположение армии и порадовал население, а теперь завоевал расположение всех законопослушных граждан. Пришло время для великого дипломатического хода. Он так искусно настроил камергера против Галиба, что расширил брешь, которая уже существовала между военным человеком со шрамами и нервным клерком, исполнявшим функции премьер-министра, и, убедив первого отказаться от помолвки, которую он заключал с камергером ради союза между их семьями, и вместо этого выдать свою дочь за Альманзора, нанес старому министру последний удар. В 978 году, всего через два года после смерти Хакама, Альманзор так умело разыграл свои карты, что смог обвинить Мусхафи в хищении — не без достаточных оснований — и добиться его ареста, суда и осуждения. В течение пяти лет некогда могущественный камергер вел жалкую жизнь по пятам за Альманзором, а затем умер в тюрьме, отравленный, вероятно, своим победителем, в состоянии крайней нищеты, прикрытый только старым изодранным плащом тюремщика. Такова была судьба всех, кто вставал между Альманзором и его честолюбием. Камергер с вершины славы и могущества, когда тысячи людей приходили, преклоняя колени, просить его о милости, и когда даже бывший король Леона смиренно пытался поцеловать ему руку, был доведен до нужды и унижения молодым выскочкой, ничтожное происхождение которого не сокрушило его гений.

В тот же день, когда камергер был опозорен, Альманзор занял его место. Теперь он был на пике могущества и наслаждался положением фактического правителя всей мусульманской Испании. Правительство Андалусии состояло из халифа в совете; но Альманзор похоронил халифа в его серале; а что касается Совета визирей, которые должны были давать ему советы по государственным делам, Альманзор фактически объединил его в своем лице. Из своего дворца в пригороде он правил всем королевством; от его имени выпускались письма и прокламации; за него молились с кафедр и его имя было отмечено на чеканных монетах; и он даже носил одеяния из золотой ткани, вытканной с его именем, такие носили только короли. Однако он не был защищен от нападений своих врагов. Честолюбие сопряжено со своими опасностями, и те, кто был растоптан, склонны обернуться и отомстить за себя. Так было в случае с Альманзором. Один из "славян", которого он без промедления сверг, когда они планировали смену престолонаследия, предпринял попытку убить его; но она провалилась, и ее автор вместе с рядом влиятельных лиц, участвовавших в заговоре, был арестован, осужден и распят.

В Кордове теперь верховодил Альманзор, поскольку молодой халиф не проявлял никаких признаков бунта против опеки, которой он подвергался, а королева харима Аврора по-прежнему была подругой великого министра. Только один человек мог претендовать на какое-то равенство с Альманзором, и это был Галиб, его тесть. Армия восхищалась Альманзором и удивлялась его смелости принять командование кампаниями против христиан без военного опыта; но они любили и боготворили Галиба как тип настоящего воина, приученного к оружию и непобедимого в личной доблести. Следовательно, Галиб был грозным соперником, и Галиба необходимо было убрать. Премьер-министр приступил к выполнению этой задачи со своей обычной спокойной решимостью. За что бы он ни брался, он выполнял это с тем же непоколебимым хладнокровием и железной волей. Однажды его характер проявился очень ярко, когда он заседал в Совете визирей, которые составляли Кабинет мавританского правительства. Они обсуждали какой-то общественный вопрос,

когда в зале поднялся запах горелой плоти, и было обнаружено, что ногу министра прижигали раскаленным железом, пока он спокойно обсуждал государственные дела! Такому человеку было бы нетрудно устранить любое препятствие — даже генерала Галиба. Он тщательно разрабатывал свои планы, и они никогда не подводили. Когда его меры были слишком жесткими, чтобы их мог немедленно одобрить народ, у него всегда был наготове план, как вернуть толпу к молчаливому согласию. Таким образом, когда восстание нескольких видных деятелей достигло кульминации в уже упомянутом покушении на убийство, он понял, что у него есть враги среди богословских и юридических кругов, и, не теряя времени, заключил с ними мир. Созвав совещание главных доктринальных авторитетов, он попросил их составить список тех работ по философии, которые они сочли опасными и еретическими. Мусульмане Испании славились своей жесткой ортодоксальностью, и философы подвергались с их стороны очень суровому обращению. Вскоре они определились с тем, что Римско-католическая церковь называет "Index Expurgatorius", или списком осужденных книг, и Альманзор немедленно приказал публично сжечь запрещенные произведения. Таким простым способом, хотя на самом деле он был человеком широких взглядов и совершенно терпимым к философским спекуляциям, ему удалось сделать себя защитником ортодоксии; богословы больше не устраивали против него заговоров.[24]

Человеку, столь разбирающемуся в средствах, не составило бы особого труда избавиться от Галиба. Сначала он начал серию армейских реформ, с помощью которых уменьшил влияние отдельных командиров и завоевал для себя преданность, которой ранее были наделены командиры дивизий. Этого он добился, набрав своих рекрутов из Африки и из числа христиан севера, которые, конечно, были без каких-либо предубеждений в пользу какого-либо конкретного мусульманского лидера и вскоре привязались к Альманзору, когда поняли его щедрость и убедились в неоднократных доказательствах его военного гения. Он был суровым командиром и, как было известно, отрубил человеку голову собственным мечом преступника, потому что то же самое оружие было замечено поблескивающим в рядах одетых, когда оно должно было быть в ножнах. Но, будучи воином в вопросах муштры и дисциплины, он был отцом своим солдатам, пока они хорошо сражались и поддерживали порядок. Его влияние было безграничным. Однажды, когда он сидел в лагере и увидел, как его люди в панике вбегают внутрь, а христиане преследуют их по пятам, он вскочил со своего трона, отшвырнул шлем и сел в пыль. Солдаты поняли отчаянный жест своего полководца и, внезапно развернувшись, напали на христиан, обратили их в бегство и преследовали даже на улицах Леона. Более того, никто не мог привести их к таким огромным запасам добычи, как человек, совершивший более пятидесяти успешных кампаний против князей севера. Армия, сформированная таким образом из новых рекрутов, стала преданной своему хозяину, а Галиб и его ветераны пограничья были быстро разбиты; сам Галиб погиб в бою. Еще один лидер, Джафар, принц Заба, угрожал миру в Альманзоре своей чрезвычайной популярностью в войсках; и вскоре его пригласили в зал министра, сильно напоили и убили по дороге домой. Это был отнюдь не единственный пример предательства и кровопролития Альманзора; подобные поступки лишают его звания героя, которого почти достигают его многие блестящие качества, и любить его невозможно. И все же, при всей своей суровости и беспринципности, Альманзор привел Андалусию к такой славе, о которой даже великий халиф Абд-эр-Рахман III едва ли мог мечтать. Сохраняя спокойствие и бессилие тех враждебных группировок, которые остались в Кордове; одновременно умиротворяя людей, делая великолепные пристройки к великой мечети Кордовы, когда он обнаружил, что они начинают возмущаться уединением, в котором содержался их молодой халиф, и прислушиваются к намекам Авроры и дворцовой свиты, которые устали или завидовали Альманзору; одновременно внушая благоговейный страх самому халифу своим личным

влиянием; одновременно внимательно следя за тем, чтобы ничто не ускользнуло от внимания каждого отдела администрации, и посвящая немало времени развитию литературы и поэзия — среди всех этих разнообразных занятий этот неутомимый человек вел победоносную войну в Африке и распространил владычество халифа вдоль берберийского побережья; и дважды в год, весной и осенью, как само собой разумеющееся, водил свои войска против христиан Леона и Кастилии. Как культурный человек, он брал свои книги вместе со своим мечом — его книгами были поэты, которые всегда сопровождали его кампании. Никогда еще генерал не одерживал таких постоянных побед. При поддержке своих отважных чужеземцев, а также многих христиан, которых привлекло его жалование и верная перспектива добычи, он пронес огонь и меч по землям севера. Он захватил Леон и сравнял с землей его массивные стены и башни; он захватил Барселону; и, что хуже всего, он даже отважился проникнуть в ущелья Галисии и сравнял с землей великолепную церковь Сантьяго-де-Кампостелла, которая была центром бесчисленных паломничеств и почти превратилась в европейскую Каабу. Однако храм святого Иакова, где многочисленные чудеса свидетельствовали о присутствии мощей святого, был пощажен. Говорят, что когда завоеватель вошел в опустевший город, он обнаружил, что из всех его жителей остался только одинокий монах, который все еще молился перед святыней. "Что ты здесь делаешь?" спросил Альманзор. "Я молюсь", - ответил старый монах. Его жизнь была немедленно сохранена, и вокруг могилы была выставлена охрана, чтобы защитить его и ее от насилия солдат, которые продолжили разрушать все остальное в городе. Альманзор вполне заслужил свой титул "Победоносный", который был присвоен ему после одной из таких кампаний. Пока его армии совершали свои полугодовые походы, христианские князья были парализованы, а Леон и соседняя страна превратились всего лишь в провинцию-данницу королевства Кордова. Кастилия, Барселона и Наварра неоднократно терпели поражения. Он захватил самые столицы — Леон, Памплону, Барселону и даже Сантьяго-де-Кампостелла. Однажды он поставил короля Наварры на колени просто потому, что бескомпромиссный министр узнал, что в его королевстве осталась одна плененная мусульманка. Она была немедленно освобождена, и было принесено множество извинений за допущенную невнимательность. В другой раз Альманзор оказался отрезанным со своей армией от христиан, которые заняли неприступную позицию у него в тылу и преградили ему путь к Кордове. Ничуть не смутившись, он приказал своим войскам совершить набег на окрестные земли и собрать материалы для сараев и сельскохозяйственные орудия. Вскоре христиане, которые не осмеливались нападать, но верили, что держат мусульман в своих руках, увидели, что те намеренно возводят казармы, с удовольствием обрабатывают землю и готовятся к различным сельскохозяйственным операциям. На их удивленные вопросы был дан холодный ответ: "Мы не думаем, что стоит возвращаться домой, поскольку следующая кампания начнется почти немедленно; поэтому мы устраиваемся поудобнее на время перерыва!" Охваченные ужасом от перспективы постоянной мусульманской оккупации, христиане не только оставили свои сильные позиции и позволили врагу беспрепятственно уйти, нагруженные добычей, но даже предоставили им вьючных мулов для перевозки добычи!

Однако Альманзор, хотя и был непобедим для человека, не был защищен от смерти. После последней победоносной кампании против Кастилии он был смертельно болен и умер в Мединасели. Облегчение христиан выражено в простом комментарии монашеского летописца: "В 1002 году умер Альманзор и был похоронен в аду".

Х.

БЕРБЕРЫ У ВЛАСТИ.

Наиболее благоустроенные страны иногда впадают в анархию, когда воля, руководившая ими, устраняется; и это один из веских аргументов тех, кто считает, что государством лучше всего управляет масса его народа. Говорят, держите людей за ниточки, и в тот момент, когда ниточки порвутся или будут изношены, люди не будут знать, куда идти. Однако эта теория является лишь общим утверждением очевидной истины, и ее применение в значительной степени зависит от характера людей. Некоторым нациям, похоже, всегда нужны руководящие нити, и ни одна из них еще не стала абсолютно независимой от руководства доминирующего разума; да и такая независимость была бы желательна, если бы нашим идеалом государства не был мертвый уровень посредственности. Андалусия, во всяком случае, не могла обойтись без своих лидеров, и в тот момент, когда ее лидер умер, государство рухнуло. Когда "пал великий цезарь", тогда "пали и я, и вы, и все мы", не столько из сочувствия, сколько из-за неспособности. Многочисленность взаимно враждебных партий и фракций делала невозможным во владениях мавров что-либо похожее на устоявшуюся конституцию. Только сильная рука могла обуздать вражду противоположных вероисповеданий и рас в Андалусии; и те, кто изучал характер и историю Ирландии, а также непримиримую вражду, царящую между севером и югом на этом острове фракций, согласятся с тем, что арабы были не единственными людьми, которые считали смешанные расы и религии невозможными для управления с гладкостью однородной нации.

История Андалусии, насколько мы ее рассказали, была чередой взлетов и падений. Сначала мы увидели великолепный рейд, возглавляемый прирожденными солдатами, закончившийся неожиданным завоеванием. Едва был завоеван полуостров, как зависть и разногласия различных элементов, составлявших вторгшееся воинство, заставили справедливо уничтожить урожай, только что собранный мечом. Затем сильный человек, прирожденный король, появился в лице первого Абд-эр-Рахмана, и Андалусия снова внешне стала единым владением. "О царь, живи вечно!" - такова была общепринятая форма обращения к персидскому монарху, и возникает соблазн подумать, что ее реализация могла бы стать решением всех политических проблем, при условии, что для бессмертия был выбран правильный царь. Первый король Андалусии, естественно, не был бессмертным; и следствием его смерти стало то, что всегда происходит, когда устраняются сильные репрессивные силы: народ снова погрузился в гражданскую войну и анархию. И снова одаренный Богом король пришел, чтобы спасти нацию. Великий халиф установил закон и порядок во всех своих владениях, отбросил захватчиков и растоптал мятежников. Пятьдесят лет Андалусия была раем мира и процветания; если бы третий Абд-эр-Рахман был бессмертен, она могла бы жить в мире и по сей день, и мы бы никогда не услышали о преследованиях евреев и мавров, об ужасной работе инквизиции или даже (если говорить совсем о мелочах) о карлистах. Жаль, что таким мечтам не суждено сбыться. Но Великий халиф не оставил страну без лидера. Король дважды спас Испанию, и теперь именно

премьер-министр спланировал государство. Алманзор, непобедимый министр, смог донести свою властную волю до каждого уголка полуострова; но Алманзор тоже был смертным, и когда он умер и (как благочестиво надеялся монах) "был похоронен в аду", земля, обязанная ему своим процветанием и богатством, своим совершенным порядком и безопасностью, стала добычей всех враждебных сил, подавить которые могла только его железная рука. В течение восьмидесяти лет Андалусия была раздираема на части ревнивыми вождями, агрессивными и сварливыми тиранами, маврами, арабами, славянами и испанцами; и хотя многие старые корни раздора были вырваны временем, а зависть, возникавшая из воспоминаний о племенной славе, иногда забывалась, потому что люди теряли свои родословные, было достаточно соперничества, личного, расового и религиозного, чтобы превратить Андалусию в такой ад на земле, какого даже монашеский хронист мог бы пожелать для места захоронения своих предков. Альманзор.

В течение шести лет после смерти премьер-министра его сын Музаффар поддерживал единство королевства. Затем последовал поток жадных авантюристов, соперничающих халифов и дерзких притворщиков. Испанцы, составлявшие, в конце концов, основную часть населения, в которое они влились, любили, чтобы ими правил король; им нравилась династия, и они гордились воспоминаниями о великом доме Омейядов. Правление министра, каким бы справедливым и хорошим оно ни было, не входило в их представление о правительстве; король должен править сам. Поэтому они восстали против власти второго сына Альманзора, который спровоцировал их, публично заявив о своих претензиях на престолонаследие, и они настояли на том, чтобы халиф взял бразды правления государством в свои собственные слабые руки. Несчастный Хишам, таким образом внезапно вырванный из уединения своего харима, где он был счастливым узником в течение тридцати лет, тщетно умолял народ не требовать от него невозможного; они хотели, чтобы он правил, и когда всем стало ясно, что слабый мужчина средних лет беспомощен, как младенец, они заставили его отречься от престола и посадили на его место другого члена его семьи. Это действительно был конец династии Омейядов в Андалусии. Халиф за халифом сменялись в течение следующих двадцати лет; один был марионеткой кордовцев, другой - марионеткой славянской гвардии; третий был марионеткой берберов; четвертый был своего рода фигурой, маскировавшей амбиции правителя Севильи; но все они были марионетками какой-то фракции и не имели никаких признаков реальной власти. Тронный зал во дворце становился ареной убийства за убийством, по мере того как халиф сменял халифа. Один бедняга прятался в печи бани, пока его не обнаружили, не вытащили оттуда и не зарезали на глазах у его преемника, чья очередь была не за горами. Хишам II, бедное создание, которого Альманзор и королева-мать Аврора держали в состоянии вечного младенчества, был вынужден играть свою роль в рари-шоу. Его снова подняли вверх и снова опустили вниз; и шелковые цепи его заключения среди красот его харима были заменены мрачными стенами настоящей темницы. Что с ним стало потом, неизвестно. Его женщины сказали, что ему удалось бежать и он нашел убежище в Азии или в Мекке. Трон мало привлекал несчастного халифа, любившего уединение и исполнявшего благочестивые обязанности; и он должен был знать, что его присутствие в Андалусии спланивает честолюбивых сторонников и может привести только к дальнейшим раздорам. Вполне естественно, что он предпочел закончить свои дни в богослужении в священном храме ислама. Самозванец, очень похожий на Хишам, провозгласил себя халифом в Севилье и был признан удобной марионеткой могущественным правителем этого города; но настоящий Хишам исчез навсегда, и больше о нем никто не слышал.

Насколько плачевной была судьба несчастных омейядов, которые позволили свирепым маврам или славянам, в свою очередь, использовать их в качестве фигур на своей шахматной доске, видно из того, что произошло при низложении третьего Хишама. По приказу высокопоставленных лиц города этот мягкий и гуманный принц был затащен вместе со своей семьей в мрачный склеп, пристроенный к великой мечети Кордовы. Здесь, в полной темноте, наполовину замерзший от холода и сырости, отравленный зловонным воздухом этого места, несчастный халиф сидел, прижимая к груди своего единственного ребенка, маленькую девочку, в то время как его жены вились вокруг него в скудной одежде, плачущие, дрожащие и растрепанные. Они долго были без еды, и их бесчеловечные тюремщики оставили их незамеченными на несколько часов. Затем шейхи пришли объявить Хишаму о решении совета, который был срочно созван для обсуждения его судьбы; но бедный халиф, пытавшийся вернуть немного тепла ребенку у себя на руках, прервал их: "Да! да! Я подчинюсь их решению, каким бы оно ни было; но, ради Бога, достаньте мне немного хлеба; это бедное дитя умирает с голоду". Шейхи были тронуты — они не замыслили таких мучений — и хлеб был принесен. Затем они начали снова: "Сир, они постановили, что вы будете схвачены на рассвете и заключены в такую-то крепость". "Да будет так, - ответил халиф. - У меня есть только одна просьба: позволь нам иметь фонарь, ибо темнота этого мрачного места пугает нас". Духовный и светский владыка мусульман Испании оказался в таком бедственном положении, что ему пришлось выпрашивать хлеб и свечу.

ХИРАЛЬДА В СЕВИЛЬЕ.

Подобные сцены теперь были частым явлением в Кордове. Каждая революция приносила новый урожай ужасов. Жители Кордовы, численность которых значительно возросла, также питали те независимые чувства, которым обычно способствует огромное развитие торговли и ручного производства и последующее создание процветающего класса ремесленников; и когда они свергли династию Альманзора, толпа взбунтовалась обычным для толп способом и отомстила, разграбив прекрасный дворец, который великий министр построил в окрестностях столицы для себя и правительственных чиновников. Когда они разграбили бесценные сокровища дворца, они предали его огню. Массовые убийства, мародерство продолжались беспрепятственно в течение четырех дней. Кордова превратилась в руины. Затем настала очередь берберов; властных славянских гвардейцев, снискавших сердечное

отвращение народа, сменили жестокие берберы, которые взбунтовались, разграбив город. Куда бы ни направлялись эти варвары, за ними следовали резня, огонь и надругательство. Дворец за дворцом разорялись и сжигались, а прекрасный город Эз-Захра, услада Великого халифа, был предательски захвачен, разграблен и предан огню, так что от всего изысканного искусства, которым два халифа щедро украсили его, не осталось ничего, кроме кучи почерневших камней. Его гарнизон был предан мечу; его жители бежали в поисках убежища в мечеть; но у берберов не было ни совести, ни мужества, и мужчины, женщины и дети были убиты в священных пределах (1010).

В то время как столица была разорвана на куски дикими бандами славян и берберов и устанавливала одного халифа за другим, меняя род Омейи на род Хаммуда или пробуя влияние правящего городского совета, провинции уже давно отказались от всякой верности центральному государству. У каждого города или округа был свой независимый правитель — так быстро исчез консолидирующий эффект правления Альманзора. Самим испанцам это внезапное присоединение небольших держав не доставило особого удовольствия. Они должны были смотреть и сокрушаться, в то время как иностранцы делили между ними их землю. Берберские военачальники разжирели на Юге; славяне покорили Восток; "остальное досталось парвеню или нескольким знатным семьям, которые по какой-то случайности пережили удары, нанесенные Абд-эр-Рахманом III. а Альманзор имел дело с аристократией. Кордова и Севилья, два важнейших города Андалуса, основали республики", [25], однако, скорее по названию, чем по факту; ибо мусульманский первый консул был очень похож на императора. В первой половине XI века около двадцати независимых династий пришли к власти в стольких же городах или провинциях, среди которых аббадиты Севильи, семья Хаммудов в Малаге и Альхесирасе, зириты в Гранаде, Бени Худ в Сарагосе, династия Ду-н-Нун в Толедо и правители Валенсии, Мурсии и Альмерии были самыми важными. Некоторые из этих династий были хорошими правителями, большинство из них были кровожадными тиранами, но (что любопытно) не менее утонченными джентльменами, которым доставляло удовольствие оказывать честь учености и *художественной литературе*, и превращать свои дворы в дома поэтов и музыкантов. Мо'Темид Севильский, например, был принцем многих достижений, но при этом он содержал сад голов, отрубал плечи своим врагам, к которым относился с большой гордостью и восторгом. Однако в целом страна была охвачена беспорядками, столь же невыносимыми и опасными, как те, которые царили, когда на трон взошел Великий халиф. Это было не совсем то же самое по характеру; ибо не было такого великого христианского восстания, как восстание Ибн-Хафсуна; но анархия была столь же всеобщей, а опасность полного краха более неизбежной, чем когда-либо.

Ибо христиане севера теперь были в движении. Они увидели свою возможность и максимально ею воспользовались. Альфонсо VI, объединивший под своей властью три королевства Астурии, Леона и Кастилии, прекрасно понимал свою роль. Он видел, что ему нужно только позволить различным мусульманским принцам натянуть достаточно веревок, и они начнут вешаться со всей возможной поспешностью. Действительно, эти близорукые тираны, заботящиеся только о своей ничтожной личной власти и охотно помогающие всему, что могло ослабить их соперников, бросались к ногам Альфонсо и умоляли его о помощи всякий раз, когда оказывались побежденными более могущественным соседом. Отчасти вследствие актов такого рода, а отчасти из-за ужаса перед яростными набегами, которые кастильцы совершали по всей стране, вплоть до порта Кадис, мусульманские государства почти все были данниками короля Кастилии, который заботился о том, чтобы ежегодно требовать все большую и большую дань в качестве платы за свою дружбу, чтобы запастись

припасами для великого завоевания, которое он имел в виду. Север был беден, и с тонкой иронией он полагался на огромные пожертвования своих вассалов из числа андалузских князей, которые должны были обеспечить сухожилия войны, которая должна была их уничтожить. Какими бы разделенными и ревнивыми ни были мусульманские династии, их терпению был предел. Когда Альфонсо искупался в океане у Геркулесовых столбов, радуясь, что наконец пересек всю Испанию и коснулся водной границы; когда он разместил гарнизон из более чем двенадцати тысяч отважных людей в крепости Аledo, в самом центре мусульманских территорий, откуда они безжалостно вышли, чтобы опустошать всю страну и творить всевозможные дикие бесчинства; когда Родриго Диас де Бивар, "мой сид Претендент", обосновался в Валенсии со своими кастильцами и опустошил соседние земли; когда всем стало ясно, что Альфонсо имел в виду не что иное, как отвоевание всей Испании и истребление всех мусульман — тогда, наконец, мусульманские князья осознали грозящую им опасность и начали принимать меры для своей защиты. Беспомощные сами по себе и, несмотря на общую опасность, отчаявшись в каких-либо решительных совместных действиях столь многих и столь враждебных группировок, они избрали единственно возможный путь — призвали на помощь иностранца. Некоторые, действительно, предвидели опасность в такой помощи; но Му'Темид, король Севильи, заставил их замолчать: "Лучше быть погонщиком верблюдов в африканских пустынях, - сказал он, - чем свинопасом в Кастилии!" Энергия, которая им требовалась, была не за горами. В Северной Африке произошла новая берберская революция, и секта фанатиков, называемых марабутами, или святыми (*альморавиды*, как называли их испанцы), завоевала всю страну от Алжира до Сенегала. Это были почти такие же люди, как Тарик и его последователи, и они были достаточно готовы пересечь реку и завоевать плодородные провинции Испании. Они действительно оказали мне услугу и проявили полнейшее безразличие к достопримечательностям Андалусии; но они приехали, и было легко понять, что они намерены остаться.

Когда альморавиды впервые налетели, подобно туче саранчи, чтобы поглотить страну, предложенную таким образом их аппетиту, они обнаружили, что путь совершенно открыт. Масса народа Андалусии радовалась, что еще раз появилась сильная рука, чтобы подавить беспорядки, которые разрушили их благосостояние со времени смерти великого Альманзора; мелкие тираны либо пригласили их, либо не смогли им противостоять, и, во всяком случае, были рады видеть, что кастильцы успешно отброшены. Король Альморавидов Юсуф, сын Тешфина, после захвата Альхесираса в качестве гавани и необходимой базы операций, беспрепятственно прошел через провинции и встретился с Альфонсо в Заллаке, или, как называют это испанцы, Сакралиасе, недалеко от Бадахоса, 23 октября 1086 года. Альфонсо, глядя на свою великолепную армию, воскликнул: "С такими людьми, как эти, я бы сражался с дьяволами, ангелами и призраками!" Тем не менее, он прибегнул к хитрости, чтобы застать врасплох объединенные силы берберов и андалузцев; но Юсуфа было нелегко сбить с толку. Он умело атаковал кастильскую армию спереди и с тыла и, оказавшись, таким образом, между двух огней, несмотря на упорное сопротивление, которое испытанные воины Кастилии хорошо знали, как оказывать, наголову разгромил их. Альфонсо едва спасся с пятью сотнями всадников. Многие тысячи лучших фехтовальщиков Кастилии пали окоченевшими на том роковом поле.

После победы Юсуф Альморавид вернулся в Африку, оставив три тысячи своих берберов помогать андалузцам. Он обещал не совершать никаких аннексий и, за исключением сохранения гавани Альхесираса, до сих пор сдерживал свое слово. Андалузцы были в восторге от него; они восхваляли его доблесть и ликовали по поводу спасения страны; они восхищались его простым благочестием, которое не позволяло ему ничего предпринимать

без совета своих священников и которое побудило его отменить все налоги в Испании, за исключением тех немногих, которые были санкционированы халифом Омаром в первые дни ислама. Высшие классы, действительно, высмеивали его невежество и грубые манеры; он почти не говорил по-арабски, и когда поэты декламировали свои очаровательные стихи в его честь, он обычно упускал смысл комплимента — немалое оскорбление для утонченных и элегантных андалузцев, которые никогда не забывали свои стихи, даже когда были по колено в крови. Юсуф был для них простым варваром. Но их презрение к его образованию не имело большого значения; они не могли обойтись без его меча, и огромная масса народа, думавшая скорее о комфорте, чем о культуре, была готова радостно принять его как суверена Андалусии. В 1090 году король Севильи снова взмолился альморавидам прийти и помочь ему против христиан, которые были такими же смелыми, как всегда, и вели постоянную партизанскую войну из своей крепости Аledo. Он согласился с притворным нежеланием и на этот раз направил свои атаки в равной степени как против андалузских принцев, так и против христиан Кастилии. Эти глупые тираны нашептали ему в уши бесчисленные жалобы друг на друга и взаимно выдали себя до такой степени, что у Юсуфа очень скоро появились основания не доверять им всем. На его стороне был народ и, прежде всего, священники. Вскоре они освободили его от обещания не аннексировать Андалусию и даже зашли так далеко, что убедили его, что его долг, во имя Бога, восстановить мир и счастье на этой обезумевшей земле. Всегда находясь под влиянием своих духовных советников и в достаточной степени руководствуясь собственными амбициями без какого-либо подобного внешнего стимула, Юсуф с готовностью согласился с этой точкой зрения, и еще до истечения 1090 года он начал покорение Испании. Он вступил в Гранаду в ноябре и раздал ее удивительные сокровища — бриллианты, жемчуга, рубины и другие драгоценные камни, великолепные украшения из золота и серебра, хрустальные кубки и великолепные ковры, неслыханные богатства всех видов — своим офицерам, которые никогда в жизни не видели ничего, сравнимого с таким великолепием. В декабре пала Тарифа, а в следующем году были захвачены Севилья и многие главные города Андалусии. Посланная Альфонсо армия под командованием знаменитого капитана Альвара Фаньеса потерпела поражение, и весь юг оказался у ног Альморавидов — за исключением только Валенсии, которую ни один штурм не мог взять, пока Сид был жив и руководил обороной. В 1102 году, после смерти героя, Валенсия пала, и теперь вся мусульманская Испания, за исключением Толедо, стала провинцией великой африканской империи Альморавидов.

У массы людей были основания на какое-то время удовлетвориться результатом их обращения к иностранцу. Меньшинство, состоящее из всех людей с положением и образованием, было не очень довольное экспериментом. Наступило правление пуритан, и без Мильтона, который смягчил бы его суровость. Поэты и литераторы, которые процветали при многочисленных маленьких дворах, где самый кровожадный деспот всегда оказывал сердечный и благодарный прием гениальному человеку и обычно заканчивал свои стихи импровизированными строчками, испытывали отвращение к диким берберам, которые не могли понять их утонченности и которые, когда иногда пытались сформировать себя по образцу культурных тиранов, которые предшествовали им, делали такое жалкое подражание, что невозможно было удержаться от смеха. Свободомыслящие и люди широких взглядов не видели ничего обнадеживающего в приходе к власти фанатичных священников, составлявших советников Альморавидов, которые не только были яростными противниками всего, что имело привкус философии, но и читали свой Коран исключительно через очки единственного комментатора. Евреи и христиане вскоре обнаружили, что такое терпимость альморавидов: их жестоко преследовали, убивали или же отправляли в ссылку. Старые знатные семьи, те немногие, что остались, и остатки мелких князьков были в отчаянии, когда увидели чужеземца, которого они призвали к себе на помощь, занявшего

постоянное место жительства в их владениях, и с ужасом вспоминали деяния подобных орд берберов в последние дни Кордовского халифата. Но основная масса людей была достаточно рада видеть, что Альморавиды остались в стране; их жизни и имущество, наконец, были в безопасности, чего никогда не было, когда страна была разделена на ряд отдельных княжеств, немногие из которых были достаточно сильны, чтобы защитить своих подданных за воротами замка; дороги были свободны от разбойников, которые много лет делали передвижение невозможным, и христиане, вместо того чтобы нападать на ничего не подозревающие деревни и разорять землю, были изгнаны обратно на свою территорию, где здоровый страх перед берберами и долгая вражда между собой держала их на безопасном расстоянии. На мгновение воцарились порядок и безмятежность; закон был соблюден, и люди снова мечтали о богатстве и счастье.

Сон был иллюзией. Подданных Альморавидов не ждало процветания. То, что случилось с римлянами и готами, теперь случилось с берберами. Они прибыли в Испанию выносливыми, грубыми воинами, непривычными к легкости и роскоши, наслаждающимися подвигами силы и доблести, исполненными яростного, но простого рвения к своей религии. Они недолго наслаждались плодами своей победы, когда вся та деморализация, которую мягкая роскошь Капуи навлекла на солдат Ганнибала, обрушилась и на них. Они утратили свои боевые привычки, свою любовь к отважным поступкам, свое удовольствие переносить трудности на храбром пути войны — они утратили всю свою мужественность с непостижимой быстротой. За двадцать лет не осталось ни одной берберской армии, которой можно было бы доверять в отражении атак кастильцев; на ее месте была дезорганизованная толпа промокших развратников, жалких трусов, которые напились и растратили остатки своей мужской силы и стали рабами всех тех appetites, которые делают мужчин трусами. Вместо того чтобы поддерживать порядок, они теперь стали нарушителями порядка; разбойниками, когда они могли набраться смелости напасть на мирного путешественника; ворами, пользующимися всеми многообещающими возможностями. Положение страны было хуже, чем когда-либо, даже при мелких тиранах. Ослабевшие берберы были на побегушках у плохих женщин и амбициозных священников, и однажды они могли отменить то, что приказали накануне. Такие правители правят недолго. Великая революция подорвала власть альморавидов в Африке, и кастильцы под предводительством Альфонсо Воителя возобновили свои набеги на Андалусию. В 1125 году они целый год преследовали юг. В 1133 году они сожгли пригороды Кордовы, Севильи и Кармоны, разграбили Херес и предали его огню. Набеги христиан теперь распространились от Леона до Гибралтарского пролива, но одурманенное правительство ничего не предприняло, чтобы противостоять опасности. Раздраженный своей слабостью, народ в конце концов восстал в своем гневе и изгнал своих бессильных правителей со своей земли.

"Наконец, - говорит арабский историк, - когда жители Андалуса увидели, что империя Альморавидов разваливается на куски, они не стали больше ждать, а, сбросив маску притворства, подняли открытое восстание. Каждый мелкий губернатор, вождь или влиятельный человек, который мог командовать несколькими сторонниками и имел замок, в который можно было удалиться в случае необходимости, называл себя султаном и надевал другие знаки отличия королевской власти; и в Андалусе было столько королей, сколько в нем было городов. Ибн-Хамдин восстал в Кордове, Ибн-Маймун в Кадисе, Ибн-Каси и Ибн-Везир Седдарай удерживали запад, Ламтуны Гранаду, Ибн-Марданиш Валенсию; некоторые андалузцы, другие берберы. Однако все они вскоре исчезли под знаменами Абд-эль-Мумина, который лишил каждого из них их владений и подчинил своему правлению весь Андалус". Абд-эль-Мумин был лидером альмохадов, который унаследовал власть альморавидов в Африке и Испании.

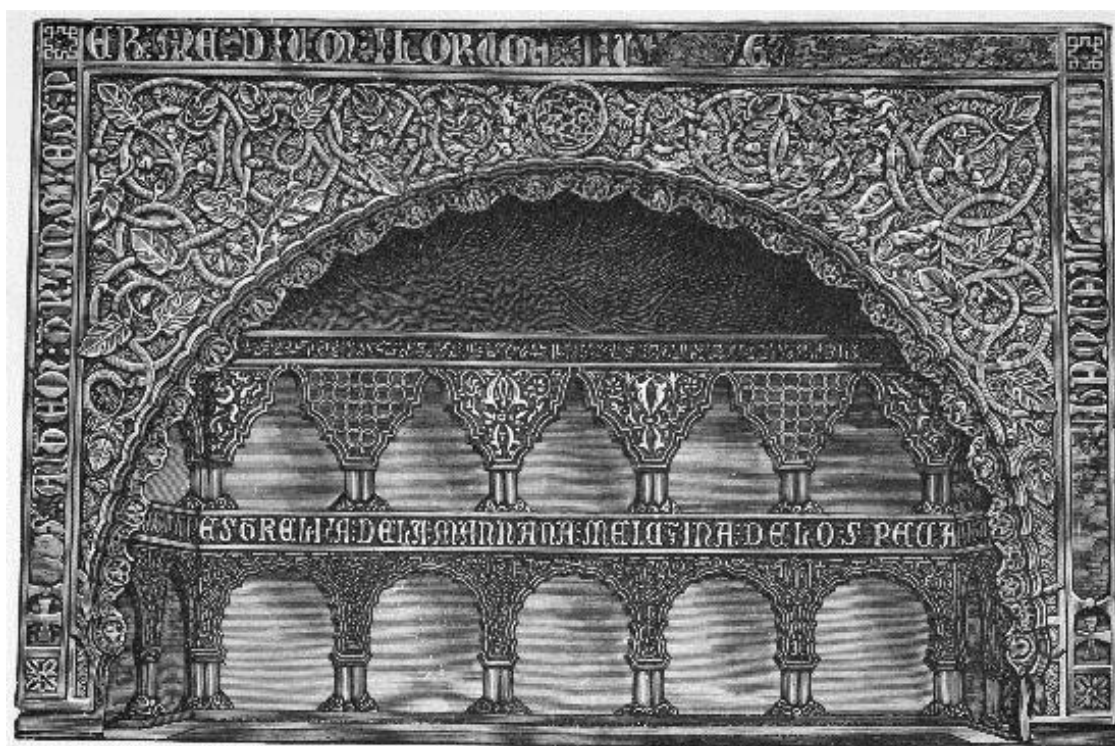

XI.

МОЙ ДЕТЕКТИВ-ПРЕТЕНДЕНТ.

Пришло время взглянуть на противников мавров на Севере. Мы видели, как Пелайо собрал остатки готов в недоступных пещерах и твердынях Астурийских гор; как эти остатки вскоре вышли за свои первоначальные границы и, черпая мужество в безразличии или разобщенности берберских племен, расквартированных на границах мусульманских владений, постепенно вернули себе большую часть территории к северу от Сьерра-де-Гвадаррама и основали там королевство Леон и графство Кастилия; в то время как отдельное королевство Наварра возникло дальше на восток, под Пиренеями. Мы также видели, что эти христианские королевства находились в состоянии почти постоянной войны со своими мавританскими соседями и могли бы представлять серьезную опасность, если бы не менее постоянные разногласия, которые нейтрализовали различные христианские государства. Пока королевство Кордова оставалось сильным и неразделенным, в то время как христиане Леона, Кастилии и Наварры растрачивали свои силы в гражданских войнах, мавры были полностью готовы к задаче сохранения своих владений. Но когда пало королевство Кордова и Андалусия стала добычей мелких династий, каждая из которых думала прежде всего о своих собственных интересах, а затем, возможно, и об интересах мусульманской державы в целом, христиане стали более предприимчивыми и получили возможность вырвать у мавров значительный кусок территории. Во время смуты одиннадцатого века, когда почти каждый город Андалусии образовал отдельное государство, мы видели, что христиане наводняли земли мусульман своими победоносными армиями и взымали дань со многих самых важных мавританских князей. В это время Фернандо Первый объединил большую часть севера под своим собственным скипетром. Он объединил враждующие провинции Леон и Кастилия и включил Астурию и Галисию в свои владения. Фернандо, несомненно, был самым могущественным монархом во всей Испании в то время; он аннексировал Лормего, Визеу и Коимбру в Португалии и брал дань с королей Сарагосы, Толедо, Бадахоса и Севильи; и хотя его опрометчивый раздел владений между тремя сыновьями и двумя дочерьми вовлек север в серию гражданских войн после смерти Альфонсо VI. "Доблестному" в конце концов удалось снова соединить разрозненные фрагменты воедино, и с этого момента рост христианской власти в Испании был неизбежен. Только огромные взятки мусульманских князей (которые заплатили баснословную сумму шантажа, чтобы откупиться от христиан) и армии Альморавидов на заднем плане предотвратили полное отвоевание Андалусии христианами в этот период слабости мавров. Как бы то ни было, мавры ни в коем случае не были хозяевами самим себе; они были раздираемы страхом перед Альфонсо и едва ли менее тревожным превосходством их

союзника-Альморавида; и в конце концов им пришлось уступить последнему. В это время мы видим, что христиане вмешиваются в большинство политических дел мусульманских государств; христианские армии вторгаются на их территории и требуют большой дани за свою добрую волю; и настолько сложными стали союзы между двумя партиями, что в армиях мавров было много христианских наемников, энергично помогавших в опустошительных кампаниях и святотатствах в христианских провинциях, в то время как мавры были готовы присоединиться к кастильцам против своих собратьев-мусульман. Короче говоря, это было время авантюристов, наемников, которым платили, людей, которые сражались ради личных интересов и наживы, а не за короля и страну.

BOTICA DE LOS TEMPLARIOS, TOLEDO.

Мы совершили бы большую ошибку, если бы рассматривали воинов Леона и Кастилии как нечто приближающееся к идеалу рыцарской чести и галантности, и еще большей ошибкой было бы представлять их лощеными, образованными джентльменами. Христиане севера представляли собой самый разительный контраст со своими мавританскими соперниками. Арабы, грубые представители племени, какими они были при своем первом прибытии, смягчились благодаря контакту с андалузцами и своей собственной природной склонности к удовольствиям и роскоши, превратившись в высокоцивилизованный народ, наслаждающийся поэзией и изящной литературой, преданный стремлению к знаниям и, прежде всего, полный решимости максимально наслаждаться жизнью. Их интеллектуальные вкусы были необычайно тонкими; ими двигали эмоции, которые могли испытывать только люди со вкусом и *жизненным опытом*. Они были романтичны, наделены богатым воображением, поэтичны, умозрительны и могли вложить в хорошо написанную эпиграмму столько, сколько хватило бы, чтобы заплатить полку солдат. К самому тираническому и кровожадному из их деспотов относились с некоторым презрением, если он не был к тому же поэтом или, по крайней мере, инстинктивно не ценил отточенное остроумие и изысканное красноречие. Музыка, ораторское искусство, а также более суровые занятия наукой, казалось, были естественны для этого блестящего народа; и они в высокой степени обладали тем качеством критического восприятия и тонкой оценки тончайших оттенков выражения, которое в наши дни ассоциируется у нас с французской нацией.

Христиане севера были настолько непохожи на это, насколько это вообще возможно представить. Хотя северные государства происходили из более древнего королевства, они обладали большинством качеств новых наций. Они были грубы и некультурны; лишь немногие из их принцев обладали элементами того, что можно было назвать образованием, и они были слишком бедны, чтобы предаваться изысканной роскоши мавританских монархов. Христиане были просто грубыми воинами, так же любившими сражаться, как и их мусульманские противники, но еще лучше подготовленными своей тяжелой и по необходимости самоотверженной жизнью к продолжительным кампаниям и совершению отчаянных доблестных поступков. Они понятия не имели о высоком стандарте рыцарского поведения, который поэты впоследствии привнесли в их истории; они были людьми меча, и мало кем еще. Их бедность делала их слугами любого человека; они продавали свою доблесть тому, кто платил им больше всего; они сражались, чтобы добыть средства к существованию. Мы видели, как великий министр Альманзор одержал свои победы над Леоном и взял Сантьяго с помощью большого контингента самих леонцев, которые достаточно ясно понимали, на чьей стороне их судьба. История Испании XI века полна подобных примеров того, как мавританские принцы нанимали христианских *промышленников*, но ни один из них никогда не достигал такой славы, как Сид, национальный герой Испании.

Настоящее имя Сиды было Родриго Диас из Бивара, и его называли *Сидом*, потому что это был титул, который, естественно, дали ему мавританские последователи. К джентльмену-мусульманину в Египте и других странах до сих пор обращаются по титулу *Сид*, который является искажением слова *Сейид*, означающего "господин". Сид, или "мастер", также носил титул *Кампеадор*, что означает "чемпион", или, точнее, "претендент", потому что его исключительная доблесть делала его естественным соперником в тех единоборствах, которые в испанских войнах обычно предшествовали генеральному сражению между двумя армиями. Знаменитый воин выступал перед строем, как Голиаф из Гефа, выступая перед армиями Израиля, и бросал вызов противоборствующим силам, требуя, чтобы они послали ему чемпиона; и никто не был более известен своими победами в этом виде ведения войны, чем Родриго Диас, "мой сид эль Кампеадор", как ласково называет его старый хронист. Нелегко решить, насколько большая часть великолепной истории, которая сложилась вокруг подвигов *Cid*, правдива. Христианские хронисты не останавливались ни перед чем, когда начинали описывать своего национального героя; и энтузиазму, который не гнушался рассказывать о том, как король Леона захватил Париж и покорил французов, немцев, итальянцев и даже персов, можно доверять еще меньше, когда речь заходит о славе любимого Сиды. Испанские баллады окружают своего героя ореолом святых добродетелей и забывают, что многие из этих добродетелей не были бы поняты или оценены самим Сидом или его современниками в Кастилии. Арабские писатели, как правило, более заслуживают доверия, но их суждения вряд ли могли быть беспристрастными, когда они говорили о христианине, причинившем столько страданий мусульманам Валенсии, сколько это сделал знаменитый Кампеадор. И все же даже они называют его "чудом Божьим".

В наш критический век мы часто вынуждены с сожалением отказываться от самых очаровательных традиций нашего детства; не обошли стороной и *Cid*. Выдающийся востоковед написал специальную книгу, чтобы доказать, что грозный Претендент ни в коем случае не был героем, каким его представляли; что он был вероломным и жестоким, оскверняющим алтари и попирающим собственную добрую волю. Профессор Дози утверждает, что романтическая история Уголовного розыска - это сплетение выдумок, и он написал рассказ о "настоящем уголовном розыске", чтобы опровергнуть эти вводящие в заблуждение повествования. Он основывает свою критику главным образом на арабских

историках, на которых, несмотря на их национальную и религиозную предвзятость, он так же слепо полагается, как менее образованные люди на *Хронику Сид*. И все же удивительно, насколько незначительны различия, которые можно обнаружить между его "настоящим сидом" и романтической *хроникой Сиды*, содержание которой было составлено Альфонсо Ученым всего через полвека после смерти Сиды и которую Роберт Саути перевел на английский в 1805 году с таким мастерством и очарованием стиля, что с тех пор его версия стала почти такой же классической, как оригинал. Каждый может сам выделить явно легендарные эпизоды в восхитительной старой *Хронике* без какой-либо помощи арабских историков, которые занимаются в основном одним периодом карьеры Сиды; и лучшим популярным рассказом об этом герое, составленным разборчивыми руками и с должным допущением, по-прежнему является увлекательная *хроника* Саути. Сид из *Хроники* совсем не то же самое, что Сид из Романов; и хотя мы с радостью отказываемся от последнего безупречного персонажа, мы все еще можем верить в первого. Конечно, у нашего Уголовного розыска были свои недостатки, и он был виновен во многих совершенно непростительных деяниях. Он не был очень ортодоксальным поборником веры, поскольку сражался так же хорошо за мавров, как и за христиан, и грабил церковь так же бесстрастно, как мечеть. Но все это достаточно ясно любому, кто читает "*Хронику*", и это не делает Сиды никем иным, как тем, кем он всегда был — героем грубых дней прошлого. Если мы хотим ограничить наше определение героизма персонажами, проявляющими все христианские добродетели, долготерпение, мягкость и сострадание, нам придется уволить большинство наших старых друзей. Ахилл не проявил особой мягкости или сострадания, когда тащил тело Гектора вокруг стен Трои, но Ахилл — герой "*Илиады*". Девять из десяти героев древности совершили множество поступков, которые мы, современные люди, с нашей сверхчувствительностью, называем жестокими, малодушными, даже подлыми. Это чистое извращение истории — применять современные моральные кодексы к героям ушедших эпох. Давайте признаем, что не все они золотые; и тогда давайте восхищаться их великими деяниями, могучим взмахом их руки с мечом, сокрушительным шоком от их натиска, их высоким ростом и сверкающими глазами, когда они скачут навстречу своим врагам. Мы не ожидаем, что они будут философами или строгими защитниками теорий политической экономии. Мы вполне удовлетворены ими такими, какие они есть: героями, — храбрыми, галантными лидерами людей.

Сид был настоящим героем для испанцев: во-первых, потому, что он великолепно сражался, и когда-то этого титула было достаточно для почитания; во-вторых, потому, что, подобно мифическому Бернардо дель Карпио и реальному Фернандо Гонсалесу, он был чемпионом Кастилии и боролся с королем Леона, и таким образом олицетворял извечную зависть, которую кастильцы питали к могущественным соседям, поглотившим их провинцию; и в-третьих, потому, что менестрели забыли о его давнем союзе с маврами или ухитрились придать ему особый оттенок. бескорыстный аспект, и помнили его только как великого защитника христианского народа от неверных. Но та самая причина, которая особенно привлекла его внимание кастильцев, его неподчинение королю Альфонсо, сделала его менее совершенным героем для автора "*Общей хроники*", из которой была извлечена *Хроника Сид*. Этот писатель или компилятор, Альфонсо Ученый, король Леона и Кастилии, не мог одобрить высокомерную независимость Сид по отношению к его собственному предшественнику Альфонсо шестому. Следовательно, в версии *Хроники* Саути (которая обогащена многими выдержками из *Поэмы Сиды* и других источников) мы имеем дело с чрезмерным восхвалением баллад и романсов. В работе нет недостатка в деталях, которые отнюдь не делают чести Уголовному розыску; но, тем не менее, истинный героический характер, со всеми его недостатками и ограничениями, хорошо выдержан, и летопись

формирует удивительно интересную картину волнующего времени и величайшей фигуры среди испанских кавалеров.

История Уголовного розыска сама по себе заняла бы целый том; все, что мы можем попытаться здесь, - это извлечь несколько наиболее ярких отрывков из *Хроники*. Юность героя в значительной степени вошла в миф; впервые он появляется в исторических документах в 1064 году, когда, хотя ему было едва ли больше двадцати, он уже завоевал свой титул Претендента в победоносном единоборстве с рыцарем из Наварры и вскоре после этого был назначен главнокомандующим вооруженными силами Кастилии. Он помог Санчо Кастильскому одолеть своего брата Альфонсо Леонского неожиданностью, сильно отдававшей предательством, но сошедшей за хорошую стратегию в те трудные времена. После убийства Санчо Беллидо под стенами Саморы Сид перешел на службу к его преемнику, тому самому Альфонсо, которого он ранее отправил в изгнание. Король сначала приветствовал непобедимого рыцаря Кастилии при своем дворе и женил его на своей двоюродной сестре; но ревнивые соперники отравили его разум, и без того переполненный воспоминаниями о прошлых обидах против Родриго (или Руи Диеса, как он назван в *Хронике*), и в 1081 году Сид был изгнан из своих владений. *Хроника* должна рассказать историю его прощания:

И Сид послал за всеми своими друзьями, родственниками и вассалами и рассказал им, как король Дон Альфонсо изгнал его из страны, и спросил у них, кто последует за ним в изгнание, а кто останется дома. Тогда Альвар Фаньес, который был его двоюродным братом-немцем, вышел вперед и сказал: Сид, мы все пойдем с тобой через пустыню и населенную страну и никогда не подведем тебя. На службу вам мы потратим наших мулов и лошадей, наше богатство и нашу одежду, и всегда, пока мы живы, будем вам верными друзьями и вассалами. И все они подтвердили то, что сказал Альвар Фаньес; и Уголовный розыскник поблагодарил их за любовь и сказал, что, возможно, настанет время, когда он будет защищать их.

И, собираясь уходить, он оглянулся на свой собственный дом, и когда он увидел, что его холл опустел, сундуки с домашним хозяйством не заперты, дверцы открыты, плащи не развешаны, на крыльце нет сидений, на жердочках нет ястребов, слезы навернулись ему на глаза, и он сказал: "Это сделали мои враги".... Да будет хвала Господу за все. И он повернулся к Востоку, преклонил колени и сказал: Святая Мария-Мать и все Святые, молитесь Богу за меня, чтобы Он дал мне силу уничтожить всех язычников и отвоевать у них достаточно, чтобы отплатить этим моим друзьям и всем тем, кто следует за мной и помогает мне. Затем он позвал Альвара Фаньеса и сказал ему: "Кузен, бедняки не причастны к тому злу, которое причинил нам король; проследи теперь, чтобы им не причинили зла на нашей дороге"; и он позвал свою лошадь. И тогда пожилая женщина, стоявшая у ее двери, сказала: "Пойдите в удачную минуту и наgrabьте все, что пожелаете", И с этой пословицей он поехал дальше, говоря: "Друзья, по благоволению Божьему мы вернемся в Кастилию с великой честью и большими приобретениями". И когда они уходили с Бивара, у них на правой руке была ворона, а когда они прибыли в Бургос, у них была ворона на левой.

"Мой Сид Руйдиес прибыл в Бургос в сопровождении шестидесяти растяжек. И мужчины и женщины вышли посмотреть на него, и мужчины Бургоса и женщины Бургоса стояли у своих окон, рыдая, так велико было их горе; и они в один голос воскликнули: *Боже!* какой хороший вассал, если у него есть только добрый господин! должно быть, сканно?] и каждый охотно пригласил бы его войти, но никто не осмелился этого сделать. Ибо король Дон Альфонсо в гневе своем послал письма в Бургос, в которых говорилось, что никто не должен давать Сиду приют; и что всякий, кто ослушается, потеряет все, что у него было, и, более того, глаза на

голове. Эти христиане были сильно опечалены этим, и они спрятались, когда он приблизился к ним, потому что не осмеливались заговорить с ним; а мой Сид отправился в свой Посад, и когда он подошел к двери, то обнаружил, что она заперта из страха перед королем. И его народ воззвал громким голосом, но они внутри ничего не ответили. И Сид подъехал к двери, и вынул ногу из стремени, и пнул ее, но дверь не открылась от этого, потому что она была хорошо заперта; тогда маленькая девочка девяти лет вышла из одного из домов и сказала ему: о Сид, король запретил нам принимать тебя. Мы не смеем открыть вам наши двери, потому что тогда мы потеряем наши дома и все, что у нас есть, а также глаза в нашей голове. Сид, наше зло не помогло бы тебе, но да пребудут с тобой Бог и все Его святые. И, сказав это, она вернулась в дом. И когда Сид понял, что сделал король, он отвернулся от двери и поскакал к церкви Святой Марии, и там он спешился, и преклонил колени, и помолился от всего сердца; а затем он снова сел в седло, и выехал из города, и разбил свою палатку недалеко от Арланзона, на Глере, то есть на песках. Мой Сид Руйдиз, тот, кто в счастливый час впервые опоясался мечом, поселился в песках, потому что не было никого, кто принял бы его у себя на пороге. Вокруг него была хорошая компания, и там он жил, как среди гор....

Снова запели петухи, и начало светать, когда добрый Кампеадор добрался до церкви Святого Педро. Аббат дон Сисебуто служил заутреню, и донья Химена (жена Сиды) и пять ее дам хорошего происхождения были с ним, молясь Богу и святому Петру помочь моему Сиду. И когда он позвонил у ворот и они узнали его голос, *Диос!* каким радостным человеком был аббат дон Сисебуто! Они вышли во двор с факелами и свечами, и аббат возблагодарил Бога за то, что теперь он увидел лицо моего Сиды. И Сид рассказал ему обо всем, что с ним случилось, и о том, что он был изгнанником; и он дал ему пятьдесят марок для себя и сто для доньи Химены и ее детей. - Аббат, - сказал он, - я оставляю у себя двух маленьких девочек, которых поручаю вашему попечению. Позаботься о них, о моей жене и ее фрейлинах: когда эти деньги кончатся, если их будет недостаточно, снабди их в изобилии; за каждую марку, которую ты на них потратишь, я отдам монастырю четыре. И настоятель пообещал сделать это с истинной доброй волей. Затем подошла донья Химена и с ней ее дочери, каждую из которых несли на руках, и она опустилась на колени перед своим мужем, горько плача, и хотела поцеловать ему руку; и она сказала ему: "Смотри, теперь ты изгнан из страны негодьями, и вот я здесь с твоими дочерьми, которые малы и нежного возраста, и мы с тобой должны расстаться еще при твоей жизни". Ради любви к Святой Марии, скажи мне теперь, что нам делать. И Сид взял детей на руки, прижал их к своему сердцу и заплакал, потому что он нежно любил их. "С Божьей помощью и Святой Марией, - сказал он, - я еще буду жив, чтобы собственными руками выдать замуж этих моих дочерей и еще послужить тебе, моя достопочтенная жена, которую я всегда любил, как собственную душу".

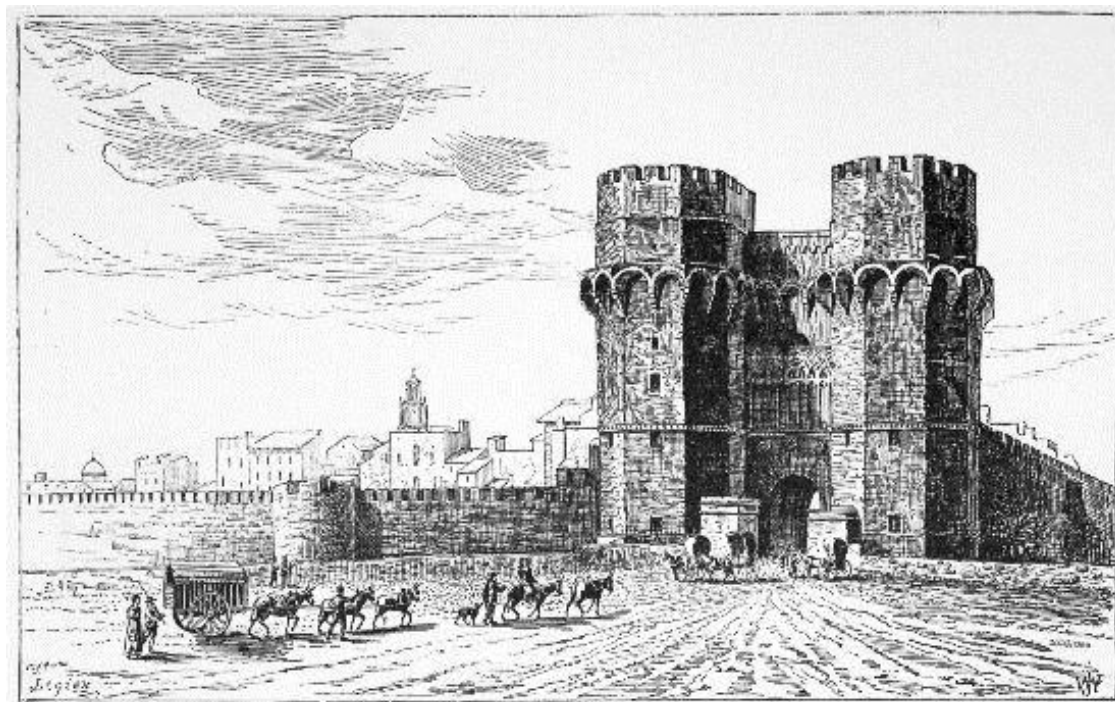
В тот день в монастыре устроили большой пир в честь доброго Кампеадора, и колокола собора святого Педро весело зазвонили. Тем временем по Кастилии разнеслась весть о том, что мой Сид изгнан из страны, и велика была скорбь народа. Некоторые покинули свои дома, чтобы последовать за ним, другие отказались от своих почетных должностей, которые они занимали. И в тот день сто пятнадцать рыцарей собрались у моста Арланзон, все в поисках моего Сиды; и там к ним присоединился Мартин Антолинез, и они вместе поскакали к церкви Святого Педро. И когда он из Бивара узнал, какая прекрасная компания собирается присоединиться к нему, он возрадовался своей силе, выехал им навстречу и очень учтиво приветствовал их; и они поцеловали ему руку, и он сказал им: "Я молю Бога, чтобы однажды я смог хорошо отплатить вам за то, что вы оставили свои дома и свое наследие ради меня, и я верю, что заплачу вам вдвойне". Шесть дней из отведенного срока истекли, и оставалось всего три: если по истечении этого времени его найдут во владениях короля, ни за золото, ни

за серебро он не сможет тогда сбежать. В тот день они пировали вместе, и когда наступил вечер, Сид распределил между ними все, что у него было, раздав каждому в соответствии с тем, кем он был; и он сказал им, что они должны встретиться на мессе после заутрени и разойтись в этот ранний час. Еще до того, как пропели петухи, они были готовы, и настоящий отслужил мессу Святой Троицы, а когда она была закончена, они вышли из церкви и направились к конюшне. И мой Сид обнял донью Химену и его дочерей и благословил их; и расставание между ними было подобно отделению гвоздя от живой плоти; и он заплакал и продолжал смотреть им вслед. Тогда Альвар Фаньес подошел к нему и сказал: "Где твоя храбрость, мой Сид?" В добрый час ты был рожден женщиной. Подумай сейчас о нашем пути; эти печали еще превратятся в радость".

Сид предложил свои услуги мавританскому королю Сарагосы, самому могущественному из северных мусульманских князей, и они были с радостью приняты. Во главе своих приверженцев, которые были тем более преданы ему, что жили за счет добычи, которую он им добывал, он совершил набег через Арагон, и так быстр был его наезд, что он проехал огромный участок страны за пять дней и уехал прежде, чем христиане успели поднять тревогу. Он повел мавров против графа Барселоны, одержал знаменательную победу и сделал графа своим союзником. О том, как Сид и его веселые ребята одержали победу на поле битвы, пусть *Хроника* еще раз расскажет:

Перо Бермудес не мог этого вынести, но, держа знамя в руке, он воскликнул: "Да поможет тебе Бог, Сид Кампеадор; я водружу твое знамя в середине этого основного отряда; и вы, кто обречен стоять рядом с ним, — я посмотрю, как вы окажете ему помощь". И он начал продвигаться вперед. И Кампеадор крикнул ему остановиться, потому что он любил его, но Перо Бермудес ответил, что он ни за что не остановится, и, пришпорив коня, понес свое знамя в середину огромной равнины. И мавры набросились на него, чтобы завладеть знаменем, и окружили его со всех сторон, нанося ему множество сильных ударов, чтобы сбить его с ног; тем не менее, его оружие было стойким, и они не могли пробить его, как не могли они ни сбить его с ног, ни вырвать у него знамя, ибо он был настоящим храбрецом, сильным и хорошим наездником и с великим сердцем. И когда Уголовный розыск увидел, что он в таком положении, он призвал своих людей двигаться дальше и помочь ему. Затем они прижали щиты к сердцу, опустили копья с вымпелами на них и, наклонившись вперед, поскакали дальше. У них было триста копий, каждое с подвесками, и каждый при первой же атаке сразил своего мавра. Бейте их, рыцари, из любви к милосердию! - воскликнул кампеадор. Я Руйдиз, уголовный розыск Бивара! Много щитов было пробито в тот день, и много фальшивых доспехов было сломано, и много белых вымпелов окрасилось кровью, и много лошадей осталось без всадника. Неверующие обратились к Магомету, а христиане - к Сантьяго, и шум барабанов и труб был так велик, что никто не мог услышать своего соседа. И мой Сид и его компания пришли на помощь Перу Бермудесу, и они проскакали через полчища мавров, убивая на ходу, и они вернулись обратно таким же образом; в таком обличье они убили тысячу триста человек. Если вы хотите знать, кем они были, кто были хорошими людьми того времени, мне надлежит рассказать вам, ибо, хотя они ушли, не подобает, чтобы имена тех, кто поступил хорошо, умерли, и те, кто сам поступил хорошо или кто надеется на это, не сочли бы это правильным; ибо хорошие люди не были бы так обязаны поступать хорошо, если бы их добрые подвиги замалчивались. Там был мой Сид, отличный боец, который хорошо сражался в своем золоченом седле; и Альвар Фаньес Минайя, и Мартин Антолинес, доблестный бургальец, и Муно Густиос, и Мартин Муньос, который держал Монтемайор, и Альвар Альварес, и Альвар Сальвадорес, и Галин Гарсия, добрый человек из Арагона, и Фелес Муньос, племянник Кампеадора. Куда бы ни шел мой Сид, мавры прокладывали перед ним дорогу, потому что он безжалостно расправлялся с ними. И

пока битва все еще продолжалась, мавры убили лошадь Альвара Фаньеса, и его копье было сломано, и он храбро сражался пешим с мечом. И мой Сид, увидев его, подошел к альгуазилу, который ехал на хорошем коне, и ударил его своим мечом под правую руку, так что тот пронзил его насквозь, и он отдал коня Альвару Фаньесу, сказав: "Садись на Минайю, ибо ты моя правая рука".

ВОРОТА СЕРРАНО, ВАЛЕНСИЯ.

Величайшим подвигом в карьере Уголовного розыска стало завоевание Валенсии. В силу политических неурядиц он занял пост протектора мавританского короля Валенсии от имени короля Сарагосы. Его первое выступление было мирным и не встретило сопротивления:

Затем Сид отправился в Валенсию, и король Яхья принял его со всеми почестями и заключил с ним соглашение давать ему еженедельно четыре тысячи мараведи серебром, а он, со своей стороны, должен был подчинить себе замки, чтобы они платили ему такую же ренту, какую платили прежним королям Валенсии; и чтобы Сид защищал его от всех людей, мавров или христиан, и чтобы у него был дом в Валенсии, и чтобы он привозил туда всю свою добычу для продажи, и чтобы у него были там свои зернохранилища. Этот договор был подтвержден в письменной форме, так что они были в безопасности как с одной, так и с другой стороны. И мой Сид разослал всем владельцам замков приказ платить арендную плату королю Валенсии, как они делали это раньше, и все они подчинились его приказу, каждый стремился заполучить его любовь".

С выгодного поста в Валенсии Сид победоносно сражался с соседними королевствами. Он "воевал против Дении и против Сативы и прожил там всю зиму, нанося большой ущерб, так что не осталось ни одной устоявшей стены от Ориуэлы до Сативы, ибо он все опустошил, а всю свою добычу и пленных продал в Валенсии". Однако во время одной из таких экспедиций он на некоторое время потерял свой капитал. Альфонсо в 1089 году вернул ему расположение, подарил замки и постановил, что все завоевания Сиды должны стать его

собственностью. Другими словами, он признал Cid почти независимым принцем. Однако почти сразу же король снова стал подозревать своего могущественного вассала и воспользовался отсутствием Сиды на севере, чтобы осадить его особое владение, город Валенсию. Когда Кампеадор услышал это, он пришел в ярость и в отместку пронес огонь и меч по районам Альфонсо Наджера и Калахорра, сравнял Логроньо с землей и, по словам древнелатинского *Геста*, "ужасным и нечестивым грабежом он опустошил и опустошил землю, лишил ее всех богатств и захватил их для себя". Альфонсо поспешно снял осаду Валенсии и вернулся защищать свою страну. Но Уголовный розыск, добившись своего, вернулся другим путем и обнаружил, что ворота Валенсии закрыты для него.

Затем началась та памятная девятимесячная осада, в течение которой жители Валенсии страдали от голода и жажды, в то время как Сид поддерживал на стенах своих безжалостных солдат. Осажденные были доведены до агонии голода, а те, кто выбежал из города или был выброшен горожанами как бесполезная ноша, были убиты или проданы в рабство солдатами Cid. Мавританские историки даже говорят, что СИД приказал многих из них сжечь заживо. В *Хронике* трогательно записано: "Теперь в городе нельзя было купить еды, и люди были охвачены волнами смерти; и было видно, как люди падали и умирали на улицах". Так писал поэт преданного города:

"Валенсия! Валенсия! беда постигла тебя, и ты при смерти; и если, может быть, тебе удастся спастись, это будет чудом для всех, кто увидит тебя.

"Но если когда-либо Бог проявлял милость к какому-либо месту, пусть Ему будет угодно проявить милость к тебе; ибо имя тебе было джой, и все мавры восхищались тобой и находили в тебе свое удовольствие.

"И если Богу будет совершенно угодно уничтожить тебя сейчас, то это будет за твои великие грехи и за великую самонадеянность, которую ты имел в своей гордыне.

"Четыре краеугольных камня, на которых ты основан, встретились бы вместе и оплакивали тебя, если бы могли!

"Твоя крепкая стена, основанная на этих четырех камнях, дрожит, и вот-вот рухнет, и потеряла всю свою прочность.

"Твои высокие и прекрасные башни, которые были видны издалека и радовали сердца людей ... мало-помалу они рушатся.

"Твои белые зубчатые стены, которые сверкали вдали, потеряли свою истину, которой они сияли, подобно солнечным лучам.

"Твоя благородная река Гвадалавиар и все другие воды, которыми тебе так хорошо служили, покинули свое русло, и теперь они текут туда, куда не должны.

"Твои водотоки, которые были такими чистыми и приносили такую большую пользу столь многим, из-за отсутствия очищения забиты грязью.

"Твои прекрасные сады, которые были вокруг тебя; ... голодный волк обглодал корни, и деревья не могут принести тебе плода.

"Твои прекрасные поля с таким количеством прекрасных цветов, на которых твой народ имел обыкновение развлекаться, все засохли.

"Твоя благородная гавань, оказавшая тебе такую великую честь, лишена всего благородства, которое обычно проявлялось в ней ради тебя.

"Огонь опустошил земли, владычицей которых ты называлась, и великий дым от него достигает тебя.

"Нет лекарства от твоей жестокой немощи, и врачи отчаялись исцелить тебя.

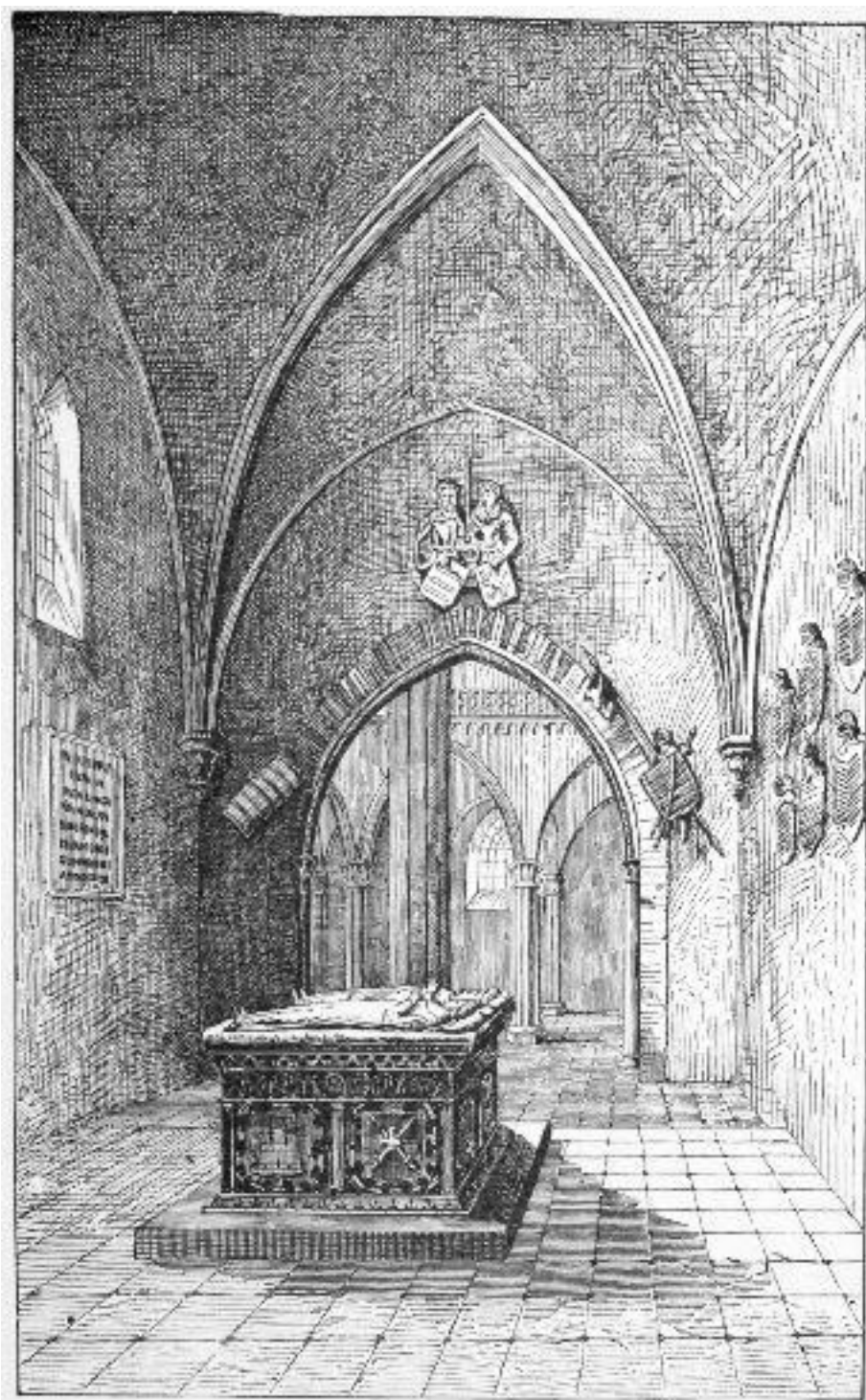
"Валенсия! Валенсия! с разбитым сердцем произнес я все то, что наговорил о тебе.

"И это горе я оставил бы при себе, чтобы никто не узнал о нем, если бы не было необходимости, чтобы оно стало известно всем".

Наконец, в июне 1094 года Валенсия сдалась, и Сид снова стоял на своих башнях и крепостных валах. Он поставил жесткие условия перед людьми, многих из которых отослал в пригороды, чтобы освободить место для своих кастильцев. Но если он был суров и не совсем честен в своих отношениях с побежденными, его триумф не был запятнан массовой резней. Люди иногда терпели крах, но их жизни, за исключением жизни их лидера, были в безопасности. Теперь Сид достиг вершины своего могущества. Он послал за своей женой и дочерьми из аббатства и навсегда утвердился в качестве короля Валенсии и сюзерена окрестностей. Король Арагона умолял его о союзе. Он взимал тяжелую дань со своих соседей; его доход включал 120 000 золотых монет в год от Валенсии, 10 000 от сеньора Альбаррасина, 10 000 от наследника Альпуэнте, 6 000 от сеньора Мурвиетро и так далее. Он мечтал отвоевать всю Андалусию. "Один Родерик, - сказал он, - потерял Испанию; другой вернет ее". Когда Альморавиды выступили против него, он обратил их в бегство. В *Хронике* рассказывается такая история:

"День прошел, и наступила ночь. Во время петушиного пения они все собрались в церкви Святого Педро, и епископ Дон Иеронимо отслужил мессу, и они были пострижены, благословлены и воскрешены. Велико было отпущение грехов, которое дал им епископ: "Тот, кто умрет, - сказал он, сражаясь лицом вперед, - я возьму на себя его грехи, и Бог получит его душу". Тогда он сказал: "Это благо, сид дон Родриго; я отслужил тебе мессу сегодня утром: позволь мне нанести первые раны в этой битве, и Сид даровал ему это благо во имя Бога". Затем, когда все было готово, они вышли через ворота, которые называются Вратами Змеи, потому что величайшая сила мавров находилась по ту сторону, оставив хороших людей охранять ворота. Альвар Фаньес и его рота уже выступили вперед и устроили засаду. Четыре тысячи, не считая тридцати, были теми, кто с моим Сидом по доброй воле отправился в атаку на пятьдесят тысяч. Они прошли все узкие места и труднопроходимые перевалы и, оставив засаду слева, нанесли удар справа, чтобы между ними и городом были вересковые пустоши. И Уголовный розыск привел свои сражения в порядок и приказал Перу Бермудесу нести его знамя. Когда мавры увидели это, они были сильно поражены; и они в большой поспешности запряглись и вышли из своих палаток. Затем Сид приказал своему знамени двигаться дальше, и епископ Дон Иеронимо выступил вперед со своим отрядом и атаковал с таким видом, что вскоре войска смешались друг с другом. Тогда, возможно, вы увидели бы много лошадей, бегущих по полю с седлом под брюхом, и много всадников, лежащих на земле в ужасном положении. Велико было побоище за короткое время; но по той причине, что мавров было так много, они жестоко напали на христиан и настал час одолеть их. И Уголовный розыск начал подбадривать их громким голосом, выкрикивая: "Боже и Сантьяго!" И Альвар Фаньес в это время вышел из засады и напал на них со стороны, ближайшей к морю; и мавры подумали, что на помощь Сиду прибыла большая сила, и они были встревожены и обратились в бегство. А Уголовный розыск и его люди преследовали их, жестоко наказывая. Если бы мы захотели рассказать вам, как каждый вел себя в этой битве,

то это было бы невозможно сделать, ибо все действовали так хорошо, что ни один человек не может описать их подвиги. А Сид Руйдиес действовал так хорошо и причинил столько смертей маврам, что кровь текла у него от запястья до локтя! В тот день он испытал огромное удовольствие от своей лошади Бавиеки, обнаружив, что так хорошо сидит верхом. И в погоне он настиг царя Юсуфа и трижды поразил его; но царь спасся от меча, потому что конь Сиды пронесся по его следу, и когда он повернул, царь был на быстром коне и был далеко, так что его нельзя было догнать; и он вошел в замок под названием Гайера, потому что христиане преследовали их до сих пор, поражая и умерщвляя и не давая им передышки, так что едва ли пятнадцать тысячам удалось спастись из пятидесяти, что их было ".

МОГИЛА УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА В САН-ПЕДРО-ДЕ-КАРДЕНЬЯ.

Но военная удача непостоянна. В конце концов войска Сид были разбиты захватчиками; и Кампеадор умер от горя в июле 1099 года. Они взяли его тело, забальзамировали его и бодрствовали рядом с ним; затем, согласно легенде поэтов, они сделали так, как велел им Сид: они посадили его на его доброго коня Бавеку и хорошенько пристегнули седло, так что он сидел прямо, с неизменным выражением лица, с яркими и прекрасными глазами, ниспадающей на грудь бородой и верным мечом Тизона в руке. Никто бы не узнал, что он мертв. И они вывели Бавьеку из города: Перо Бермудес впереди со знаменем Уголовного розыска и пятьюстами рыцарями для его охраны, а Донья Химена сзади со своим отрядом и эскортом. Они медленно пробились сквозь ряды осаждающих и направились по дороге в Кастилию, оставив мавров в горьком изумлении по поводу их странного ухода, ибо они не знали, что Сид мертв. Но тело героя было установлено на троне из слоновой кости рядом с великим алтарем Сан-Педро-де-Карденья, под балдахином, на котором были изображены гербы Кастилии и Леона, Наварры и Арагона, а также Сид Кампеадор. Десять лет Сид сидел выпрямившись у алтаря, лицо его оставалось благородным и миловидным, когда, наконец, начали проявляться признаки смерти; поэтому его похоронили перед алтарем, где уже лежала донья Химена; и они оставили его в склепе, все еще выпрямленного в кресле из слоновой кости, все еще в его королевских одеждах, с мечом Тизона в руке, — все еще великим Кампеадором, чей потрепанный щит и знамя победы в запустении висели над его могилой.

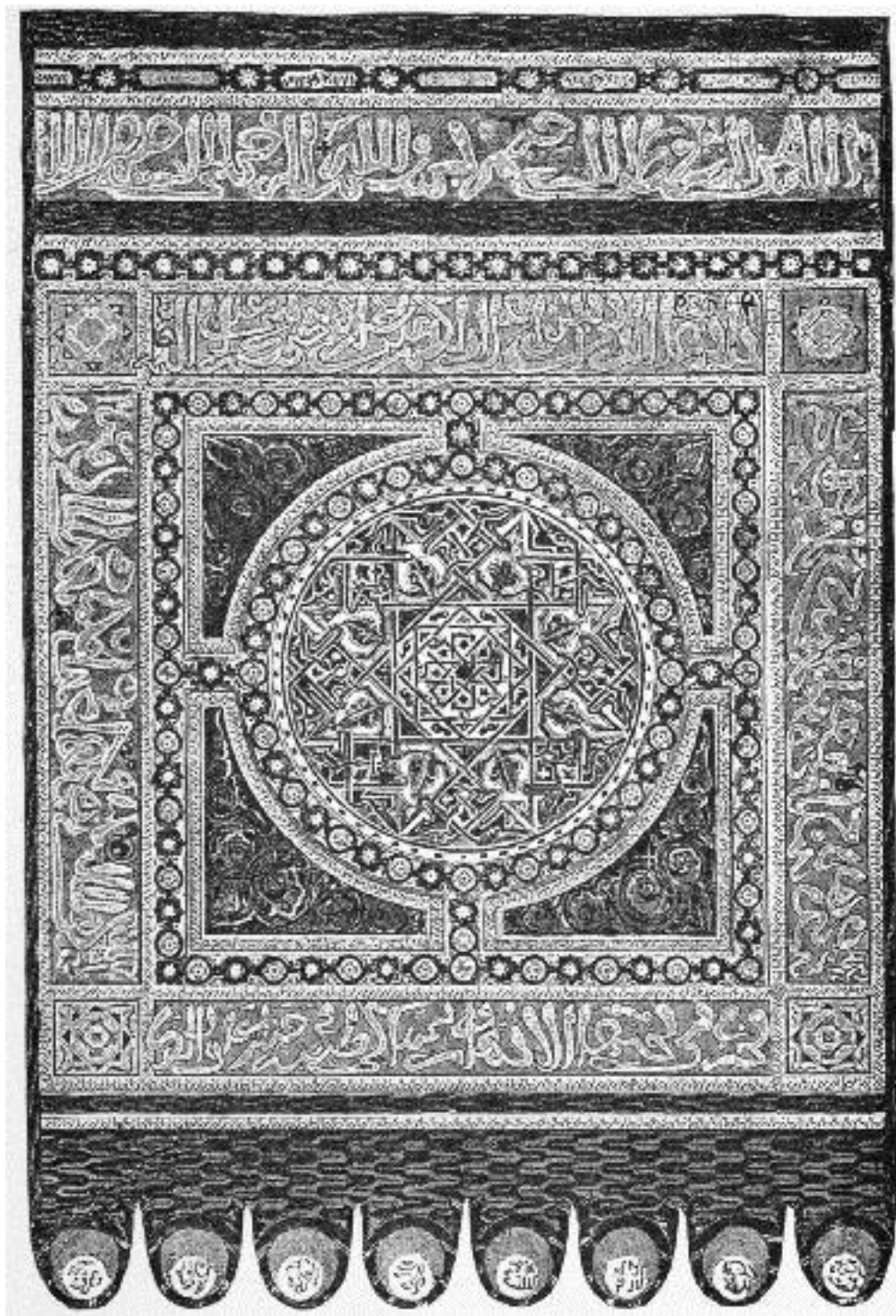

XII.

КОРОЛЕВСТВО ГРАНАДА.

С такими солдатами, как Сид, и такими королями, как Фернандо и Альфонсо, восстановление всей Испании христианами было лишь вопросом времени. Похоже, у каждой нации есть свое время роста и свой период расцвета, после которого наступает эпоха упадка. Как пала Греция, как пал Рим, как каждое древнее царство, известное миру, восставало, торжествовало и пало, так пали мавры в Испании. Их время было уже близко. Они были разобщены и недисциплинированы до аннексии Альморавидами; они были не менее разобщены, когда их берберские хозяева были изгнаны. Но едва Альморавиды исчезли, как на сцене появился новый враг. Альмохады, или фанатичные "унитарии", свергнувшие власть Альморавидов в Африке, решили подражать своим побежденным предшественникам, включив Андалусию в состав своей империи. Разногласия между принцами давно

разрушенного королевства мавров облегчили эту задачу. В 1145 году Альмохады взяли Альхесирас; в 1146 году они заняли Севилью и Малагу, а в следующие четыре года Кордова и остальная южная Испания объединились под их властью. Некоторые князья, действительно, продержались некоторое время, но орды африканских фанатиков были слишком сильны, чтобы какой-либо отдельный вождь мог оказать им длительное сопротивление.

ЗНАМЯ АЛЬМОХАДОВ.

Однако Альмохады и не думали делать Андалусию центром своего правительства. Они управляли ею из Африки, и в результате их влияние на Испанию было слабым. Непокойные провинции Андалусии было нелегко удержать за собой князьям, которые довольствовались депутатами, присланными из Марокко, и случайными экспедициями для отражения

нападений христиан. Когда они вступали в силу, их усилия, как правило, увенчивались успехом. Они одержали блестящую победу над христианами в 1195 году при Аларкосе, недалеко от Бадахоса, где тысячи врагов были убиты, а огромная добыча попала в руки фанатиков. Но судьба войны изменилась, когда в 1212 году гибельное поле при Лас-Навасе решило судьбу Альмохадов. Из 600 000 человек немногие спаслись, чтобы рассказать историю резни. Город за городом переходил в руки христиан, а семейные распри среди иностранцев и нападения соперничающих династий в Африке позволили вождям Андалусии, которым стало не по себе от нерегулярного правления их иностранных хозяев, в 1235 году изгнать альмохадов с полуострова. Арабский вождь Ибн-Худ затем стал хозяином большей части юга Испании и даже Сеуты в Африке; но он умер в 1238 году, и командование Андалузией теперь перешло к Бени-Насру Гранадскому.

Королевство Гранада было последним оплотом мавров в Испании. Теперь им осталось не так уж много. Между 1238 и 1260 годами - Фернандо III. король Кастилии и Хайме I. король Арагона завоевал Валенсию, Кордову, Севилью и Мурсию; и владычество мавров теперь ограничивалось нынешней провинцией Гранада, *то есть*, страной вокруг Сьерра-Невады и морским побережьем от Альмерии до Гибралтара. Однако в этих пределах их королевству было суждено просуществовать еще два с половиной столетия. Несмотря на то, что мавры были окружены со всех сторон, у них были хорошие солдаты. Жители завоеванных городов, самые доблестные воины побежденных мусульманских государств, пришли, чтобы отдать свои мечи в распоряжение единственного оставшегося мусульманского короля. Сообщается, что пятьдесят тысяч мавров бежали под его защиту из Валенсии, а триста тысяч - из Севильи, Хереса и Кадиса. Тем не менее Гранада была вынуждена подчиниться кастильской короне. Основатель династии Бени-Наср, араб по имени Ибн-эль-Ахмар, или "Красный человек", из-за своей светлой кожи и волос, был энергичным правителем, но он не мог противостоять власти христиан, которые теперь владели почти всей Испанией. Он отдал дань уважения Фернандо и его сыну Альфонсо Ученому, однако не без нескольких попыток освободиться от их ига; и с этого времени Гранада с прилегающей территорией, как правило, оставалась в покое у христианских королей, у которых было достаточно дел, чтобы заселить свою и без того обширную приобретенную территорию и покончить с местными претендентами. Время от времени мавры воевали со своими соседями-христианами, но в конце концов им пришлось отойти на второй план. Сумма в двенадцать тысяч золотых дукатов была данью, выплаченной Мухаммедом X. в 1463 году в качестве условия мира. За эти два столетия мавританская территория практически не уменьшилась. Гибралтар был потерян, завоеван и потерян снова; другие места, особенно Альхесирас, стали частью христианских владений; но общая протяженность мусульманского царства в третьей четверти пятнадцатого века оставалась во многом такой же, какой она была в первой половине тринадцатого.

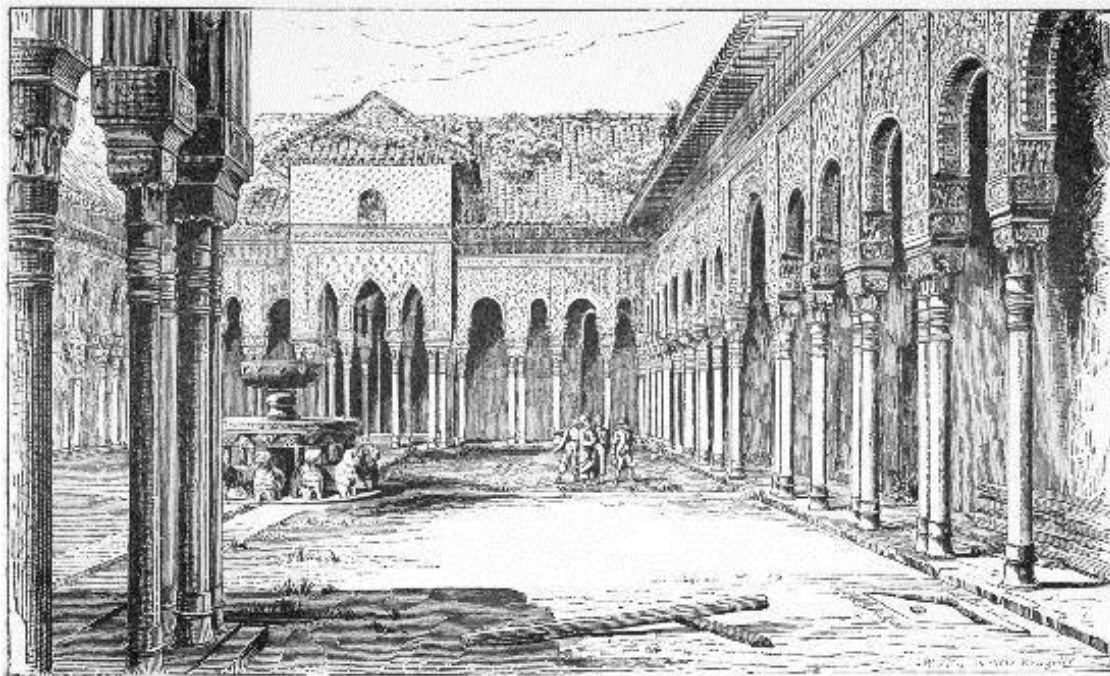
ЩИТ КОРОЛЯ ГРАНАДЫ.

В этот период относительного спокойствия Гранада заняла место Кордовы как родины искусств и наук. Его архитекторы были известны во всей Европе; они построили чудесный "Красный дворец", *Альгамбру*, названный так из-за цвета железистой почвы, на которой он стоит, и покрыли его великолепным золотым орнаментом и арабесковой лепниной, которые до сих пор являются чудом искусства всех стран.^[26] Сама Гранада с ее двумя замками была бесценной жемчужиной. Он стоит на границе богатой равнины, знаменитой "Веги", лежащей у подножия заснеженных "гор Луны", Сьерра-Невады. С высот города, а еще лучше с Альгамбры, которая стоит на страже равнины подобно Афинскому Акрополю, взору открывается прекрасная Вега с ее ручьями и виноградниками, фруктовыми садами и апельсиновыми рощами. Ни один город в Андалусии не был более благоприятным ни по

местоположению, ни по климату; ветры со снежных гор делали терпимым самое жаркое лето, а земля была ни с чем не сравнима.

Место, выбранное маврами для своего знаменитого Красного дворца, представляет собой террасу, ограниченную крутыми ущельями, у подножия которых на севере текут воды реки Дарро. Террасу окружают массивные каменные стены, покрытые штукатуркой и укрепленные через частые промежутки башнями. Замкнутое пространство имеет форму ланцетного листа, лежащего на плоскогорье, с наибольшей протяженностью (около полумили) с востока на запад.

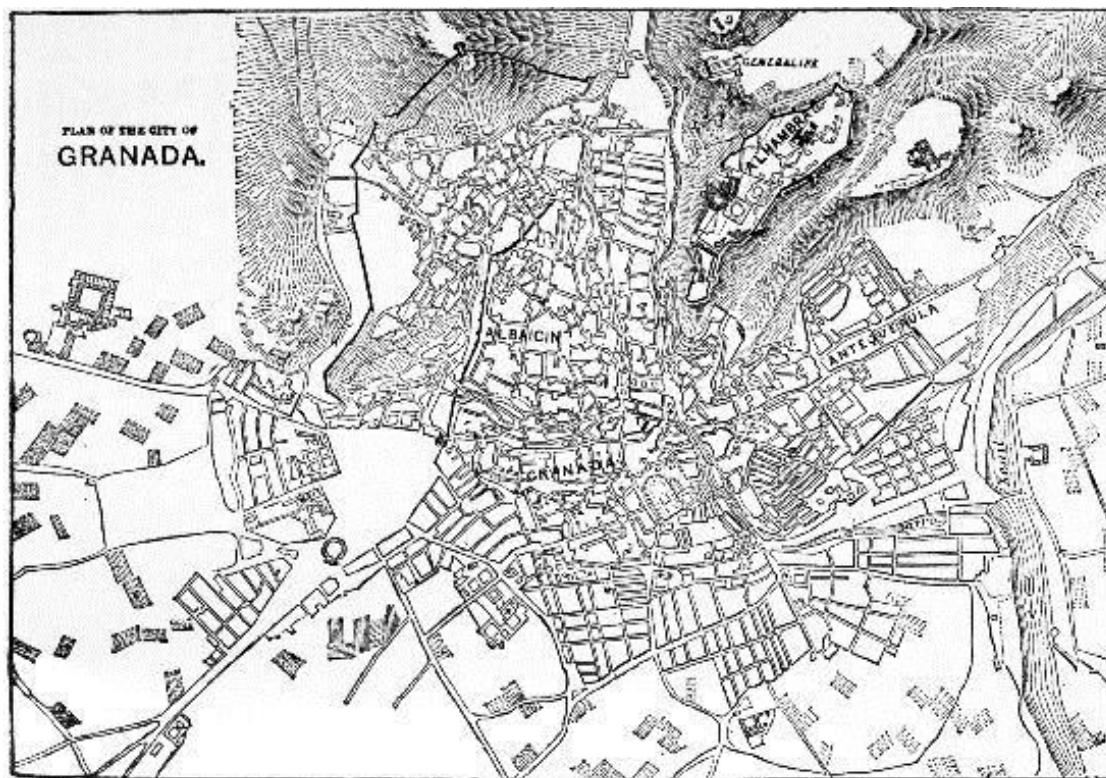
Посетитель попадает на территорию через массивную боевую башню оранжево-красного цвета, пронзенную Воротами Правосудия, под которыми халифы, подобно судьям евреев, обычно вершили судилище. В двадцати восьми футах над тротуаром, над подковообразной аркой, на двух камнях вырезаны кабалистический ключ и гигантская рука. Оказавшись внутри стен, посетитель оказывается на площади, на одной стороне которой находится недостроенный дворец, спроектированный Карлом Пятым. Коридор, по которому сейчас можно попасть в Альгамбру, пересекает угол этого разрушенного строения и ведет посетителя во Двор Миртов, названный так из-за обилия этих кустарников, украшающих его стены. Узкий проход приводит нас во двор длиной сто сорок футов и вдвое меньше шириной, залитый солнечным светом и пестрящий золотыми рыбками, которые резвятся в длинном пруду, занимающем большую часть пространства. Колонны и галереи украшают стены и торцы ограды, а на севере на фоне горизонта возвышается огромная квадратная башня Комарес. Корт - это тихое место; на воде едва заметна рябь, когда она мягко стекает в просторный резервуар и покидает его без журчания; многочисленные золотые рыбки поблескивают в лучах солнца; ничто из внешнего мира не нарушает тишины.

ЛЬВИНЫЙ ДВОР В АЛЬГАМБРЕ.

Все спокойно, но это не унылое, холодное спокойствие разрухи и смерти; мы можем лишь испытывать чувство товарищества с бывшими хозяевами дворца и его окрестностей. Мы проходим через Барку, или вестибюль в форме лодки, в Зал послов и представляем халифа Омейядов, восседающего на своем троне в конце зала; в то время как мы смотрим на высокий купол и позволяем нашим глазам блуждать по большому помещению, восхищаясь

медальонами, изящными иероглифами арабских надписей, изящными узорами штукатурки, которыми украшены стены; балконами, белыми, голубыми и золотыми карнизами и потолком; кругами, коронами и звездами, отлитыми в имитацию свода. о небесах. Мы останавливаемся перед окном, выходящим на Дарро, и думаем о том, как пять веков назад Айша однажды спустила с него Боабдила в корзине; как Карл Пятый сказал о несчастном мавре: "Злополучен был человек, потерявший все это!" Мы представляем перед собой первооткрывателя Америки, каким его рисует традиция, умоляющего в этом месте добрую Изабеллу о милостивом разрешении добавить еще одну драгоценность к ее короне — яркую жемчужину Нового Мира. Мы поднимаемся на террасную крышу башни по узким изгибам крутой лестницы, по которой когда-то поднимались прекрасная леди и доблестный принц, когда они спешили на высокую зубчатую стену, чтобы понаблюдать за приближением какой-нибудь армии или с тревогой изучать ход битвы на Веге. Наши глаза обшаривают широкие просторы в поисках того моста в Пиносе, где Мавр и Кристиан не раз боролись за господство. Мы помним, что именно в этом месте гонец Изабеллы догнал отчаявшегося Колумба, когда тот передавал ему отзыв королевы, когда моряк брел в другие королевства, чтобы донести свое смелое предложение до других и, как он надеялся, более милостивых государей. Нас не волнует, что это место определяется только традицией; традиции и романтика - часть очарования Альгамбры.

ПЛАН ГРАНАДЫ

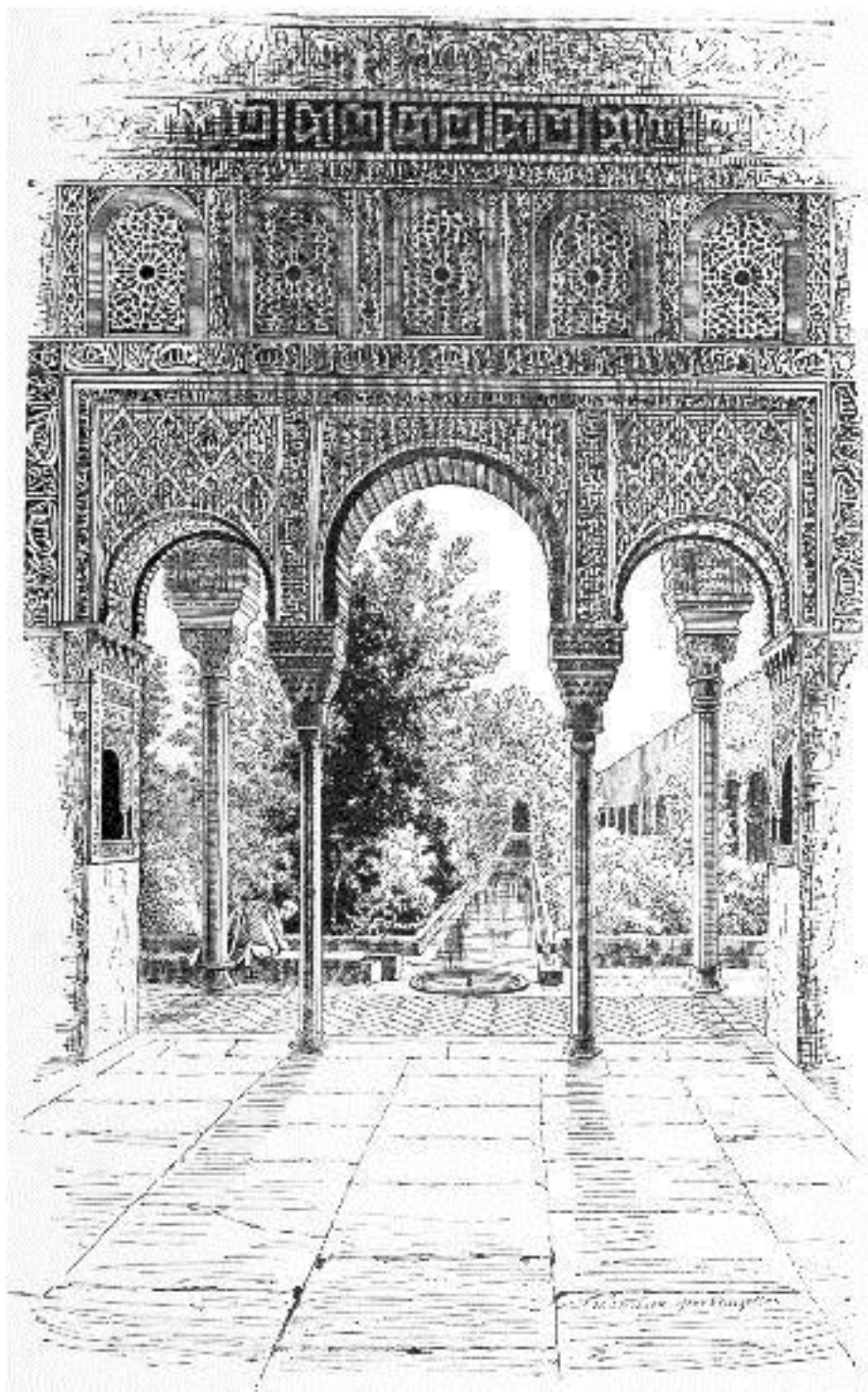
ЛОНДОН: Т. ФИШЕР АНВИН, ПАТЕРНОСТЕР-СКВЕР, Е.С.

В наших поисках по замысловатому плану здания мы оказываемся в будуаре Султанши, из окон которого открывается тот же вид на Вегу, пейзаж, которому расстояние придает наибольшее очарование. Нам со всех сторон напоминают о роскоши былых времен, когда мы видим отверстия в белом мраморном полу у входа, через которые поднимались ароматы лекарств, которые, по преданию, сжигались под полом, чтобы воздух в апартаментах дамы наполнился их сладкими ароматами. Мы смотрим вниз, в сад Линдараджи, на который Ирвинг тоже смотрел, когда занимал эти апартаменты, ставшие историческими благодаря ему. Сам сад едва ли заслуживает внимания, поскольку это мало возделанный двор; но

рядом находятся бани султанов с их тонкой филигранной работой, замысловатым узором и блестящей мозаикой. Здесь есть фонтан, который журчит в нежном ритме, как бы в такт гармонии, которую музыканты лили с балконов, когда дамы харим наслаждались удовольствиями восточной бани или отдыхали на золотых скатертях. Каждая ванна, вырезанная из цельного куска белого мрамора, располагалась в отдельном сводчатом помещении и освещалась ажурными звездами и розами.

Пожалуй, самой знаменитой частью всего дворца является Львиный двор, который занимает площадь несколько меньшую, чем площадь Миртового двора. Сто двадцать восемь беломраморных колонн, расположенных симметрично по три-четыре, поддерживают галереи, которые поднимаются на не очень большую высоту; но чрезвычайная грациозность и изящество их разнообразных капителей, тонкий орнамент, остатки золота и красок, приподнятые оранжевидные купола, изящные минареты, бесчисленные арки, прекрасные в своем лабиринтообразном дизайне, пустой бассейн, в который двенадцать застывших и неестественных "львов" когда-то изливали свои постоянные потоки охлаждающей воды, алебастровый резервуар, составляют целое, которое поэзия и романтика воспели даже до наших дней. экстравагантность.

Из этого прекрасного двора через дверь, украшенную редкими узорами, вас проводят в Зал Абенсеррахов, названный так по легенде, согласно которой в его стенах главы этой семьи были обезглавлены по приказу Боабдила. Удобные места на каменном полу выставлены доверчивым посетителям как свидетельства того, что там была пролита кровь. Приятный и мирный свет, проникающий в квартиру через шестнадцать просторных окон в сталактитовой крыше в форме звезды, освещающий ее арки, украшенные лазурным и алым орнаментом, кажется совершенно неуместным для такой сцены резни, и милосердие заставило бы нас, если бы не история, усомниться в том, что пятно должно лечь на память о Боабдилье.

САД ХЕНЕРАЛИФЕ, ГРАНАДА.

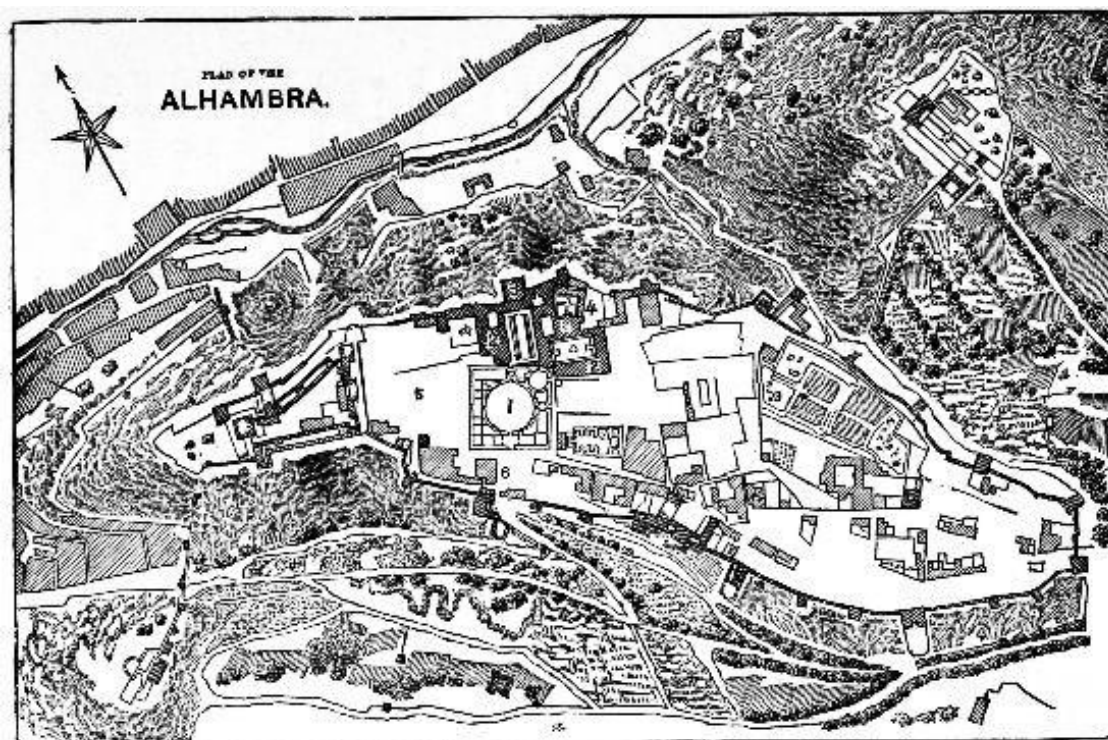
У нас не хватит времени пройти через все дворы и залы этого обширного здания, и мы должны пройти по дороге, пересекающей ущелье Лос Молинос, поросшее инжиром и фисташками, лаврами и розами, к другому дворцу, Хенералифе, или "Саду землемера". Это "Загородный дом" большого дворца, и что касается внешнего вида здания, то оно представляет собой обычную простоту восточных построек. Вот стены без окон, террасы, галереи, аркады — все это находится в разрушенном состоянии. Изящные арабески покрыты толстым слоем побелки; прекрасные скульптуры исчезли, и внутренняя красота здания давно утрачена; но очарование садов и водоемов сохранилось. Быстрый ручей протекает по искусственному каналу из мрамора по всей длине ограждения под рядом аркад и ширм из листьев, образованных причудливо изогнутыми тисами, в то время как кипарисы и

апельсиновые деревья отбрасывают свои прохладные тени на воду. Струи и фонтаны, быстрые ручьи и тихие пруды, маленькие бассейны, приютившиеся под древними заливами, журчащие речушки и извилистые русла, отражающие голубизну неба, смешаны с высочайшим мастерством, и это сочетание создает один из самых очаровательных эффектов, которые только можно себе представить.

"Здесь, - говорит Ирвинг, - есть все, чтобы доставить удовольствие южному сладострастнику: фрукты, цветы, ароматы, зеленые беседки и миртовые изгороди, нежный воздух и журчащая вода. Здесь у меня была возможность стать свидетелем тех сцен, которые художники любят изображать в южных дворцах и садах. Это был день святой дочери графа, и она привезла нескольких своих юных спутниц из Гранады, чтобы провести долгий летний день в продуваемых ветром залах и беседках мавританского дворца. Утренним развлечением был визит в "Хенералифе". Здесь несколько веселых товарищей разбились на группы по зеленым дорожкам, ярким фонтанам, итальянским ступеням, благородным террасам и мраморным балюстрадам. Другие, среди которых был и я, заняли свои места на открытой галерее или колоннаде, откуда открывался обширный вид; далеко внизу виднелись Альгамбра, сити, Вега и далекий горный горизонт — сказочный мир, мерцающий для глаз в лучах летнего солнца. Пока мы сидели таким образом, из долины Дарро донесся всепроникающий звон гитары и шелканье кастаньет, и на полпути вниз с горы мы увидели праздничную вечеринку под деревьями, веселящуюся в истинно андалузском стиле: одни лежали на траве, другие танцевали под музыку".

Из разрушенного здания открывается, пожалуй, самый удовлетворительный вид на Альгамбру, поскольку красноватая линия ее полуразрушенных стен прослеживается вдоль неровностей горы, на которой оно стоит; в то время как белые хребты Сьерра-Невады создают великолепный фон для картины и оттеняют тяжелую массу недостроенного дворца Карла Пятого.

Два столетия процветания при могущественном христианском государстве почти на расстоянии выстрела из лука - это было все, на что имели право рассчитывать мавры; и ближе к третьей четверти пятнадцатого века появились признаки того, что вот-вот прозвучит их похоронный звон. Союз Арагона с Кастилией в результате брака Фердинанда и Изабеллы стал роковой нотой. Два таких монарха не могли долго оставлять мавров в покое в их уголке полуострова. Мулей Али, широко известный под своей фамилией Абу-л-Хасан (которую испанцы меняют на Альбоасен, а многие английские писатели - на Абен Хасан), обладавший пылкой и воинственной натурой, решил заранее присоединиться к их католическим величествам в начале игры в войну. Он отказался платить обычную дань, и когда посол Фердинанда стал настаивать, он ответил: "Скажите своим государям, что короли Гранады, которые платили дань, мертвы: наш монетный двор теперь чеканит только лезвия мечей!" Чтобы сделать смысл своих слов безошибочным, он продолжил совершать набег на земли христиан. Захара была местом, которое он выбрал для нападения. Талантливый американский писатель рассказал историю последних войн мавров в своем собственном красноречивом стиле; и мы должны следовать за Вашингтоном Ирвингом в рассказе о нападении на Захару.^[27]

1. Дворец Карла V.	4. Зал двух сестер.
2. Casa Real.	5. Место цистерн.
3. Башня Комарес.	6. Врата правосудия.

ЛОНДОН: Т. ФИШЕР АНВИН, ПАТЕРНОСТЕР-СКВЕР, Е.К.

"В год от Рождества Христова тысяча четыреста восемьдесят первый, всего через одну или две ночи после праздника пресвятого Рождества Христова, жители Захары погрузились в глубокий сон; сам часовой покинул свой пост и искал убежища от бури, которая бушевала снаружи три ночи подряд; ибо казалось маловероятным, что враг окажется снаружи во время такого буйства стихий. Но злые духи лучше всего действуют во время шторма. Посреди ночи в стенах Захары поднялся шум, более ужасный, чем бушующий шторм. Страшный крик тревоги: "Мавр!" - "Мавр!" - разнесся по улицам, смешиваясь со звоном оружия, воплями боли и криками победы. Мулей Абу-л-Хасан во главе мощного отряда поспешил из Гранады и незамеченным прошел через горы в темноте из-за бури. В то время как буря сбросила часового с его поста и бушевала вокруг башен и зубчатых стен, мавры установили свои штурмовые лестницы и надежно забрались как в город, так и в замок. Гарнизон не подозревал об опасности, пока у самых его стен не разразились сражения и резня. Перепуганным жителям показалось, что демоны воздуха прилетели на крыльях ветра и овладели башнями. Боевой клич раздавался со всех сторон, крик отвечал на крик, вверху, внизу, на зубчатых стенах замка, на улицах города; враг был повсюду, окутанный мраком, но действовавший согласованно с помощью заранее подготовленных сигналов. Пробудившись ото сна, солдаты были перехвачены и зарублены, когда они выбегали из своих помещений; или, если они убегали, они не знали, где собраться или куда нанести удар. Всякий раз, когда появлялись огни, сверкающий ятаган совершал свою смертоносную работу, и все, кто пытался сопротивляться, падали под его острием. Вскоре борьба подошла к концу. Те, кто не

был убит, укрылись в тайных местах своих домов или сдались в плен. Лязг оружия прекратился, и буря продолжала завывать, смешиваясь со случайными криками мавританских солдат, бродивших в поисках добычи. Пока жители дрожали за свою судьбу, по улицам разнесся звук трубы, призывающий их всех собраться безоружными на городской площади. Здесь они были окружены солдатами и строго охранялись до рассвета. Когда забрезжил день, было печально видеть это некогда процветающее сообщество, которое прилегло отдохнуть в мирной безопасности, а теперь столпилось вместе без различия возраста, звания или пола и почти без одежды во время сильного зимнего шторма. Свирепый мулей Абу-л-Хасан остался глух ко всем увещаниям и приказал доставить их пленными в Гранаду. Оставив сильный гарнизон как в городе, так и в замке с приказом привести их в состояние полной обороны, он возвратился, окрыленный победой, в свою столицу, войдя в нее во главе своих войск, нагруженный добычей и с триумфом неся знамена, взятые при Захаре. Пока шли приготовления к рыцарским поединкам и другим празднествам в честь этой победы над христианами, прибыли пленники Захары — жалкая вереница мужчин, женщин и детей, измученных усталостью и измученных отчаянием, которых отряд мавританских солдат загнал, как скот, в городские ворота".

Цивилизованные жители Гранады были потрясены жестокостью Абу-л-Хасана и почувствовали, что это начало конца. "Горе Гранаде!" - кричали они. "Близок час его опустошения. Руины Захары падут на наши собственные головы!"

Возмездие было не за горами. Грозный маркиз Кадисский захватил замок Альхама врасплох и таким образом разместил христианский гарнизон в самом сердце мусульманской территории, недалеко от самой Гранады. Напрасно Мулей Абу-л-Хасан осаждал захваченный замок; христиане внутри проявили чудеса доблести при его защите и удерживали крепость, пока их друзья не пришли им на помощь. *Ay de mi Alhama!* "Горе моей Альхаме!" - раздался крик в Гранаде. "Альхама пала; ключ от Гранады в руках неверных!" Байрон познакомил всех с жалобной балладой, которую он неправильно перевел:

Pasavase el rey Moro
Por la ciudad de Granada,
Desde las puertas de Elvira
Hasta las de Bivarambla.
Ay de mi Alhama!

С тех пор замок стал больной занозой в боку мавританских королей, ибо оттуда храбрый граф Тендильо напал на Вегу и произвел бесконечные разрушения. "Это было приятное и освежающее зрелище", — говорит иезуитский хронист[28], изобретенное Вашингтоном Ирвингом, - "видеть благочестивого рыцаря и его последователей, возвращающихся из одного из этих крестовых походов, оставляя позади себя богатую землю неверных в дымящемся запустении: видеть длинную вереницу мулов и ослов, нагруженных добычей язычников, полчища пленных мавров, мужчин, женщин и детей; стада крепких коров, мычащий крупный рогатый скот и блеющие овцы - все взбираются по крутому склону к воротам Альхамы, преследуемые католическими солдатами.... По ночам это было ужасное зрелище - клубы черного дыма, смешанного с яростным пламенем, поднимавшиеся из горящих пригородов, и женщины на городских стенах, заламывающие руки и кричащие при виде запустения в своих жилищах".

Разгоряченные своими соответствующими завоеваниями, обе стороны занимались рейдами, подобными этому, без особого результата, если не считать общего опустошения и

раздражения. Христиане, наконец, предприняли попытку организовать движение более широкого масштаба. Они решили вторгнуться в провинцию Малага и, собрав силы юга во главе с маркизом Кадисским и другими прославленными воинами, отправились в свой роковой поход. "Это было в среду[29], когда армия отважных воинов выступила из древних ворот Антекеры. Они шли весь день и ночь, тайно пробираясь, как они предполагали, через горные перевалы. Поскольку участок местности, который они намеревались разграбить, находился далеко на мавританских территориях, недалеко от побережья Средиземного моря, они прибыли туда только поздно вечером следующего дня. Проходя через эти суровые и высокие горы, их путь часто пролегал по дну барранки, или глубокой скалистой долины, по которой бежал скудный ручей, среди рыхлых скал, которые он разбил и скатил вниз во время своего осеннего буйства. Иногда их дорогой была просто рамбла, или высохшее русло потока, прорезанного глубоко в горах и заполненного их обломками. Над этими барранкас и рамблас нависали огромные скалы и пропасти, служившие местами засад во время войн между маврами и испанцами, а впоследствии они стали излюбленным местом разбойников, подстерегавших незадачливого путника.

Когда солнце село, кавалеры поднялись на высокую часть гор, откуда справа от них открывался вид на часть прекрасной Веги Малаги с голубым Средиземным морем за ней, и они приветствовали это с ликованием, как проблеск земли обетованной. С наступлением ночи они достигли цепи маленьких долин и деревушек, запертых среди этих скалистых возвышенностей и известных среди мавров под названием Аксаркия. Здесь их хваленым надеждам было суждено встретить первое разочарование. Жители узнали об их приближении; они увели свой скот и имущество и вместе с женами и детьми укрылись в башнях и крепостях в горах.

Разъяренные своим разочарованием, войска подожгли опустевшие дома и двинулись вперед, надеясь на лучшую удачу по мере продвижения. Дон Алонсо де Агилар и другие кавалеристы из авангарда рассредоточили свои силы, чтобы опустошить страну, захватив несколько задержавшихся стад крупного рогатого скота вместе с мавританскими крестьянами, которые гнали их в какое-нибудь безопасное место.

В то время как этот мародерский отряд нес огонь и меч в наступлении и освещал горные утесы пламенем деревень, магистр Сантьяго, возглавлявший арьергард, поддерживал строгий порядок, держа своих рыцарей в боевом порядке, готовых к атаке или защите в случае появления врага. Воины Святого Братства попытались отправиться в странствия в поисках добычи, но он отозвал их обратно и сурово отчитал.

Наконец они добрались до части горы, полностью изрезанной барранкас и рамблас, огромной глубины, усеянной скалами и пропастями. Было невозможно поддерживать порядок марша; у лошадей не было места для действий, и ими едва можно было управлять, поскольку им приходилось карабкаться с камня на камень, вверх и вниз по ужасным склонам, где горному козлу едва хватало опоры. Проезжая мимо горящей деревни, свет пламени показал их запутанное положение. Мавры, укрывшиеся на сторожевой башне на возвышенности, издавали ликующие крики, когда смотрели вниз на этих сверкающих всадников, боровшихся и спотыкающихся среди скал. Совершив вылазку из своей башни, они овладели утесами, нависавшими над ущельем, и забрасывали врага дротиками и камнями.

Оказавшись в столь критической ситуации, магистр Сантьяго отправил гонцов в поисках помощи. Маркиз Кадисский, как верный товарищ по оружию, поспешил ему на помощь со

своей кавалерией. Его приближение остановило атаки врага, и мастер, наконец, смог вывести свои войска из ущелья....

"Адалидам, или проводникам, было приказано вывести нас из этого места резни. Они, решив провести их наиболее безопасным путем, повели их крутым и скалистым перевалом, трудным для пеших солдат, но почти неприступным для кавалерии. Над ним нависали пропасти, откуда на них сыпался град камней и стрел, сопровождаемый дикими воплями, которые приводили в ужас самые отважные сердца. В некоторых местах они могли проходить только по одному, и часто мавританские дротики пронзали их коня и всадника, мешая продвижению своих товарищей в их предсмертной борьбе. Окружающие пропасти были освещены тысячью тревожных огней; на каждой скале горело пламя, при свете которого они видели своих врагов, перепрыгивающих со скалы на скалу и больше похожих на демонов, чем на смертных людей. То ли из-за ужаса и растерянности, то ли из-за настоящего незнания местности их проводники, вместо того чтобы вывести их из гор, завели еще глубже в их роковые закоулки. Утро застало их на узкой рамбле; ее дно образовано обломками скал, где когда-то бушевал горный поток; в то время как над ними нависали огромные засушливые утесы, над вершинами которых они видели головы своих свирепых и ликующих врагов в тюрбанах....

Весь день они предпринимали безуспешные попытки выбраться из гор. Столбы дыма поднимались с высот, где предыдущей ночью горел сигнальный огонь. Горцы собирались со всех сторон: они толпились на каждом перевале, преграждая путь христианам и занимая гарнизоны на утесах, похожих на множество башен и зубчатых стен.

Ночь снова опустилась на христиан, когда они оказались запертыми в узкой долине, пересекаемой глубоким потоком и окруженной пропастями, которые, казалось, достигали неба и на которых пылали сигнальные костры. Внезапно по долине разнесся новый крик. Эз-Загель! Эз-Загель! Эхом отдалось от утеса к утесу. "Что это за крик?" - спросил магистр Сантьяго. "Это боевой клич Эз-Загеля, мавританского генерала, - сказал старый кастильский солдат. - Должно быть, он собственной персоной приближается с войсками Малаги".

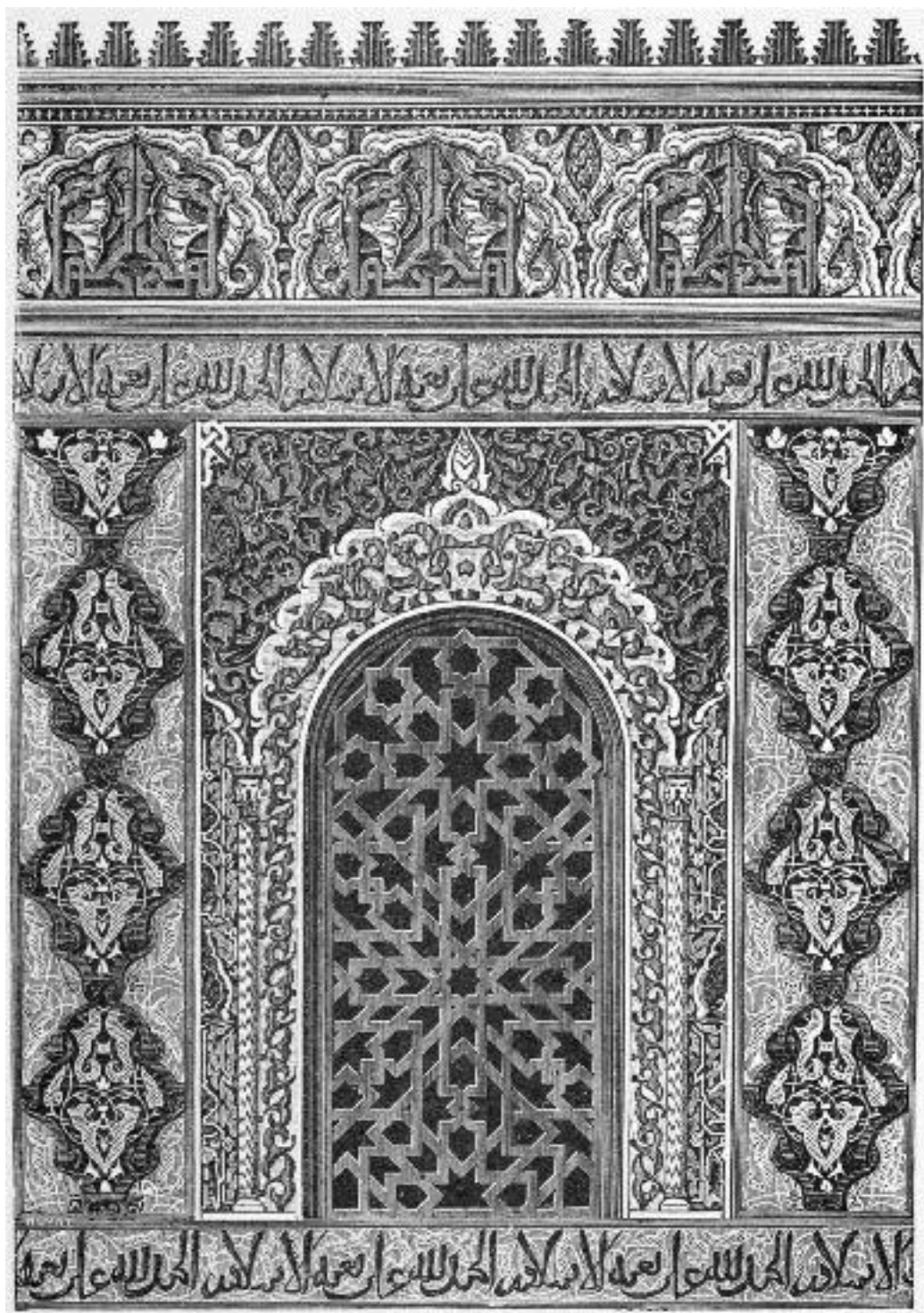
Достойный Магистр обратился к своим рыцарям: "Давайте умрем, - сказал он, - прокладывая дорогу нашими сердцами, раз уж мы не можем это сделать нашими мечами. Давайте взберемся на горы и дорого продадим наши жизни, вместо того чтобы оставаться здесь и быть покорно убитыми.

С этими словами он повернул своего коня к горе и пришпорил его, взбираясь по ее каменистому склону. Конные и пешие последовали его примеру, стремясь, если уж им не удастся спастись бегством, нанести врагу хотя бы смертельный удар. Когда они с трудом взбирались на вершину, мавры осыпали их страшным градом дротиков и камней. Иногда обломок скалы, подпрыгивая и грохоча, падал вниз, прокладывая себе путь сквозь середину их воинства. Пешие солдаты, терявшие сознание от усталости и голода или искалеченные ранами, держались за хвосты и гривы своих лошадей, чтобы помочь им подняться, в то время как лошади, потеряв равновесие среди сыпучих камней или получив какую-нибудь внезапную рану, скатывались вниз по крутому склону, а конь, всадник и солдат перекатывались со скалы на скалу, пока их не разбило вдребезги в долине. В этой отчаянной борьбе Альферес, или знаменосец Мастера, со своим штандартом погиб, как и многие из его родственников и самых близких друзей. Наконец ему удалось взобраться на вершину горы; но это было лишь для того, чтобы столкнуться с новыми трудностями. Перед ним лежала дикая местность из скал и неровных долин, окруженная жестокими врагами. Не имея ни знамени, ни трубы, с помощью которых можно было бы сплотить свои войска, они

разошлись в разные стороны, каждый намереваясь спастись от горных пропастей и стрел врага. Когда благочестивый Магистр Сантьяго увидел разбросанные остатки своего недавно доблестного войска, он не мог сдержать своей скорби: "О Боже! - воскликнул он. - Велик Твой гнев сегодня против Твоих слуг! Ты превратил трусость этих неверных в отчаянную отвагу и сделал крестьян и грубиянов победителями над вооруженными воинами!"

"Он охотно сохранил бы своих пехотинцев, собрал бы их вместе и выступил бы против врага; но окружающие умоляли его думать только о своей личной безопасности. Остаться означало погибнуть, не нанеся удара; бежать означало сохранить жизнь, которую можно было посвятить мести маврам. Учитель неохотно уступил их совету. "О Господь Саваоф, - снова воскликнул он, - я бегу от Твоего гнева, а не от этих неверных. Они всего лишь орудия в Твоих руках, чтобы наказать нас за наши грехи!" С этими словами он выслал вперед проводников и, прищипорив своего коня, промчался через горное ущелье, прежде чем мавры смогли перехватить его. В тот момент, когда Учитель пустил своего коня вскачь, его войска разбежались во всех направлениях: некоторые попытались пойти по его следам, но запутались в горных лабиринтах. Они разбежались туда-сюда, многие погибли в пропастях, другие были убиты маврами, а третьи взяты в плен".

Ужасы той ночи в горах Малаги не были быстро забыты христианами. Они горели жадной мести; и когда "Боабдил" (правильно Абу-Абдаллах), король Гранады, временно отстранивший своего отца от власти, совершил стремительный набег на земли христиан, они предприняли сигнальную месть. Боабдил шел тайно, ночью, но его передвижения недолго оставались незамеченными. На вершинах холмов горели сигнальные огни, и граф Кабра, разбуженный их пламенем, поднял тревогу и собрал вождей округа. Они напали на Вересковые пустоши близ Лусены и, пользуясь прикрытием леса, предприняли столь искусную атаку, что враг повернул вспять. "Помните о горах Малаги!" - раздался зловеющий клич, когда христианские рыцари прищипорили своих лошадей, преследуя мусульман: с криками Святого Иакова они бросились на них, и отступление превратилось в полный разгром. Когда беглецы вошли в ворота Гранады, по городу прокатилась волна плача: "Прекрасная Гранада, как померкла твоя слава! Цвет твоего рыцарства низко пал в стране чужеземцев; Биварамбла больше не отзывается эхом на топот коней и звуки труб; она больше не переполнена твоими юными вельможами, великолепно одетыми для состязаний. Прекрасная Гранада! нежные звуки лютни больше не разносятся по твоим залитым лунным светом улицам; серенады больше не слышны под твоими балконами; веселые кастаньеты умолкают на твоих холмах; грациозный танец Самбры больше не слышен под твоими беседками. Прекрасная Гранада! почему Альгамбра такая заброшенная? Апельсин и мирт все еще вдыхают свои ароматы в его шелковые покои; соловей все еще поет в его рощах; его мраморные залы все еще наполняются плеском фонтанов и журчанием прозрачных ручейков! Увы! лик короля больше не сияет в этих залах. Свет Альгамбры погас навсегда!"

ОКНО В АЛЬГАМБРЕ.

Боабдиль действительно попал в плен и теперь находился на пути в Кордову, в то время как Фердинанд разорял Вегу, а старый Мулей Абу-л-Хасан, который теперь вернулся в свое королевство, скрипел зубами в бессильной ярости за своими крепостными стенами.

XIII.

ПАДЕНИЕ ГРАНАДЫ.

Захват Боабдила христианскими монархами стал смертельным ударом по мавританскому могуществу. Потеря самого принца была наименьшей частью несчастья. Боабдил, хотя и мог проявить истинно мавританскую храбрость на поле боя, был слабым и колеблющимся человеком, и его постоянно угнетало убеждение, что судьба была против него. Он был известен как Эз-Зогейби, "Невезучий", и он всегда оплакивал свою злую звезду, бороться с которой, по его мнению, было бесполезно. "Воистину, - восклицал он после каждой неудачи, - в книге судеб было написано, что мне не повезет и что королевству придет конец под моим правлением!" Боабдила можно было легко пощадить; но каким бы безобидным он ни был сам по себе, он мог стать опасным в руках умного противника; и события показали, что подчинение Боабдила Фердинанду внесло такой же вклад, как и любая другая причина, в свержение мавританской власти в Андалусии. Католические монархи с почестями приняли его в Кордове и дружескими уговорами и доводами, основанными на его собственном отчаянном положении и сильно контрастирующих успехах христиан, побудили его стать их орудием и вассалом.

Как только они почувствовали, что полностью овладели своим инструментом, политичные король и королева позволили ему вернуться в Гранаду, где его отец Абу-л-Хасан снова удерживал крепость Альгамбра. Пользующийся благосклонностью своих старых сторонников в альбайсинском квартале города, Боабдил сумел проникнуть внутрь и

захватить цитадель или крепость под названием Алькасаба, откуда он вел партизанскую войну со своим отцом в противоположном форте. Ссора еще больше обострилась из-за соперничества между женами Абу-л-Хасана. Айша, мать Боабдила, сильно ревновала к христианке Зорайе, которую Абу-л-Хасан любил гораздо больше других своих жен; и главные придворные встали на сторону обеих цариц. Так возник знаменитый антагонизм между зегри, берберским племенем из Арагона, поддерживавшим Айшу, и Абенсеррахами, или Бени-Серраджами, старинной кордовской семьей, который закончился знаменитой резней Абенсеррахов во дворце Альгамбра, хотя вопрос о том, был ли Боабдил автором этой бойни, до сих пор вызывает сомнения. Поддерживаемый зегри, Боабдил некоторое время удерживал свои позиции в цитадели. Однако старый Абу-л-Хасан был слишком силен для него, и сын вскоре был вынужден укрыться в Альмерии. С тех пор в Гранаде всегда было два короля: с одной стороны, Боабдил, которому всегда не везло ни в политике, ни в сражениях, и которого добрые мавры презирали как вассала общего врага; с другой стороны, Абу-л-Хасан, или, скорее, его брат Эз-Загал, "Доблестный", ибо старый король недолго пережил несчастья, которые принес королевству мятеж его сына. Он потерял зрение и вскоре после этого скончался, не без подозрений в нечестной игре.

В Эз-Загале мы видим последнего великого мавританского короля Андалусии. Он был доблестным воином, твердым правителем и решительным противником христиан. Если бы его племянник не мешал ему, Гранада, возможно, оставалась бы в руках мавров при его жизни, хотя ничто не могло бы помешать окончательному торжеству христиан. Однако вместо того, чтобы отсрочить эту победу, короли Гранады сделали все возможное, чтобы продвинуть ее своими внутренними спорами. *Вопрос о том, почему король должен пасть, приусадебный*: когда боги постановляют, что король должен пасть, они сначала наполняют его безумием. Подобная мания самоубийства теперь овладела умами правителей Гранады; в то время, когда для отражения вторжения христиан требовался каждый человек, которого они могли собрать вместе, они растрачивали свои силы в разрушительной борьбе друг с другом, и один даже перехватывал армию другого, когда она выступала против общего врага. Народ Гранады, разделенный на различные фракции, помогал и подстрекал к ревности своих суверенов: всегда непостоянные и склонные к любым переменам, хорошим или плохим, гранадинцы ничего так не любили, как устанавливать и низвергать королей. Пока правителю сопутствовала удача в войне и он привозил богатую добычу с территорий "неверных", они были рады подчиниться его власти; но как только он терпел неудачу, они захлопывали ворота перед его носом и кричали: "Да здравствует другой!" — кто мог бы быть Боабдилом, или Эз-Загалом, или любым другим человеком, которому случилось на мгновение завладеть переменчивыми привязанностями Гранады.

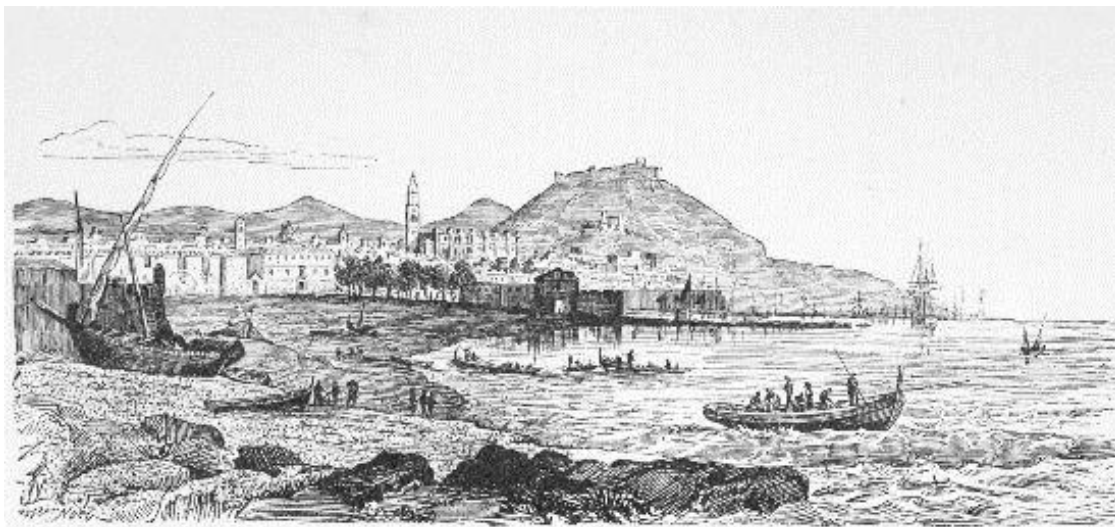

В то время как Боабдил Невезучий делал все возможное, чтобы сорвать усилия своего храброго дяди Эз-Загала, христиане постепенно сужали круг, который они очертили вокруг обреченного королевства. Город за городом попадал в их руки. Алора и другие форты были взяты в 1484 году с помощью тяжелых "ломбардов" Фердинанда - нового и разрушительного вида артиллерии. Койн, Картама, Ронда последовали в следующем году, не без энергичных репрессий со стороны Эз-Загала, который поймал рыцарей Калатравы в засаду и устроил ужасную резню. Тем не менее, христианские завоевания неуклонно продолжались. Локса пала в 1486 году, когда английский граф, лорд Скейлс, с отрядом английских лучников возглавил атаку. Иллора и Моклин пали жертвой; "Правый глаз Гранады погас", - в ужасе воскликнули мавры. "Католические монархи подрезали правое крыло мавританскому

стервятнику", - так прокомментировали это христиане. Западная часть королевства действительно была поглощена Фердинандом и его бесстрашной супругой. Гранат (*granada*) пожирала зернышко за зернышком. Эз-Загал стал непопулярен среди жителей, которые не могли смириться с разочарованием, и они снова приняли Боабдила в свой город. Ему было нелегко удерживать там плацдарм против своего дяди; но с помощью нескольких войск, предоставленных христианами, ему удалось некоторое время держаться в страхе. Как раз в то время Фердинанд осаждал Велес, близ Малаги, и это известие вызвало сильнейшее чувство негодования в Гранаде, ибо Малага была вторым городом королевства. Его расположение, окруженное горами и морем, его виноградники и фруктовые сады, огороды и пастбища, а также прекрасные оборонительные сооружения сделали его правой рукой мусульманского королевства. Если Малага пала, то Альгамбра тоже должна перейти в руки "пожирателей свиного мяса". Тронутый всеобщим волнением и всегда готовый сразиться с захватчиком, Эз-Загал смело повел свои войска на помощь Велесу. Он знал, что его вероломный племянник находится в Гранаде, готовый воспользоваться его отсутствием, чтобы восстановить свое бывшее превосходство; но Эз-Загала по праву называли Доблестным; он отбросил все мысли о себе и отправился спасать Малагу. Но ему пришлось иметь дело с проницательным противником; и пока он принимал меры для совместной атаки осажденных и армии, идущей на выручку, Фердинанд перехватывал его сообщения и разрушал его планы. Однажды ночью жители Велеса увидели войска Эз-Загала, собравшиеся в длинном строю на соседних высотах; на следующее утро там не осталось ни души; ночная атака провалилась, и армия, пришедшая на выручку, растаяла, как туман, перед решительным натиском маркиза Кадисского. Когда удрученные отставшие начали печально пробираться к воротам Гранады, население легко отбросило свою старую верность и, разразившись яростным негодованием против Эз-Загала, объявило его предателем и провозгласило королем Боабдила вместо него. Когда Эз-Загал с остатками своей армии приблизился к воротам Гранады, он обнаружил, что они закрыты у него перед носом, и, подняв глаза, увидел знамя Боабдила, реющее над башнями Альгамбры. Его город, всегда нетерпимый к неудачам, закрыл от него свое сердце в трудный для него день, поэтому он отвернулся и основал свой двор в Гуадиксе.

Теперь началась осада самой Малаги, но мощь ее обороны делала ее непреодолимым препятствием. Он был окружен горами, защищен прочными стенами, затенен цитаделью и еще более высоким Гибралфаро, или "Холмом Маяка", откуда его гарнизон мог обстреливать христиан на равнине. Более того, обороной руководил Эз-Зегри, героический мавр, который был алькайдом Ронды и не мог простить христианам того, что они отняли у него эту знаменитую скалистую крепость, и который теперь вдохновлял горожан и своих последователей в африканских войсках духом отваги и стойкости, которые католические монархи тщетно пытались подавить. Командуя Гибралфаро, он смог защитить город, несмотря на мирные наклонности его торговых кругов. Когда король попытался подкупить его, он отпустил гонца с вежливым пренебрежением; и когда город был вынужден сдаться, а купцы охотно согласились, Эз-Зегри сказал: "Я был послан сюда не для того, чтобы сдаваться, а для защиты". Фердинанд сосредоточил свою атаку на Гибралфаро; его ужасная пушка, известная как "Семь сестер Хименеса", окутала замок дымом и пламенем; день и ночь артиллерия стреляла взад и вперед. Христиане попытались взять это место штурмом, но Эз-Зегри и его неустрашимые последователи облили нападавших кипящей смолой и канифолью, швыряли огромные камни им на головы, когда они взбирались по лестницам, и пронзали их меткими стрелами с вышестоящей башни, пока штурмующий отряд не был вынужден отступить с большими потерями. Мины были опробованы с большим успехом, и впервые в истории Испании некоторые укрепления были взорваны порохом; но гарнизон все же выстоял. Рыцарство Испании теперь собралось у стен Малаги; прибыла сама королева

Изабелла, и ее присутствие вселило новый дух энтузиазма в ее рыцарей и солдат. На зубчатые стены были возведены деревянные башни; *testudo* из щитов использовалось в качестве прикрытия для людей, которые подрывали стены; но Эз-Зегри все еще не был покорен. Наконец появился враг похуже пушек и пороха: жители Малаги начали страдать от голода, и теперь они были более склонны прислушиваться к мирной политике торговцев, чем к смелым советам командующего. Помощи извне ожидать было нельзя. Эз-Загал действительно еще раз предпринял попытку спасти осажденный город. Он собрал то, что осталось от его армии, и выступил из Гуадикса на помощь Малаге; но его злополучный племянник снова подтвердил свое право на прозвище "Невезучий", поскольку в приступе безумной ревности он приказал войскам выйти из Гранады, перехватил небольшой отряд Эз-Загала, направлявшийся к Малаге, и рассеял его. Последняя вылазка Эз-Зегри была отбита с ужасной резней; люди умирали с голоду, и матери бросали своих младенцев перед лошадью губернатора, сетуя, что у них больше нет еды и они не могут слышать крики своих детей. Город, наконец, сдался, и Эз-Зегри, который все еще держался в Гибралфаро, был вынужден своими солдатами открыть ворота и был вознагражден за свой героизм тем, что был брошен в темницу, о которой больше никто никогда не слышал.

МАЛАГА.

Долгая осада закончилась; измученные голодом люди сражались друг с другом, чтобы купить еду у христиан. Африканский гарнизон, который все еще сохранял свой гордый вид, хотя и был измотан и ослаблен долгой борьбой и лишениями, был приговорен к рабству; остальным жителям было разрешено выкупить себя, но на таких коварных условиях, что все их имущество должно быть немедленно передано королю в качестве частичной оплаты, и что, если по истечении восьми месяцев не поступит остальное, они все должны быть превращены в рабов. Их пронумеровали и обыскали, а затем отправили дальше. "Тогда можно было увидеть стариков, беспомощных женщин и нежных дев, некоторые из них высокого происхождения и благородного положения, проходящих по улицам с тяжелой ношей по направлению к Алькасабе. Покидая свои дома, они били себя в грудь, заламывали руки и в отчаянии возводили свои заплаканные глаза к небу; и это записано как их жалоба: О Малага! город, столь знаменитый и прекрасный, где теперь сила твоего замка, где величие твоих башен? Какую пользу принесли твои могучие стены для защиты твоих детей?... Они будут оплакивать друг друга в чужих землях, но их причитания будут насмешкой чужеземца". Бедняги были отправлены в Севилью, где их держали в рабстве до истечения восьми месяцев, а затем, поскольку у них не было денег, чтобы выплатить оставшуюся часть выкупа,

они были все до единого приговорены к вечному рабству в количестве пятнадцати тысяч душ. Таким образом, неблагодарная изобретательность Фердинанда была вознаграждена.

Западная часть королевства Гранада теперь была полностью в руках христиан. В знаменитых мавританских крепостях Серрания-де-Ронда и прекрасном городе Малага стояли христианские гарнизоны. Сама Гранада была в руках Боабдила, который поспешил поздравить своего сеньора и леди с их победой над Малагой. Но на востоке старый Эз-Загал все еще смело выступал против захватчиков и собрал под своим знаменем все, что осталось от патриотизма у обескураженных мавров. От Хаэна на севере до Альмерии, главного порта Андалусии на средиземноморском побережье, его власть была неоспоримой; он удерживал важные города Гуадикс и Базу; и в пределах его владений скалистые хребты гор Альпуксаррас, колыбели выносливой и воинственной расы альпинистов, приютили бесчисленные долины, питаемые прохладной водой со снежных вершин Сьерра-Невады, где стада крупного рогатого скота, виноградные лозы, апельсины, гранаты, цитроны и тутовые деревья приносили богатство целой провинции.

В 1488 году Фердинанд обратил свое победоносное оружие в сторону этой нетронутой части мавританских владений. Собрав свои войска в Мурсии, он двинулся на запад, на территорию Эз-Загала, и напал на Базу. Здесь его наступление было сурово остановлено; рука Эз-Загала не утратила своей древней хитрости, и он отбросил христиан от стен Базы и начал мстить, совершая набеги на их собственную страну. В следующем году Фердинанд, ничуть не обескураженный, возобновил наступление на Базу; но вместо того, чтобы пожертвовать своими войсками в напрасных атаках, он опустошил плодородную местность вокруг и таким образом заставил город сдаться голодом. Это заняло шесть месяцев, и христиане потеряли двадцать тысяч человек от болезней и переохлаждения, а также от несчастных случаев войны; но в декабре 1489 года База, наконец, покорилась, и с потерей этого главного города власть Эз-Загала была сломлена. Замки, господствовавшие в крепостях Альпуксарраса, один за другим уступали престижу или золоту Фердинанда. Эз-Загал понял, что правление мавров обречено: он неохотно подчинился Фердинанду и сдал город Альмерию. Ему была выделена небольшая территория в Альпуксаррах с титулом короля Андаракса. Он недолго оставался в стране своей утраченной славы и нынешнего позора; он продал свои земли и отправился в Африку, где султан Феса жестоко ослепил его и провел остаток своих дней в нищете, скитающийся изгнанник, которого жалели те, кто мог узнать героя в лохмотьях нищего или прочесть значок, который он носил, на котором арабскими буквами было написано: "Это несчастный король Андалусии".

Одна Гранада осталась во власти мавров. Боабдил был очень рад видеть своего старого соперника Эз-Загала свергнутым с престола их католическими величествами: "Отныне, - крикнул он гонцу, принесшему ему новость, - пусть никто не называет меня Зогойби, ибо удача ко мне повернулась", на что другой ответил, что ветер, который дул в одной стороне, вскоре может подуть и в другой, и королю лучше приберечь свое ликование для более устойчивой погоды. Боабдил, хотя и слышал, как его имя проклинали на улицах его столицы как предателя, вступившего в союз с неверными, теперь, когда его ненавистный дядя был бессилен, тешил себя слепой уверенностью; как вассал Фердинанда и Изабеллы, он верил, что ему нечего бояться. Он забыл, что, когда в своей безумной ненависти к Эз-Загалу он подстрекал христианских монархов подчинить владения своего соперника, он заключил договор, согласно которому, если Фердинанду удастся подчинить страну Эз-Загала вместе с городами Гуадикс и Альмерия, он, со своей стороны, сдаст Гранаду. Однако он недолго оставался без стимула для своей памяти. Фердинанд написал ему, чтобы сообщить, что условия, указанные в договоре, были выполнены с его стороны, и потребовал сдачи Гранады

в соответствии с изложенными тогда условиями. Напрасно Боабдил умолял об отсрочке; король был настроен решительно и пригрозил повторить пример Малаги, если столица не будет немедленно сдана. Боабдил не знал, что ответить, но жители Гранады во главе с Мусой, храбрым и доблестным рыцарем, взяли дело в свои руки и сказали его католическому величеству, что если ему нужно их оружие, он должен прийти и взять его!

Когда были сказаны эти смелые слова, прекрасная Вега Гранады была усыпана посевами и фруктами; она оправилась от опустошений, сопровождавших борьбу между Эз-Загалом и Боабдилом, и великолепный урожай ожидал своего серпа. Фердинанд увидел представившуюся возможность и, применив свою обычную тактику, перебросил свои двадцатипятитысячные войска через Вегу и на тридцать дней отдал ее в их разрушительные руки. Когда он повернул обратно в сторону Кордовы, Вега представляла собой одно огромное пространство запустения. Этого было достаточно для одного сезона; и все же еще раз была проведена жестокая разрушительная работа в тот благодатный 1490 год.

МЕЧ БОАБДИЛА (коллекция Вилласека, Мадрид).

Наконец-то Боабдил набрался отчаянной храбрости. Ведомый Мусой, чей характер был безупречен, он облачился в свои доспехи и начал вести войну в расположении врага. Мавры вокруг, которые покорились Фердинанду, были ободрены тем, что король Гранады снова вышел на тропу войны, и, поспешно бросив свои обещания на ветер, поднялись и присоединились к нему. Действительно казалось, что возвращаются старые добрые времена Гранады; некоторые крепости были отбиты у христиан, а мавританская армия опустошала границы. Это был всего лишь последний проблеск света перед окончательным

заходом солнца. В апреле 1491 года Фердинанд и Изабелла отправились в свой ежегодный крестовый поход, решив не возвращаться до тех пор, пока Гранада не окажется в их власти. Король возглавлял армию в сорок тысяч пеших и десять тысяч всадников под командованием таких военачальников, как знаменитый Понсе де Леон, маркиз Кадисский, маркиз Сантьяго, графы Тендилья и Кабра, маркиз Вильена и грозный рыцарь дон Алонсо де Агилар. Боабдил держал совет в Альгамбре, откуда на Веге были видны облака пыли, поднятые христианскими всадниками; некоторые убеждали в бесполезности сопротивления, но Муса встал и велел им быть верными своим предкам и никогда не отчаиваться, пока у них есть сильные руки для боя и быстрые лошади для набега. Народ заразился энтузиазмом Мусы, и в Гранаде не было слышно ничего, кроме звона чищеного оружия и топота солдат.

Муса был главным командующим, и ворота находились в его ведении. Они были заперты, когда показались христиане, но Муса распахнул их. "Наши тела, - сказал он, - запрут ворота". Молодые люди были воодушевлены такими словами, и когда он сказал им: "Нам не за что сражаться, кроме земли, на которой мы стоим; без этого мы останемся без дома и родины", - они приготовились умереть вместе с ним. С таким предводителем мавританские кавалеристы совершали поразительные подвиги на равнине, отделявшей город от христианского лагеря. Единоборства были обычным явлением; мавры проезжали чуть ли не мимо палаток испанцев и вызывали какого-нибудь рыцаря на поединок, с которого он слишком часто не возвращался. Фердинанд обнаружил, что его лучшие воины гибнут один за другим, и категорически запретил своим рыцарям принимать вызов мавров. Испанскому рыцарству было трудно спокойно сидеть в своих палатках, в то время как отважный мавританский всадник скакал под окликом и насмехался над их трусостью; и когда, наконец, один из гранадинцев настолько отважился, что метнул копье почти в королевский шатер, Эрнандо Перес де Пульгар, прозванный "Подвигом", больше не мог сдерживаться, но, собрав небольшой отряд сторонников, глубокой ночью подъехал к задним воротам в стенах Гранады и, застав врасплох стражу, галопом проскакал через город. Он шел по улицам, пока не дошел до главной мечети, которую сразу же торжественно посвятил Пресвятой Деве и в знак ее обращения прибил к двери табличку со словами: *Аве Мария*. Гранада к этому времени проснулась, и солдаты собирались со всех сторон; но Пулгар пришпорил своего коня и, к изумлению народа, яростно прорвался сквозь толпу, опрокидывая ее, когда галопом подскочил к воротам и, пробившись наружу, с триумфом вернулся в лагерь. С тех пор Пулгары имели право сидеть на хоре церкви-мечети во время празднования Великой мессы.

Однако такие отважные подвиги мало способствовали продвижению осады, а несколько стычек не были окончательными. Фердинанд возобновил свою старую тактику. Он сделал вылазку из своего лагеря, который случайно был сожжен дотла, и принялся опустошать то, что осталось от плодородия Веги. Мавры предприняли последнюю отчаянную вылазку, чтобы спасти свои поля и сады, и Муса и Боабдил сражались как герои во главе своей кавалерии; но пехотинцы, менее стойкие, были отброшены к воротам, куда Муса печально последовал за ними, решив никогда больше не рисковать в открытом бою с такими людьми за спиной. Это была последняя битва гранадинцев. В течение десяти лет они оспаривали у захватчиков каждый дюйм земли; везде, где могла стоять их нога, они стойко противостояли врагу. Но теперь у них не осталось ничего за пределами их столицы, и в ее стенах они заперлись в угрюмом отчаянии. Уморить их голодом было приятной задачей для католического короля; и, следуя прецеденту третьего Абд-эр-Рахмана при осаде Толедо, он за восемьдесят дней построил осаждающий Гранаду город и назвал его Санта-Фе в честь своей "Святой Веры", и там он стоит по сей день, памятник решимости Фердинанда. Голод сделал то, чего не могла добиться никакая простая доблесть. Жители Гранады умоляли

Боабдила избавить их от дальнейших пыток и заключить соглашение с осаждающими, и, наконец, незадачливый король уступил. Муса не будет участвовать в капитуляции. Он вооружился *нагайкой*, сев на коня, уехал из города, чтобы никогда не возвращаться. Говорят, что по дороге он столкнулся с отрядом христианских рыцарей численностью в полдюжины человек и, ответив на их вызов, убил многих из них, прежде чем выбился из седла, а затем, пренебрегая их предложениями пощады, упрямо сражался на коленях, пока не стал слишком слаб, чтобы продолжать борьбу: тогда из последних сил он бросился в реку Ксениль и, отяжелевший от доспехов, пошел ко дну.

25 ноября 1491 года был подписан акт о капитуляции и был установлен срок, в течение которого должно было соблюдаться перемирие, после чего, если помощь извне не поступит, Гранада должна была быть передана их католическим величествам. Напрасно мавры высматривали признаки помощи, которой они добивались от султанов Турции и Египта. Помощь не пришла, и в конце декабря Боабдил отправил сообщение Фердинанду с просьбой прийти и овладеть городом. Христианская армия гуськом выступила из Санта-Фе и двинулась через Вегу, под печальными взглядами несчастных мавров. Передовой отряд вошел в Альгамбру, и вскоре с вершины Торре-де-ла-Вела показался большой серебряный крест; рядом с ним развевалось знамя Святого Иакова, а крики "Сантьяго!" раздавались от армии на равнине внизу; и, наконец, сбоку от креста был водружен штандарт Кастилии и Арагона. Фердинанд и Изабелла упали на колени и возблагодарили Бога; вся испанская армия преклонила колени позади них, и королевский хор торжественно запел *Te Deum*. У подножия Холма мучеников Боабдил в сопровождении небольшого отряда всадников встретил королевскую процессию. Он отдал Фердинанду ключи от Гранады и, повернувшись спиной к своему любимому городу, направился в горы. Там, в Падуле, на отроге Альпухаррас, Боабдил стоял и оглядывался на королевство, которое он потерял: прекрасную Вегу, башни Альгамбры и сады Хенералифе; всю красоту и великолепие его утраченного дома. "Аллах Акбар, - сказал он, - Аллах самый великий", - и разразился слезами. Его мать Айша стояла рядом с ним: "Ты вполне можешь плакать, как женщина, - сказала она, - из-за того, что ты не смог защитить, как мужчина". Место, откуда Боабдил бросил печальный прощальный взгляд на свой город, из которого он был изгнан навсегда, по сей день носит название *el ultimo sospiro del Moro*, "последний вздох мавра". Вскоре он перебрался в Африку, где его потомки научились выпрашивать хлеб насущный.

Когда солнце садилось, в Гранаде раздавался плач;

Кто—то взывал к Троице, кто-то - к Махуну.

Здесь скончался Коран — там несли Крест —

И здесь был слышен христианский колокол — а там мавританский рожок:

Te Deum Laudamus! в Алькале пели:

С минаретов Альгамбры были спущены все полумесяцы;

На них изображен герб Арагона и Кастилии;

Один король входит с триумфом — один плачущий уходит.

Так кричал плакальщик, в то время как его руки рвали свою старую седую бороду:

Прощай, прощай, Гранада! ты город, которому нет равных!

Горе, горе, гордость язычества! семьсот с лишним лет

прошло с тех пор, как верующие впервые взяли в руки твой королевский скипетр!

Ты была счастливой матерью прославленного рода;
В тебе жила надменная линия, которая теперь уходит со своего места;
В тебе жили бесстрашные рыцари, которые сражались с радостным ликованием,
враги гордой Кастилии, проклятие Христианства.

Здесь храбрецы считали, что умереть ради леди - это мелочь,
Или за честь Пророка и солдатскую гордость;
Ибо здесь взращивалась доблесть и подвиги воинственной мощи
Облагораживали благородные дворцы, которыми мы наслаждались.

Сады твоей Веги, ее поля и цветущие беседки —
Горе, горе! Я вижу, как исчезла их красота и рассыпались все их цветы!
Ни на какое почтение он не может претендовать — король, которого потеряла такая земля, —
Он никогда не сможет скакать верхом и быть услышанным среди войска;
Но в каком-нибудь темном и мрачном месте, где никто не сможет увидеть его лица,
Там плачет и причитает тот единственный, кем должен быть король.[\[30\]](#)

XIV.

НЕСУЩИЙ КРЕСТ.

"Последний вздох" БОАБДИЛА был лишь началом долгого периода траура и оплакивания несчастных мавров, которых он привел к гибели. Действительно, поначалу казалось, что справедливые условия, на которых Гранада капитулировала, будут соблюдены, а свобода вероисповедания и мусульманские законы будут поддержаны. Первый архиепископ, Эрнандо де Талавера, был хорошим и либерально настроенным человеком, и насильственное обращение не входило в его политику. Он строго уважал права мавров и стремился привлечь их на свою сторону силой примера, единообразной справедливостью и добротой, а также, насколько это было возможно, приспособляясь к их обычаям. Он заставлял своих священников учить арабский и читал молитвы на том же нечестивом языке, и подобные уступки "так повлияли на умы населения, что в 1499 году, когда королева послала кардинала Хименеса помочь ему в работе, казалось, что сцены, происходившие в Иерусалиме в период зарождения Веры, вот-вот будут воспроизведены в Гранаде. За один день не менее 3000 человек приняли крещение из рук Предстоятеля, который окропил их иссопом коллективного возрождения".^[31] Хименес мало гармонировал с мягкими манерами архиепископа: он был апостолом Воинствующей Церкви, всегда наиболее активным, когда воинствующий означал торжествующий, и хотел, чтобы души этих "неверных" были спасены от адского пламени, нравилось им это или нет. Он внушил святому разуму Изабеллы пагубную доктрину о том, что поддерживать веру с неверными — значит нарушать веру в Бога; и это одно из немногих пятен на имени доброй королевы, что она в конце концов согласилась на преследование мавров, или "морисков", как их теперь стали называть.

Первая попытка принудить гранадинцев потерпела неудачу. Некоторые из наиболее правоверных мусульман выразили свое отвращение к новым обращениям в христианство, и эти недовольные были арестованы. Женщина, брошенная в тюрьму под таким предлогом, взбодрила жителей Альбайсина; они поднялись с оружием в руках и спасли ее, и Гранада наполнилась смутой и баррикадными боями. Гарнизон был безнадежно в меньшинстве; Хименес бушевал в бессильной ярости; но мирный архиепископ вышел вперед, сопровождаемый только своим крестоносцем, и, бесстрашно войдя в Альбайсин, был сразу окружен народом, который целовал его одежды и излагал свои обиды тому, в ком они видели справедливого и великодушного посредника. Талавера разрешил споры, и кардиналу пришлось удалиться.

Однако Хименес был не из тех людей, которых легко отвлечь от своей цели. Он убедил королеву издать указ, по которому маврам предоставлялось право выбора: крещение или изгнание. Им напомнили, что их предки когда-то были христианами и что по происхождению они сами родились в Церкви и, естественно, должны исповедовать ее учение. Мечети были закрыты, бесчисленные рукописи, содержащие результаты веков мавританского обучения, были сожжены безжалостным кардиналом, а несчастным "неверным" угрожали и вбивали в них Евангелие мира и Доброй воли в манере, уже одобренной их католическими Величествами в отношении не менее несчастных евреев. Большинство, конечно, уступило, решив, что легче пощадить свою религию, чем свои дома; но искра старого мавританского духа продолжала ярко гореть среди горцев Альпухарраса, которые некоторое время защищали свои снежные крепости от преследователей. Первая попытка подавить восстание закончилась катастрофой. Дон Алонсо де Агилар, чья слава о безрассудных поступках росла на протяжении сорока лет доблестного рыцарства, был послан в Сьерра-Бермеху в 1501 году

и потерпел ужасное поражение от рук морисков, которые сокрушили его кавалерию массивными камнями, которые они бросали в них.

За песками, между скалами, где растут старые пробковые деревья,
Тропа неровная, и всадникам приходится маршировать поодиночке и медленно;
Там, за тропой, язычники выстраивают линию засады,
Высоко они поджидают Агилара, когда начинает светать.

Ничто не поможет ни Орлиному глазу, стражу Кастилии, ни
глазу мудрости, ни сердцу, которого никогда не постигнет страх, ни
руке силы, которая хорошо владела крепкой булавой в бою,
Ни широкой пластине, из-под которой выглядывает лезвие фальчиона.

Здесь не поможет ни рыцарская доблесть, ни умение владеть конем и копьем;
Ибо камень о камень с грохотом обрушивается со скалы и мрачнеет в пещере;
Они падают вниз, вниз, подобно проносящемуся граду, и конь и всадник умирают
, как скот, отчаяние которого немо, когда летят свирепые молнии.

Алонсо с еще горсткой убегает в поле,
Там, как лев, стоит в страхе, тщетно умоляя уступить:
Вокруг видны тысячи врагов, но никто не приближается к битве,
Издалека стрелами и дротиками они пронзают стойкого рыцаря.

Сотни и сотни стрел свистят над его головой;
У Агилара была тысяча сердец, и вся их кровь была пролита;
Слабея все больше и больше, он шатается по скользкому дерну —
Наконец он лежит спиной к земле, он отдает Богу душу.

Однако другая, более вероятная легенда повествует о том, как Агилар был убит в честном бою предводителем мавров. Он был пятым лордом из своего рода, погибшим в бою с неверными.

Однако этот временный успех только усилил репрессии со стороны разъяренных христиан. Граф Тендилья взял штурмом Гехар; граф Серин "взорвал мечеть, в которой для безопасности были размещены женщины и дети обширной округи", а сам король Фердинанд захватил ключ от перевалов, замок Ланжарон. Остатки повстанцев бежали в Марокко, Египет и Турцию, где их мастерство ремесленников обеспечивало им средства к существованию. Так было подавлено первое восстание в Альпухаррах.

Последовало полвека тлеющей ненависти. Мориски неохотно выполняли минимум религиозных обязанностей, возложенных на них внешним обращением; но они позаботились о том, чтобы смыть святую воду, которой крестили их детей, как только те скрылись из поля зрения священника; они возвращались домой со своих христианских свадеб, чтобы снова обвенчаться по мусульманскому обряду; и они чувствовали берберийского корсара как дома в своих городах и помогали ему похищать детей христиан. Мудрое и честное правительство, соблюдающее свои обещания, данные при сдаче Гранады,

было бы избавлено от опасностей, связанных с этим скрытым недовольством; но правители Испании не были ни мудры, ни честны в своих отношениях с морисками, и с течением времени они становились все более жестокими и лживыми. "Неверным" было приказано отказаться от своей родной и живописной одежды и надеть шляпы и бриджи христиан; отказаться от купания и принять грязь своих завоевателей; отказаться от своего языка, своих обычаев и церемоний, даже от самих своих имен, и говорить по-испански, вести себя по-испански и переименовать себя в испанцев. Великий император Карл V. санкционировал этот чудовищный указ в 1526 году, но у него хватило здравого смысла не приводить его в исполнение; и его агенты использовали его только как средство вымогательства взятки у более богатых мавров в качестве платы за официальную слепоту. Инквизиция на время удовлетворилась "торговлей веротерпимостью", которая весьма удовлетворительно пополнила казну. Она была зарезервирована для Филиппа II. чтобы привести в исполнение тиранический закон, который его отец благоразумно оставил в покое. В 1567 году он ввел в действие отвратительные постановления о языке, обычаях и тому подобном, а чтобы обеспечить законность запрета на чистоту, начал с сноса прекрасных бань в Альгамбре. Массовая денационализация народа была больше, чем мог переварить любой народ — не говоря уже о потомках Альманзоров, Абд-эр-Рахманов и Абенсеррахов. Стычка со сборщиками налогов-грабителями подожгла горючие материалы, которые давно были готовы загореться: несколько солдат были убиты крестьянами, в хижинах которых они были расквартированы; красильщик из Гранады, Фаракс Абен Фаракс, происходивший из рода Абенсеррахов, собрал банду недовольных и сбежал в горы, прежде чем гарнизон решил преследовать его; Эрнандо де Валор, из рода халифов Кордовы, человек известный в Гранаде, но попавший в немилость. из-за его распутных привычек был избран королем Андалусии с титулом мулей Мохаммед Абен Омейя; и через неделю весь альпухаррас был вооружен, и началось второе восстание морисков (1568).

Район Альпухаррас был хорошо приспособлен для того, чтобы затеять восстание. Участок возвышенности между Сьерра-Невадой и морем, около девятнадцати миль в длину и одиннадцать в ширину, "так грубо разбит на неровные холмы и глубокие ущелья, что было бы трудно найти на всей его поверхности участок ровной земли, за исключением небольшой долины Андаракс и пояса равнины, которая проходит между горами и морем. Три основных хребта, отроги Сьерра-Невады и сами отроги с меньшими ответвлениями, пересекают ее с севера на юг. Через образовавшиеся таким образом лощины протекает ряд ручьев — бурных зимой, но часто пересыхающих летом, — которые уносят снега Мулейхасена и Пик-де-Валета в Средиземное море. По природной красоте и многим физическим преимуществам этот горный край является одним из самых прекрасных и восхитительных регионов Европы. От тропической жары и роскоши, сахарного тростника и пальм, нижних долин и узкой равнины, которая золотой полосой огибает море, всего один шаг через сады, крутые кукурузные поля и оливковые рощи к свежим альпийским пастбищам и сосновым лесам, над которыми увядает растительность на скалах, где долго лежит глубокий снег, который все еще можно найти в укромных уголках и ложбинах в палящие осенние дни. Когда узкие долины с плодородной почвой были густо заселены вересковыми пустошами, они были разбиты на террасы и орошались с тщательной заботой, которая компенсировала нехватку места.^[32] Деревни, каждая из которых располагалась в своей лощине или на скалистой возвышенности, были окружены виноградниками и садами, апельсиновыми и миндальными садами, оливковыми и шелковичными плантациями, окруженными живой изгородью из кактусов и алоэ; выше, на скалистых возвышенностях, раздавались колокольчики овец и коров; а вино и фрукты, шелк и масло, сыр и шерсть альпуксаррасов славилась на рынках Гранады и в морских портах Андалусии".^[33] Именно эту прекрасную провинцию фанатизм священника собирался предать мечу и клейму солдата.

Великое восстание в Альпуксаррасе длилось два года, и его подавление потребовало от испанцев величайшей энергии. Его записи полны безрассудного кровопролития, пыток, убийств, предательства и ужасающей жестокости с обеих сторон; но они дополняются актами героизма и стойкости, которые сделали бы честь любой эпохе и любой нации. Борьба была жестокой и отчаянной: это был последний рубеж мавров; они чувствовали себя загнанными в угол и в своем первом безумном порыве ярости отомстили за столетние оскорбления и преследования. Деревня за деревней восставали против своих угнетателей; церкви осквернялись, изображение Богоматери делалось мишенью, священники убивались, и слишком часто ужасные пытки применялись против христиан, которые, со своей стороны, укрывались на звонницах и башнях и доблестно сопротивлялись внезапному нападению врага. Мы читаем, как две женщины, оставшиеся одни в башне, заперли дверь и, вооруженные только камнями, которые они метали с зубцов стены, раненные стрелами и не поддерживаемые ничем, кроме собственных храбрых сердец, сдерживали нападавших с рассвета до полудня, когда, к счастью, пришла помощь. Еще одно золотое деяние рассказывается о продвижении христианской экспедиции по подавлению восстания. Войска прибыли к ущелью Таблет, мрачной пропасти глубиной в сто футов, на дне которой бушевал поток. Мориски разрушили мост, и от него осталось лишь несколько шатающихся досок, по которым отважный разведчик мог бы перебраться в случае необходимости. По другую сторону этих досок мавританские лучники держали свои луки натянутыми. Неудивительно, что солдаты отшатнулись от такой переправы; танцующей доски, рева потока и мавританских стрел было достаточно, чтобы устроить самых храбрых. Пока армия стояла в нерешительности, монах вышел вперед и спокойно повел ее по насыпи над потоком, прямо под стрелы врага, который был слишком поражен восхищением, чтобы думать о стрельбе. Двое солдат бросились вслед за преданным монахом — один добрался до другого берега, другой упал в шипящий внизу поток. Тогда вся армия собралась с духом и, переправившись так быстро, как только могли, и собравшись на другой стороне, бросилась вверх по склону и захватила позицию. Это были перевернутые Фермопилы с монахом вместо Леонида; балаклава скакала по зыбучим пескам; и это искупает длинный список низостей.

Маркиз Мондехар, командовавший в Гранаде, пытался примирением и великодушием утихомирить восстание, которое его решительный поход в горы во главе четырех тысяч человек в значительной степени подавил; но случайная резня в Джубилесе и акт предательства в Ларолесе вновь разожгли пламя восстания, которое было частично потушено, а безжалостное убийство ста десяти морисков их товарищами-христианами по заключению в Альбайсинской тюрьме еще больше разъярило преследуемый народ. Мондехар не принимал никакого участия в этом кровавом деле и направлялся со своей охраной к тюрьме, чтобы подавить беспорядки, когда алькаид встретил его замечанием: "В этом нет необходимости; в тюрьме тихо — *все мавры мертвы*". После этого мориски с каждым днем набирали силу, и Абен Умейя действительно стал владыкой всего округа Альпухаррас. Однако этот неспособный и расточительный отпрыск кордовской знати наслаждался своей властью очень недолго; ибо в октябре 1569 года личная злоба и подозрительность привели к тому, что он был задушен в постели собственными последователями, когда способный и преданный человек, истинный лидер восстания и тот, кто мог даже осмелиться умереть за своего друга, принял титул короля как Мулей Абдалла Абен Абу.

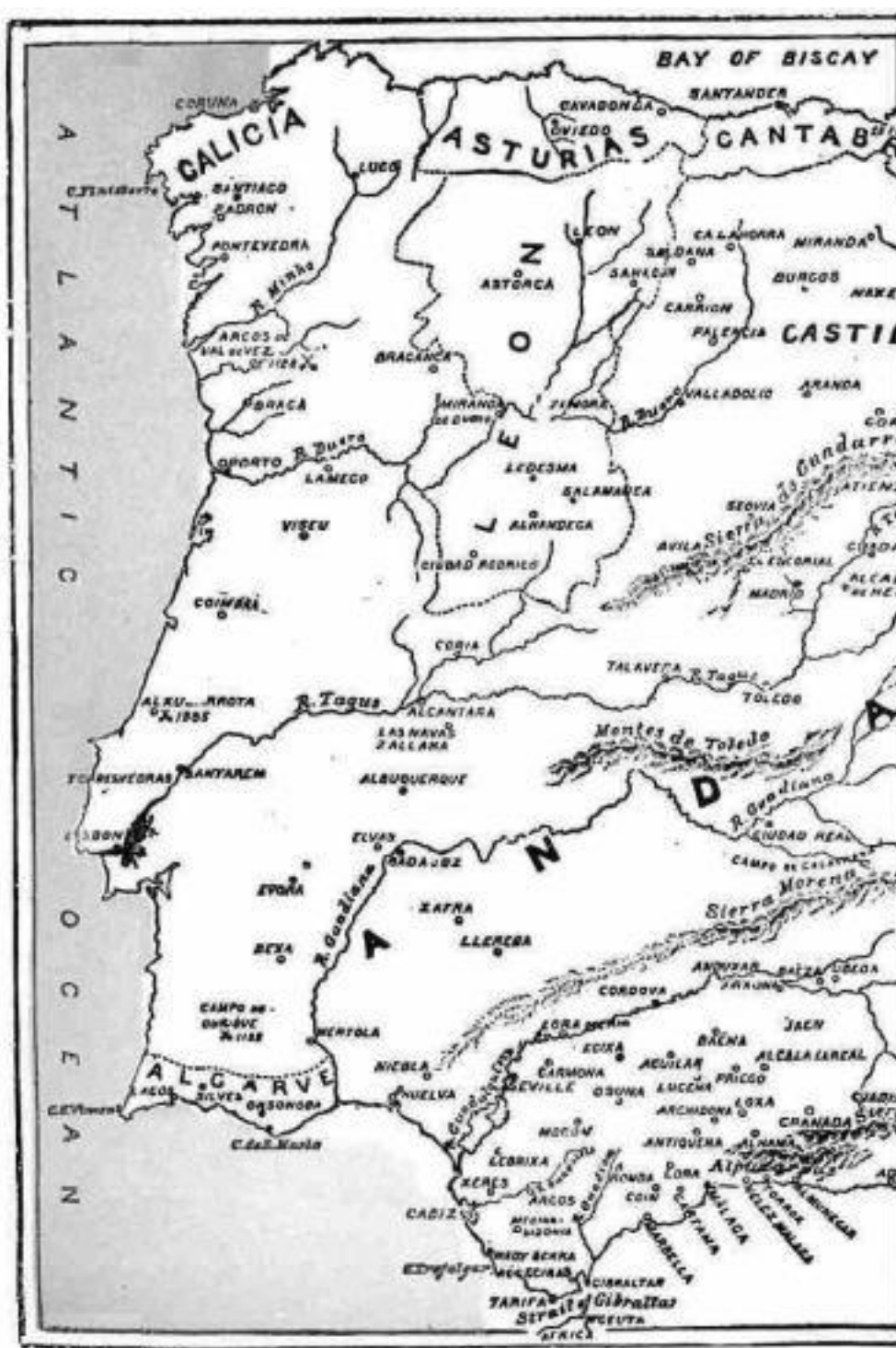
Абену Або пришлось иметь дело с новым противником. Сводный брат короля, дон Иоанн Австрийский, молодой человек двадцати двух лет, но полный надежд, заменил Мондехара на посту главнокомандующего войсками против морисков, и после затяжной переписки он убедил Филиппа в серьезности ситуации и необходимости решительных мер. Наконец дон

Джон получил приказ выступать, и после этого мориско следовало ожидать лишь короткого отступления. Зимой 1569-70 годов он начал свою кампанию, и в мае были согласованы условия капитуляции. Прошедшие месяцы были запятнаны алой рекой крови. Девизом донна Джона было "без пощады"; мужчины, женщины и дети были убиты по его приказу и на его глазах; деревни Альпуксаррас были превращены в человеческие руины.

Даже когда казалось, что восстание подошло к концу, последний слабый проблеск восстания вспыхнул снова: Абен Абу еще не примирился с угнетением. Убийство, однако, окончательно убедило его: его голова в течение тридцати лет была выставлена над Воротами Руин в Гранаде. Великий командующий Рекезенс с помощью организованной системы массовой резни и опустошения, сжигая дотла деревни и закуривая людей до смерти в пещерах, где они искали убежища, погасил последнюю искру открытого восстания до 5 ноября 1570 года. Мориски были наконец покорены ценой чести христианской Испании и утраты ее будущего.

Выживших участников восстания ожидали рабство и изгнание. Их было не так уж много. Говорили, что последние войны, унесли жизни более двадцати тысяч мавров, и, возможно, пятьдесят тысяч оставались в округе в тот знаменитый День всех святых 1570 года, когда в честь апостолов и мучеников христианского мира была отмечена фактическая мученическая смерть бедных остатков мавров. Те, кто был захвачен в ходе открытого восстания, были обращены в рабство, остальных увели в изгнание под конвоем войск, в то время как горные перевалы надежно охранялись. Многие несчастные изгнанники умерли по дороге от нужды, усталости и переохлаждения; другие добрались до Африки, где они могли просить жалкие гроши в день, но не могли найти земли для возделывания; или до Франции, где их встретил прохладный прием, хотя и Генрих IV. нашел их полезными инструментами для своих интриг в Испании. Депортация не завершалась до 1610 года, когда полмиллиона морисков были сосланы и разорены. Утверждается, что не менее трех миллионов мавров были изгнаны в период между падением Гранады и первым десятилетием 17 века. Арабский хронист скорбно описывает *государственный переворот*: "Всевышнему не было угодно даровать им победу, поэтому они были побеждены и убиты со всех сторон, пока, наконец, не были изгнаны из земли Андалусии, бедствие которой произошло в наши дни, в год Бегства, 1017. Воистину, Богу принадлежат земли и владения, и Он дает их, кому пожелает".

Сбитые с толку испанцы не ведали, что творят. Изгнание мавров привело их в восторг; ничего более живописного и романтического уже давно не происходило. Лопе де Вега пел о *справедливом приговоре*, которым Филипп III, *презираемый барбаросом тесоросом*, был сослан в Африку *las ultimas reliquias de los Moros*; Веласкес изобразил это на мемориальной картине; даже мягкий и терпимый Сервантес заставил себя оправдать это. Они не понимали, что убили своего золотого гуся. На протяжении веков Испания была центром цивилизации, средоточием искусств и наук, образования и всех форм утонченного просвещения. Ни одна другая страна в Европе не приближалась так далеко к культурным владениям мавров. Краткий блеск Фердинанда и Изабеллы, а также империи Карла V. не могли обрести такого прочного превосходства. Мавры были изгнаны; некоторое время христианская Испания сияла, подобно луне, чужим светом; затем наступило затмение, и с тех пор Испания пресмыкается в этой тьме. Подлинный памятник маврам можно увидеть в пустынных местах абсолютного бесплодия, где когда-то мусульмане выращивали пышные виноградные лозы, оливки и желтые колосья кукурузы; в глупом, невежественном населении, где когда-то процветали остроумие и ученость; в общем застое и деградации народа, который безнадежно упал в рейтинге наций и заслужил свое унижение.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

711
Тарик: битва при Гуадалете

733

777

г.н.э.
Карл Мартелл: битва при
Туре
Карл Великий: Перевал
Ронсеваль

Короли Омейядов

755-1008	1.	Абд-эр-Рахман I.
755	2.	Хишам I.
788	3.-----	796
	-----Хакам I.	
4.	Абд-эр-Рахман II.	822
5.	Мохаммад	852
6.	Мундир	886
7.	Абдаллах	888
8.	Абд-эр-Рахман III, Великий	912
9.	Хакам II.	961
10.	Хишам II. и ок.	976

	Альманзор Везир	978-1002
	Берберы и славяне	1008
	Сид	1064-1099
	Вторжение в Альморавиды: битва при Заллаке	1086
	Вторжение Альмохадов	1145
	Битва при Лас - Навасе	1212
	Падение Гранады	1491
	Восстания в Альпухаррах	1501 и 1568
	Окончательное изгнание мавров из Испании	1610

В текст внесены следующие изменения (примечание переводчика etext):

Guadelquivir=>Guadalquivir {2}

Каркасон=>Каркасон

СНОСКИ:

- [1] Dozy: История. des Mus. д'Эспань, глава II. i.
- [2] Я воспроизвожу эту знаменитую легенду, не ручаясь за ее правдивость. Флоринда, или Кава, как называют ее мусульмане, играет слишком заметную роль в первой главе истории Андалусии, чтобы ее можно было игнорировать; и, если ее роль вымышлена, предательство ее отца, по крайней мере, несомненно.
- [3] Слово мавр удобно использовать для обозначения арабов и других мусульман в Испании, но должным образом его следует применять только к *берберам* Северной Африки и Испании. В настоящем томе этот термин используется в его общепринятом значении, за исключением случаев, когда арабы специально отличаются от берберов.
- [4] Вашингтон Ирвинг: Завоевание Испании, изд. Бона, 378 и далее; Американское издание, Испанские документы, том i, стр. 42.
- [5] Локхарт: Испанские баллады.
- [6] О Пелайо или Пелагиусе см. Ниже, глава vii.
- [7] Dozy: История. des Musulmans d'Espagne, livre ii. ch. ii.
- [8] Досужая история. des Mus. d'Espagne, livre i.
- [9] Маккари: История мусульманских династий в Испании (Гаянгос), том ii. стр. 46. Dozy: История. des Mus. d'Espagne, livre i. ch. xii.
- [10] Для описания могущества телохранителей и падения Халифата читателя отсылают к "Истории сарацин" Артура Гилмана.
- [11] Dozy: История. des Mus. д'Эспань, ливр i. главы xiii.-xvi.
- [12] Dozy: История. des Mus. d'Espagne, livre ii. ch. iii., iv.
- [13] Маккари: ii. 121. Дози: ливр II. ч. v.
- [14] Dozy: История. des Mus. д'Эспань, главы vi.-ix.
- [15] Dozy: livre ii. ch. ix.
- [16] Dozy: История. des Mus. д'Эспань, книга II. глава xi и далее.
- [17] Dozy: История. des Mus. d'Espagne, livre ii. ch. xvii.
- [18] Ибн-Хайян, в Маккарии, ii. 34.
- [19] Дози, ливр iii.
- [20] Локхарт: Испанские баллады.
- [21] Dozy: История. des Mus. d'Espagne, livre iii. p. 90.
- [22] Маккари: История. Министерство здравоохранения. Династия. ii. 146, 147.

[23] Маккари, первая книга iii.

[24] Dozy. Хист. des Mus. д'Эспань, ливр iii. глава vi.-xii.

[25] Дози, ливр iii.

[26] Строительство Альгамбры было начато в тринадцатом веке и завершено в четырнадцатом. Вашингтон Ирвинг, посетивший его в 1829 году в компании князя Долгорукого, рассказал интересный рассказ о своей жизни там, в котором сочетаются романтика и история этого места.

[27] Хроника завоевания Гранады, глава iv.

[28] Мистер Ирвинг говорит о своем "хронисте": "При составлении моей хроники я использовал вымысел испанского монаха в качестве хрониста. Брат Антонио Агапида задумывался как олицетворение монашеских фанатиков, которые окружали монархов в их кампаниях, портили рыцарство лагеря фанатизмом монастыря и восторженно описывали каждый акт нетерпимости по отношению к маврам ". (Введение к исправленному изданию "Завоевания Гранады", 1850 г.)

[29] Вашингтон Ирвинг: Завоевание Гранады, глава xii.

[30] Локхарт: Испанские баллады.

[31] Сэр У. Стирлинг Максвелл: дон Джон Австрийский, i. 115.

[32] Испанцы так и не смогли воздать должное богатой почве Андалусии. Корона так мало думала о плодородной стране Гранаде, что в 1591 году королевские владения там были проданы, потому что они стоили дороже, чем испанцы могли заставить их уступить! Во времена мавров на тех же землях были сады почти тропической роскоши.

[33] Сэр У. Стирлинг Максвелл: дон Джон Австрийский, i. 126-8.
